

БОЛЬШИЕ ФФ КНИГИ

Владимир
Михайлов

КАПИТАН
УЛЬДЕМИР
ВЛАСТЕЛИН

«АЗБУКА»

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Владимир Михайлов

Капитан Ульдемир. Властелин

«Азбука-Аттикус»

1990, 1993

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

Михайлов В. Д.

Капитан Ульдемир. Властелин / В. Д. Михайлов — «Азбука-Аттикус», 1990, 1993 — (Фантастика и фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-24872-4

Классик отечественной фантастики Владимир Михайлов в литературе начинал как поэт. А от поэзии до фантастики – один шаг, примеров тому достаточно. Первый его фантастический опыт, повесть «Особая необходимость», пришелся на удачное время. Полет Гагарина, «Ну, поехали!», приближение космоса к человеку, восторженные толпы на улицах... Фантастика в одночасье из вчерашней литературной Золушки превратилась в сказочную Жар-птицу, а фантасты из тесных рамок «литературы второго сорта» вышли на широкую магистраль. Целая плеяда замечательных мастеров от Ефремова и братьев Стругацких до Гансовского, Савченко, Гуревича, Ларионовой, Булычева (продолжать можно долго) обогатила фантастический жанр. И одной из самых заметных в этом созвездии была звезда по имени Владимир Михайлов. Цикл о капитане Ульдемире принадлежит к лучшим произведениям писателя. В первой книге цикла, «Сторож брату моему», автор ставит перед героями (и читателями) проблему выбора. Вспышку Сверхновой, которая угрожает Земле тотальной гибелью человечества, вполне возможно свести на нет, погасив взрывную волну развитыми технологиями будущего. Но в окрестностях звезды есть планета Даль, населенная выходцами с Земли. Шансы на удачную эвакуацию ее населения предельно малы, и в случае неудачной попытки сгорят в пламени и Земля, и Даль. «Тогда придите, и рассудим» – прямое продолжение «Сторожа...». На этот раз перед главным героем стоит задача остановить безумцев, живущих на соседних планетах, не дать им уничтожить друг друга в ядерном огне. В основе сюжета «Властелина», продолжающего цикл о капитане Ульдемире, тоже война. Но эта война совершенно не похожа на те, что издревле ведут разумные и неразумные обитатели Вселенной. Притязания властителя планеты Ассарт распространяются не на сопредельные территории. Ему нужна чужая история,

чтобы перекраивать ее по своему разумению, сделавшись властелином времени.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-445

ISBN 978-5-389-24872-4

© Михайлов В. Д., 1990, 1993

© Азбука-Аттикус, 1990, 1993

Содержание

Капитан Ульдемир	7
Книга первая. Сторож брату моему	7
Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	12
Глава четвертая	17
Глава пятая	25
Глава шестая	29
Глава седьмая	38
Глава восьмая	44
Глава девятая	51
Глава десятая	60
Глава одиннадцатая	67
Глава двенадцатая	76
Глава тринадцатая	86
Глава четырнадцатая	96
Глава пятнадцатая	103
Глава шестнадцатая	112
Глава семнадцатая	123
Глава восемнадцатая	134
Глава девятнадцатая	141
Глава двадцатая	152
Книга вторая	164
Глава первая	164
Глава вторая	172
Глава третья	184
Конец ознакомительного фрагмента.	188

Владимир Михайлов

Капитан Ульдемир. Властелин

© В. Д. Михайлов (наследник), 1990, 1993

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Капитан Ульдемир

Роман-диалогия

Книга первая. Сторож брату моему

Глава первая

Я плохо помню день своих похорон, зато день гибели до сих пор перед глазами. Вернее, не день; он успел уже кончиться, сентябрьский денек семьдесят третьего года, уточняя – одна тысяча девятьсот семьдесят третьего. Уточняя для тех, кто не сразу поймет, что происходило в двадцатом веке, так невозможно давно. День уполз за горизонт, сумерки сгустились, когда я позвонил ей. Она подошла к телефону и, едва я успел что-то пролопотать, сказала голосом, в котором была бесконечная усталость:

– Я разочаровалась в тебе.

«Разочаровалась» – приятное словечко. Приятное ретроспективно: оно как-никак предполагает, что перед этим она была мною очарована, а в этом я как раз был меньше всего уверен. Так что таилась в слове некоторая возможность, крылся повод порадоваться хотя бы за свое прошлое, когда тобою очаровывались, а не наоборот.

Но я не испытал ровно никакой радости. С таким же успехом можно гордиться тем, что тебя стукнули по затылку топором, а не молотком: значит, сочли серьезным противником, высоко оценили крепость черепа. Боюсь только, что после такого удара не остается времени для оценки оказанного тебе уважения, вот и у меня в тот раз времени не осталось.

В ответ я тогда, помнится, изрек что-то вроде:

– Ну извини...

И положил трубку, и даже прижал ее крепче – чтобы трубка, не дай бог, не подскочила сама к уху и не пришлось бы услышать что-нибудь еще похуже.

Похуже – потому что я знал, что никаких смягчений вынесенного приговора не последует. Нуш имела обыкновение говорить то, что чувствовала; именно чувствовала, а не думала.

И вот я, положив трубку, сидел и не то чтобы размышлял, но инстинктивно искал ту дырку, в которую можно было бы удрать от самого себя, потому что если Нуш разочаровалась, то виновата в этом наверняка была не она, а именно я, и от этого «меня самого» надо было куда-то деваться – оставаться в своем обществе мне ну никак не хотелось. Но мысли мои всего лишь бодро выполняли команду «на месте», и ничего остроумного не появлялось; хотя я по старой армейской привычке раза два попробовал скомандовать: «Дельные мысли, три шага вперед!» – ни одна не нарушила строя. Однако поскольку положение, в котором я оказался, было довольно-таки стереотипным, то оставалась возможность воспользоваться каким-то из стандартных выходов – и их человечество даже к двадцатому веку успело уже наработать немалую толику.

Отделаться от себя самого можно было, например, с помощью хорошей выпивки. Бывало, что друзья проявляли скромность, и где-то за книгами застаивалась не обнаруженная ими бутылка. Память подсказала, что искать бесполезно, но я на всякий случай встал – двигался я словно в невесомости, не ощущая тяжести тела, – и пошарил. Безуспешно: не те друзья заходили ко мне в последний раз. Этот стереотип отпадал; надо было искать еще что-нибудь.

Я взял трубку. Не телефонную – о ней мне в тот миг и думать не хотелось, словно это она сама выговорила услышанные мною слова; я судил, конечно, неправильно, потому что по

телефону, быть может, удалось бы разыскать кого-нибудь из приятелей, а поплакать другу в жилетку – тоже стереотипный выход, и не самый худший: посочувствуют тебе, а не ей, хотя кому из вас двоих сейчас хуже – трудно сказать. Ну да ведь и ее кто-нибудь утешит! (Этой мысли мне только не хватало.) Итак, я взял трубку, хорошую, старую английскую трубку «Три би», медленно набил ее (табак, как обычно, был пересушен), потер пальцами чубук, лихо отваленный вперед, словно форштевень клипера, сунул длинный мундштук в рот и раскурил.

Что делать дальше, я так и не придумал, но, раз уж я встал, надо было двигаться; переживать в темной комнате еще тоскливей, чем в освещенной, а зажечь свет я не хотел, потому что тогда мог увидеть в темном окне свое отражение; на такое я в тот миг не был способен. Я толкнул дверь, вышел на веранду, на крылечко и спустился в сад.

Совсем стемнело, и небо было спокойным и ясным, и звезды, вечные утешительницы, своим неощутимым светом прикоснулись к моему лицу. Летучая мышь промчалась бесшумно и низко, круто метнулась в сторону и через мгновение кинулась еще куда-то; ловила мошек, верно; но мне в тот миг показалось, что это – проекция моей души на звездное небо и что во мне сейчас что-то – душа, коли нет иного термина, – вот так же мечется, ловя ускользящую добычу и шарахаясь от препятствий. У летучей мыши для этого есть, как известно, локатор. А у меня что было? Я подумал и нашел словечко: судьба.

Я шел вдоль забора, мимо хилых яблонь, и думал: где у человека судьба? Медики вроде бы знают, какие центры в организме, в головном мозге ведают разными функциями: зрением, слухом, болью, удовольствием, даже, может быть, памятью. А где центр судьбы? Без него, думал я, никак нельзя: ведь судьба – не вне человека, а в нем самом, потому-то от нее и не уйти. (Истина, известная настолько давно, что даже в том, двадцатом, веке она была банальностью.) Не уйти; а уйти мне хотелось, потому что после сказанных и услышанных нынче слов судьба моя могла заключаться лишь в одном: неторопливо стареть. И этой судьбы я не желал.

Молодость – существо, и она не хочет умирать. Вообще человек живет несколько почти совсем независимых жизней, и, значит, его постигает несколько смертей. Умирает детство, умирает юность. Но детство умирает, само того не понимая, и ему интересно: детство жаждет перемен. Юность – героически: она полагает, что все еще впереди и смерть ее – всего лишь переход в лучший мир, юность в этом смысле крайне религиозна, она бесконечно верит в жизнь. Молодость – иное; она уже просматривает путь далеко вперед и чувствует себя примерно так, как тот, что падал со сто какого-то этажа, и, когда из окна пятидесятого ему крикнули: «Как дела?» – бодро ответил: «Пока – ничего». Молодость не хочет умирать, даже составившись, даже когда она уже старая молодость.

Да, я не хотел этой смерти, а нетопырь все суеился вверх, и звезды оглаживали его так же, как и меня. Я тронул пальцами ствол; кора была теплая. Я нагнулся и ладонью коснулся травы, и она показалась мне нежной, как волосы Нуш.

Впрочем, может, и не нетопырь метался над головой, а совсем другая летучая мышь. Просто в детстве я очень любил «Маугли» и до сих пор помнил песенку оттуда:

На крылья Чили пала ночь, Летят нетопыри...

Теперь-то я знал, что ребенок, попавший в джунгли, не вырастет человеком, хотя биологически и останется им. А в детстве мне казалось, что только там, в лесу, можно жить по-настоящему, что в нем – подлинная свобода. Поэтому, наверное, я, горожанин, всю жизнь так любил лес. Лес, братство человека, зверей, всей природы. И сейчас, когда трогал кору яблоньки, гладил траву и глядел на звезды и на летучую мышь, я понял вдруг, какой выход есть для моей боли, моей скорби о Нуш и о любви. Не надо было ни пить, ни искать приятелей и плакаться. Нужно было попытаться снова найти тот общий язык со всем, что окружало меня, который я в детстве знал и забыл впоследствии, когда стал воспринимать природу как декорацию или условие рациональной жизни. Надо было окунуться в природу, нырнуть в нее, погрузиться –

может быть, даже раствориться и оставаться в ней до тех пор, пока она не вымоет из меня все лишнее, из-за чего, быть может, Нуш и сказала о своем разочаровании.

Это было уже почти готовое решение. Окунуться, вынырнуть, погрузиться, раствориться (и немедленно, ждать не мог) – слова, словно специально подобранные, сами указывали направление.

Мы зародились в воде и вышли из нее. Мы – жизнь. Мы состоим из воды и еще малости чего-то. Окунуться в лес можно, но это – ощущение более психологическое, чем физическое. Все равно мы остаемся в привычной среде, только чуть иными становятся шумы и запахи. Окунуться в воду – совсем иное. Иная сущность обнимает тебя со всех сторон, словно мать, к которой ты наконец вернулся – а она терпеливо ждала... Недаром я всегда любил плавать, боязнь воды казалась мне неестественной, утонуть – невозможным: не может ведь мать пожелать зла одному из чад своих. И вот я решительно прошагал к калитке, отворил и захлопнул ее за собой.

В сентябре большинство дачников уже разъезжается: дети идут в школу, а дача на три четверти – для детей. И я шел по безмолвной улице пустого темного поселка, а впереди, метрах в трехстах, рисовалась темная гряда ольшаника, обозначающая берег. Я пошел напрямик, полем, сокращая путь, раз и другой пересек дорогу, вышел на прибрежную полянку и нырнул в кустарник, сразу же нащупав знакомую тропинку. Она бежала вдоль реки по самой кромке, вдоль невысокого – метра в два-три – обрыва. Надо было только отводить от лица невидимые во мгле ветви. Минут пять я пробирался, пока не вышел наконец на любимое место: тут летом мы купались с сыном. Быстро разделся и ступил в прохладную, но для обитателя Прибалтики вполне еще приемлемую воду.

Гауя – река мелкая, но стремительная и с причудами. В ней тонут, бывает. Но я-то знал, что не утону. Мы с рекой были одной крови, она и я. Поэтому, пройдя метров десять по щиколотку в воде и добравшись до места, где дно стало понемногу опускаться, я просто лег на воду и отдался стремительному потоку, выставив руки вперед, чтобы не шарахнуться головой о какую-нибудь корягу, каких в этой реке множество.

Не шевеля ни пальцем, я летел вперед со скоростью академического скифа – такое уж тут течение. Назад придется возвращаться бегом вдоль берега: против течения не выгребешь.

Так я подумал и ощутил холодок: как-никак был сентябрь, а Гауя и в июле – не из теплых рек. И тут меня охватил азарт: что значит – не выгребешь? А если постараться? Согреться все равно нужно было.

Я повернулся головой против течения и пошел брассом, на два гребка. И наконец-то почувствовал состояние растворенности в реке, единства с нею, со всей природой, со всем мирозданием и со звездами, что все так же, наверное, светили наверху, но теперь уже не они, а вода ласкала меня. Я плыл и плыл, и хотелось плыть так всегда, я был невесом, руки и ноги работали ритмично, усталость еще не пришла, и можно было помечтать о возможности плыть вот так – где-нибудь в теплых морях, что ли...

Даже не знаю: продвинулся ли я против течения, держался ли на месте, или меня все-таки сносило. Думаю, что не сносило: плавал я хорошо. И вот я в очередной раз вдохнул воздух, и лицо снова ушло в воду, – но ноги не сделали гребка, и руки не вышли вперед, как им полагалось...

Так и не знаю, что произошло тогда: сердце ли, конвульсия, просто ли не захотелось возвращаться домой из этого мира, где я был один и не было того второго меня, от которого я так хотел сегодня отделаться, – или же «частый гребень» именно в тот миг нащупал меня, стрелки на далеком пульте показали величину индекса, кто-то кивнул – и мои руки и ноги остановились.

Так и не знаю, были ли яркие огни, которые я увидел, когда вдохнул воду и понял, что тону, когда хотел крикнуть «Нуш!...» и не смог, когда сообразил вдруг: надо было звонить еще

раз, два раза, сто раз, потому что не сегодня завтра девушка двадцати с небольшим лет поняла бы, что нельзя рубить голову, даже не выслушав обвиняемого, – не знаю, были ли эти яркие огни реальностью, той другой, вернее – этой другой реальностью, или так и должно быть, когда тонешь. Может быть, и то и другое, но в операционном зале «частого гребня» я больше никогда не был – нам и не полагается бывать там. Похороны свои я видел в записи. Биоробот был очень похож на меня, насколько можно быть похожим на себя, если тебя находят на второй день черт знает где и ты успел уже стать кадровым уопленником.

Я попытался разглядеть, была ли Нуш на похоронах. Народу было средне – не много и не мало, но запись хронисты сделали довольно скверную, да и то все общим планом. Только того, другого меня, от которого я так хотел отделаться, мне показали крупно, чтобы у меня не оставалось сомнений.

Я все-таки думаю, что она была там. Что ей, в конце концов, стоило прийти? Ее там никто не знал, да и вообще между нами ничего не было. Кроме разве что любви. И то лишь с моей стороны.

Глава вторая

В обширном зале сиденья поднимались амфитеатром к высокому куполу, но занятых было очень немного, в самом низу. Посреди зала, чуть выше сидевших, пылала звезда – желтая, горячая, живая, с короной, с протуберанцами; но звезда не была Солнцем, несколько иным был оттенок. Почему-то хотелось, чтобы пылала звезда шумно, с огненным ревом, с грохочущим треском – но тишина окружала светило, как в мировом пространстве, и люди тоже молчали, только смотрели, бессознательно поеживаясь. Потом один проговорил: «Давайте». И мир сломался: звезда расслоилась, как круглое яйцо с желтком и белком, и белок взорвался, расширяясь, разлетаясь, несясь во все стороны (люди невольно отшатнулись, прижались к спинкам, один-другой закрыли лицо ладонями), желток же стал стремительно уменьшаться, меняя цвет. Расширяющееся пламя достигло людей, охватило их, промчалось и унеслось куда-то за стены зала, а вернее, просто погасло, потому что оператор выключил изображение. Зажженный в зале обычный свет после виденного показался глубокими сумерками. Люди еще помолчали, потом кто-то сказал негромко:

– Вот картина того, что должно произойти. Мы интерпретировали по Шувалову – Кристиансену. Последствия рассчитаны. Выводы неутешительны: температура у нас, учитывая расстояние от источника опасности, не повысится настолько, чтобы грозить глобальными катастрофами, но жесткая компонента... от нее нам не укрыться. Неизбежно возникновение мутаций, непредсказуемые изменения генетической картины у всего живого, начиная с одноклеточных и кончая нами.

– Возможны меры защиты? – спросил первый голос.

– Нейтрализовать эти излучения нельзя. Построить экран для целой планеты? Мы просто не успеем. Перевести жизнь под землю – тоже. Генная инженерия могла бы помочь, если бы речь шла о единицах, пусть тысячах – но не о миллиардах людей. Так что я вижу один путь. Любой из нас видит один путь. К счастью, мы не безоружны. Установка готова. Я, конечно, не рассчитывал, что применить ее придется так скоро – и в столь, мм, драматических обстоятельствах. Есть еще отдельные уязвимые места, но к моменту готовности экспедиции я смогу поручиться за прибор.

Снова было молчание. Потом первый голос спросил:

– Успеем ли мы подготовить экспедицию? После столь продолжительного перерыва? Это первый вопрос. И второй: каков будет риск для участников экспедиции? По первому вопросу, пожалуйста.

Третий голос был медленным, слово четко отделялось от слова:

– Мы отменим запуск очередного галактического зонда и на его базе будем создавать населенный корабль. То есть начнем работу не с нуля. Используем исторический опыт.

– Чем же сможет помочь опыт экспедиций, уходивших сотни лет назад?

– Экспедиции были густонаселенными. Мы возьмем у них все, что касается условий обитания на корабле. Ну, осовременим, разумеется.

– Сколько вам потребуется времени?

– Год.

– Теперь прошу по второму вопросу.

Ответил тот же, что говорил об установке:

– Риск для участников сохранится. Процент его сейчас определить трудно, но в первом приближении – так, примерно двадцать пять.

– Двадцать пять процентов риска?

– Да. Но мы еще уточним.

– В чем заключается риск?

– Во-первых, они могут не успеть. Но это будет означать и нашу гибель. Вернее, вашу.

– А себя вы выносите за скобки?

– Это ведь моя установка. Значит, я буду там.

– Послушайте, Шувалов...

– Мое право и обязанность. Второй источник риска: сама установка.

– Но вы сказали, что она не подведет.

– Вас – да. Но сейчас трудно предсказать, как поведет она себя, сработав, и как будем чувствовать себя мы во время ее работы.

– Мы – это кто?

– Доктор Аверов: это и его право, и обязанность. И те, кто поведет корабль. Экипаж.

Медленный голос снова возник:

– Не менее шести человек.

Долго молчали. Потом первый голос произнес:

– Мы, вернее, наши предшественники прекратили звездные экспедиции много лет назад именно потому, что люди подвергались риску. Общество нашей планеты не может допустить риска для людей. И не даст согласия на такую экспедицию. Не даст даже добровольцам. Нам не позволят даже пригласить добровольцев. Мы живем не во времена дикости. Жизнь священна.

– Ко мне и Аверову, – сказал Шувалов, – это отношения не имеет. Риск экспериментатора остается и сегодня, хотя мы всегда сводим его к минимуму. Что же касается остальных... что же, гибнуть всей планете? Общество предпочитает самоубийство?

Первый голос ответил:

– Общество не знает о предстоящем взрыве Сверхновой. И я не думаю, что должно знать. Оно узнает об этом лишь в случае, если экспедиция закончится неудачей.

– Чтобы закончиться, – сказал Шувалов, – она должна начаться. А для этого необходим экипаж, которого нам не хотят давать.

– Хорошо, – после паузы проговорил человек, еще не принимавший участия в разговоре. – Мы дадим экипаж. Такой, против которого наше общество не сможет возразить ни слова. Потому что он будет состоять из людей, которых сегодня просто не существует. Служба Времени возьмет их из прошлого.

– А что, – спросил Шувалов не без ехидства, – по отношению к людям прошлого гуманные соображения недействительны?

– Действительны в той же мере, как ко всем нам. Но мы подберем людей, которые удовлетворят нас, но чей путь там уже завершается. Те люди не проиграют ничего. Но могут выиграть. Я думаю, что это гуманно.

– Я думаю, – сказал первый голос, – что это наиболее приемлемый путь. Итак: для нейтрализации звезды, которой вскоре предстоит стать Сверхновой и тем самым поставить под угрозу самое существование жизни на Земле и планетах Солнечной системы, снаряжается экспедиция «Зонд». Задача: при помощи установки Шувалова – Аверова нейтрализовать звезду. Участники: начальник экспедиции – Шувалов, научный сотрудник – Аверов. Экипаж из шести человек обеспечивает Служба Времени. Подготовка отобранного экипажа будет происходить в Центре Космических проблем. Ориентировочное время старта – через год. Вся информация, связанная с экспедицией, объявляется закрытой. Для всех, кроме допущенных, работа интерпретируется как подготовка к запуску очередного автоматического сопостранственного галактического зонда, выполняющего научные задачи. Благодарю вас.

Глава третья

День выдался спокойный, и можно было погулять. Я отворил дверь и вышел в сад. Снова были сумерки, сосны крепко пахли, песок едва слышно похрустывал под ногами, поскрипывали под ветром коричневые стволы. Соседняя дача темнела в полусотне метров, одно окошко в ней светилось, и хотелось думать, что сейчас на пороге покажется сосед и можно будет неторопливо потолковать с ним о разных пустяках. Слева была чернота; вообще-то, там тоже находилась дача, но теперь ее не было; я к этому уже привык и просто не смотрел в ту сторону – тогда можно было думать, что дача стоит там, как раньше.

Я медленно шел по дорожке, мимо грядки с клубникой, и мне все казалось, что вот-вот кто-то выйдет из-за дома. Раньше я ожидал, что покажется она. Но теперь – чем дальше, тем больше – ловил себя на том, что жду не ее, а сына, чумазого, запыхавшегося, живущего в своем, насчитывающем десять лет от роду мире и поглощенного своими делами и проблемами. Я ждал, а он все не выходил, и мне, как обычно, стало тоскливо. Но конструкторы корабля не предусмотрели ни детей, ни женщин, а вот иллюзия сада была полной: наверное, они хотели облегчить нашу жизнь, когда записали те картины, что наиболее четко запечатлелись в нашей памяти, и дали возможность воспроизводить их по собственному желанию. Не знаю, как это получалось; апартаменты мои, хотя и были больше прочих на корабле, все же измерялись квадратными метрами и уж никак не сотнями; и тем не менее, отворив дверцу, я выходил в свой сад (его, конечно, давно уже нет, не знаю, что там сейчас, и не хочу знать) и бродил по дорожкам, и все это было настоящее, без обмана. Потом я входил в дверь своего дома – и оказывался в каюте, которая была уже самой настоящей реальностью, как и все приборы, что смотрели на меня со стен и стендов, как броня бортов и пустота за ними.

Сказанное звучит, наверное, довольно загадочно, но если разобраться, то окажется, что все очень просто. В эти времена (мысленно, для себя, я называю их временем моей второй жизни, потому что никак не удается отделаться от мысли, что я – какой-то первый я, не совсем я, но все же я – что неопределенная эта личность все же утонула сколько-то лет назад, сколько – не знаю, потому что с тех пор летосчисление менялось самое малое три раза, и, чтобы разобраться во всех этих календарях, надо было быть крупным специалистом) – итак, в эти времена серьезные причины вынудили Землю снова послать людей к звездам. Давным-давно люди уже летали к ним, и не возвращались, и не могли вернуться, и потому полеты были прекращены. Теперь люди могли уже и слетать, и возвратиться, но это все еще оставалось делом рискованным, а нынешнее человечество не хотело рисковать ни одной жизнью – так, во всяком случае, я это понимаю и мои ребята тоже. Современные люди любили друг друга, каждый каждого, их любовь была не абстрактной, а очень, очень конкретной, физически ощутимой, и если кому-то было плохо, то так же плохо становилось и тем, кто был к нему ближе остальных, а потом тем, кто был близок этим близким, – а в конечном итоге близким было все человечество. Это был какой-то сверхсложный организм, их человечество, единый организм (в наше

время мы были уже многоклеточным организмом, но единым еще не были), и если что-то где-то болело, то плохо чувствовал себя весь организм, а на это люди не были согласны. И когда понадобилось срочно лететь, им не оставалось ничего другого, как прибегнуть к нашей помощи – к помощи людей, которые в этот их единый организм не входили и войти не могли, потому что принадлежали совсем другим временам.

И вот они, шаря по столетиям, от Ромула до наших дней (а точнее – начав задолго до Ромула), за несколько месяцев вытащили к себе более двух десятков человек, из которых в конце концов и был сформирован экипаж из шести персон. От каждого участника полета требовалась высочайшая степень – не физического здоровья, не спортивной подготовки, потому что корабль их, с моей точки зрения, напоминал, скорее всего, летающий санаторий для большого начальства, – требовалась высочайшая степень моральной пластичности, умения притираться друг к другу, чтобы весь экипаж работал как единый организм. По их шкале высшая степень пластичности стоила тысячу баллов; такого парня можно было бы пустить в яму с саблезубыми тиграми, и через пять минут они лизали бы ему пятки своими шершавыми языками. Но те, кто решал судьбы экспедиции, постановили, что в экипаже надо было иметь индекс пластичности не менее тысячи двухсот! Такие ребята не бегают толпами по улицам, и им пришлось просеять сквозь их сито чуть ли не всю историю человечества и набрать эти самые два десятка. Потом некоторые не подошли из-за того, что при всей их пластичности оказались совершенно невосприимчивыми к технике – а речь как-никак шла о сложнейшем корабле – или же были не в состоянии усвоить даже те азики современной науки, без которых было бы невозможно понять, что же им предстоит делать; бесспорно, эпоха не всегда служит точным мериллом умственного развития – даже в мои времена за одного Леонардо можно было отдать целый курс инженерного факультета и в придачу курс Академии художеств, и мы не остались бы внакладе, – но все же не всем и не все оказалось по силам. Так что осталось нас столько, сколько и требовалось. Остальным предстояло коротать свои дни в заведении, представлявшем собою санаторий для здоровых мужиков во цвете лет.

Из прошлого нас всех вытаскивали примерно одним и тем же способом: когда становилось ясно, что нужный человек вот-вот (как говорили в мое время в тех местах, где я жил) положит ложку, его в последний миг выхватывали из того времени, а на его место подкладывали искусно сотворенного биоробота, так что никто и не замечал подмены. Большинство наших ребят было выдернуто во время войн, когда удивлялись не тому, что человек умер, а тому, что он остался жив. Благо в войнах в те эпохи – включая мою – недостатка не было.

Так что собралась веселая компания. По рождению нас отделяли друг от друга столетия, а то и тысячелетия, но здесь мы быстро нашли общий язык, потому что отныне у нас была одна общая судьба и очень мало общего – с судьбой остальных, живших в этом времени людей: пусть мы разобрались и в корабле, и в основах современной науки, но стать по-настоящему современными людьми так и не смогли.

Дело было не во внешности, хотя мы, конечно, отличаемся от них весьма и весьма; правда, друг на друга мы и вовсе не похожи, но на них – еще меньше. Они – те, кто нас вытащил, – выглядят, по нашему мнению, однообразно: рослые, прекрасного сложения, смуглые, с волосами от черных до каштановых – более светлые тона встречаются крайне редко – и главным образом темноглазые. Они очень красивы, сравнительно мало меняются к старости, не седеют. О женщинах и говорить нечего: любая из них в мое время завоевала бы все мыслимые титулы в области красоты. За время тренировок я успел познакомиться с несколькими; они, думаю, делали это из любопытства. Жаль только – с ними не о чем было говорить: слишком уж разное мы получили воспитание. В этом-то и крылась основная причина того, что в этой эпохе все мы могли быть только кем-то наподобие эмигрантов, невольных эмигрантов из других эпох.

Дело в том, что мы были выдернуты из своих времен уже в зрелом возрасте, когда формирование каждого из нас как личности успело закончиться. Вот Георгий: хороший штурман

и прекрасный парень. Он – один из тех трехсот, что защищали Фермопилы с Леонидасом во главе, и я не хотел бы видеть его в числе своих врагов. В его время и в его стране хилых детишек кидали в море, чтобы они не портили расу; даже мои гуманистические концепции кажутся ему слюняйскими, не говоря уже о современных. Он редко улыбается; мне кажется, он так и не может простить себе, что остался в живых, когда все прочие спартиоты – и еще тысяча наемников – легли там костями. Он отлично понимает, что это от него не зависело, но все же приравнивает, видимо, себя к беглецам с поля боя, а таких в его время любили не больше, чем во всякое другое. Но, повторяю, штурман он что надо: ориентирование по звездам у античных греков в крови. Он редко проявляет свои чувства (чего нынешние люди не понимают) и очень холодно относится к женщинам, потому что чувствует, что они в чем-то превосходят его, а его самолюбие – древние очень холили свое самолюбие – не позволяет ему примириться с этим.

Или Иеромонах. Мы с ним соотечественники и почти земляки, только он жил на три с половиной сотни лет раньше. Он тоже прекрасный мужик – все мы прекрасные мужики, – но кое-чего не понимает, а ко всему, чего не понимает, относится недоверчиво. Сомневаюсь, чтобы он разуверился в бытии Божиим, – во всяком случае, до сих пор он в сложные минуты шепчет что-то – подозреваю, что молитвы, – и осеняет себя крестным знамением. Он прекрасно знает устройство большого корабельного мозга, которым ведает, и с этим аппаратом у нас никогда не было ни малейшей заминки. Могу поручиться, что в глубине души Иеромонах одушевляет его, относит к категории духов – скорее добрых, однако, чем злых. Что-то вроде ангела-вычислителя, хотя таких в христианском вероучении не было. Он эмоционален, но после каждого открытого проявления чувств смущенно просит прощения у Бога. На женщин смотрит с интересом, когда думает, что никто этого не замечает. Рассердившись на кого-нибудь, он называет его еретиком и грозно сверкает очами. Он невысок, черняв и носит бороду. Сейчас это считается негигиеничным.

Они со спартиотом не похожи друг на друга, а еще меньше похож на каждого из них в отдельности и на обоих вместе наш первый пилот, которого мы называем Рыцарем.

Он уверяет, что и в самом деле был рыцарем когда-то – в каком-то из далеких веков. Это его дело. Прошлое каждого человека является его собственностью, и он может эту собственность предоставлять другим, а может и держать при себе и не позволять никому к ней прикасаться. Пора биографий давно минула; какое значение имеет то, что человек делал раньше, если есть возможность безошибочно установить, чего стоит он сейчас, и обращаться с ним, исходя именно из этого? Был рыцарем, ну и что же? Зовут его Уве-Йорген, по фамилии Риттер фон Экк. Он высок и поджар, обладает большим носом с горбинкой и широким диапазоном манер – от изысканных до казарменных (не знаю, впрочем, – кажется, у рыцарей казарм не было). Прекрасный пилот, чувствующий машину как никто. В разговорах сдержан, зато слушает с удовольствием. При этом он чуть усмехается, но не обидно, а доброжелательно. Взгляд его всегда спокоен, и понять что-либо по его глазам невозможно. Однажды, во время ходовых испытаний, мы могли крепко погореть; Рыцарь был за пультом, и ему удалось вытащить нас в самый последний момент (Иеромонах за пультом вычислителя уже бормотал что-то вроде «Ныне отпускаеши...»). Мы все, надо признаться, основательно вспотели. Только Уве-Йорген был спокоен, словно решал задачу на имитаторе, а не в реальном пространстве, где все мы могли в два счета превратиться в хилую струйку гамма-квантов. Когда это кончилось, он оглянулся и, честное слово, посмотрел на нас с юмором – именно с юмором, но не сказал ни слова.

Что еще о нем? Однажды я зашел по делу в его каюту как раз в тот миг, когда он выходил из своего Сада памяти (я уже рассказал, что это такое). Он резко захлопнул дверцу, и я толком ничего не успел увидеть; там было что-то вроде гигантской чаши, до отказа заполненной людьми, исступленно оравшими что-то. Помню, я спросил его тогда (совершив бестактность), к какой эпохе относится это представление. Он серьезно ответил: «К эпохе рыцарей». И, чуть

помедлив, добавил: «Всякий солдат в определенном смысле рыцарь, не так ли?» Я подумал и сказал, что, пожалуй, да. Я и сам был солдатом в свое время.

Уве-Йорген не дурак поест и понимает в еде толк; к женщинам относится с некоторым презрением, умело его маскируя. Аскетом его не назовешь; добровольный аскетизм не свойствен солдатам.

И совсем другое дело – Питек. Это – производное не от имени Питер, а от слова «питекантроп». Он на нас не обижается за прозвище, поскольку наука о происхождении человека осталась абсолютно неизвестной ему. Нас ведь обучали только необходимому, опасаясь перегрузить наши доисторические мозги, так что многие вершины современной культуры даже не появились на нашем горизонте. На самом деле Питек, конечно, не имеет никакого отношения к питекантропам – вернее, такое же, как любой из нас, он нормальный гомо сапиенс, и даже более сапиенс, чем многие из моих знакомых по былым временам. Но прибыл он из какой-то вовсе уж невообразимой древности – для него, думается, Египет фараонов был далеким будущим, а рабовладельческий строй – светлой мечтой, в которую никто не верил. По-моему, специалисты «частого гребня» и сами не знают, из какого именно времени его выдернули, а сам он говорит лишь что-то о годе синей воды – более точной хронологии из него не выжать. Он любит поговорить и, прожив день, старается обязательно рассказать кому-нибудь из нас содержание этого дня – хотя мы все время были тут рядом и знаем то же, что и он; правда, память у него великолепная, он никогда ничего не забывает, ни одной мелочи. Этим, да еще прекрасным, прямо-таки собачьим обонянием он выгодно отличается от нас.

Питек называл имя своего племени – но, насколько я помню, такое в истории не отмечено, как-то проскользнуло стороной; называл он и свое имя, но никто из нас не мог воспроизвести ни единого звука; по-моему, для этого надо иметь как минимум три языка, каждый в два раза длиннее, чем наши, и попеременно завязывать эти языки узлом. У Питека, правда, язык один, и это великая загадка природы – как он им обходится. Единственное, что я знаю наверняка: там, где он жил, было тепло. Поэтому при малейшей возможности Питек старается пощеголять в своем натуральном виде; мускулатура у него и вправду завидная и ни грамма жира. Нашим воспитателям не без труда удалось убедить Питека надевать на себя хоть самую малость. Он подчинился, хотя они его и не убедили. Он коренаст, ходит бесшумно, великолепно прыгает, не ест хлеба, а мясо, даже синтетическое, может поглощать в громадных количествах, предпочитая обходиться без вилки и ножа.

Он немного ленив, потому что ни на миг не задумывается о будущем, не заботится о нем и ничего не делает заранее, а только тогда, когда без этого обойтись уже нельзя. Зато он обладает великолепной реакцией и мог бы быть даже не вторым, а первым пилотом, будь у него чуть больше развито чувство самосохранения – а также и сохранения всех нас; но смелость его, к сожалению, переходит всякие границы. Я думаю, впрочем, что это относится к его индивидуальным особенностям, хотя, может быть, все его соплеменники были такими – и потому не уцелели. Чувство племени, кстати, – или, по нашей терминологии, чувство коллектива – у него развито больше, чем у любого из нас. Питек может рисковать машиной вместе со всем ее населением, но ради любого из нас он подставил бы горло под нож, если бы возникла такая необходимость, – и с еще большим удовольствием полоснул бы по горлу противника.

Он часто, хотя несколько однообразно, рассказывает о войнах между племенами. Я как-то в шутку поинтересовался, не съедали ли они побежденных в тех междуусобицах. Питек не ответил. Лишь улыбнулся и провел кончиком языка по своим полным губам.

Что еще о нем? В обращении с женщинами он элементарно прост, и, как ни странно, им – современным и высокоинтеллектуальным – это нравится. Впрочем, понять женщин в эту эпоху, как мне кажется, ничуть не легче – или не труднее, может быть, – чем в наши, далеко не столь упорядоченные времена.

И наконец, последний из нас – Гибкая Рука. Так он сам перевел свое имя, как только мы, после первого же часового сеанса обучения, вдруг убедились, что все объясняется на одном языке – и язык этот не является родным ни для одного из нас, но все же мы им владеем, как будто родились, уже умея на нем говорить. Рука из индейцев; жил где-то у Великих озер, в местах, по которым в мое время проходила граница между Канадой и Соединенными Штатами. Правда, говорить о границе с Гибкой Рукой бесполезно: в его время ни Канады, ни Соединенных Штатов не существовало, и о белых людях там вообще не слыхивали. Имя свое Рука заслужил честно: он из тех людей, кого называют умельцами, у него прирожденное чувство конструкции, взаимодействия деталей. Попав в современность, он в краткий срок сделался выдающимся, даже по высшим меркам, инженером и в этом качестве отправился в полет.

Как ни странно, он в основном соответствует литературному стандарту индейца: невозмутим, говорит лишь тогда, когда к нему обращаются или когда необходимо что-то сказать в связи с его установками. Никогда не меняется в лице, и Рыцарь, мне кажется, очень завидует этому его качеству. В отличие от Питека, Гибкая Рука не любит говорить о прошлом, о своем времени и своем народе. Мы, прочие, иногда грешим этим. Уве-Йорген порой, забывшись, громко произносит: «Мы, немцы...» – и в глазах его загорается огонек; правда, он тут же спохватывается и смущенно улыбается. Да я и сам иногда начинаю: «А вот у нас...» – и тоже умолкаю, потому что мы – это теперь либо мы шестеро, и не более того, либо все нынешнее человечество, к которому мы то ли не смогли, то ли по-настоящему не захотели приносившись. Наша научная группа – два высоких, смуглых, красивых и набитых неимоверным количеством знаний человека – относится к этим нынешним. Мы прекрасно взаимодействуем друг с другом, но у них – свое прошлое и настоящее, а у нас – свое, хотя настоящее и протекает в одном и том же корабле. А будущее наше, вероятно, тоже имеет мало общего с их будущим. Если все мы уцелеем, конечно; о том, что путешествие наше – не просто прогулка по тропе науки, нас честно предупредили, едва мы поняли, куда и зачем мы попали.

Но если уцелеем, общего будущего у нас с ними все-таки не получится. Для них корабль – инструмент; для нас – мир. Мир в большей степени, чем затерявшаяся далеко в пространстве планета Земля. Там мы оказались гостями – и остались бы ими до конца дней. Возврата в свои времена для нас не было, об этом нас тоже предупредили: там все мы умерли. Что же нас ожидало? Вернее всего, другая экспедиция: ведь, если эта пройдет благополучно, у нас будет такой опыт, каким на Земле не обладает никто.

Вот о чем размышлял я, прогуливаясь в Саду своей памяти. Был спокойный участок полета, мы благополучно вышли из соппространства и держали курс на ту самую звезду, которая нам была нужна – а вернее, наоборот, ничуть не была нужна, лучше бы ее и не существовало, – но уж так получилось. Наши ученые дали звезде красивое имя Даль – не потому, что она была далеко, просто в ту пору названия давали по буквам арабского алфавита, а одна из них так и называется: даль... Пилоты несли вахту, а у меня – я был как-никак капитаном этого корабля, первым после Бога («Вот!» – торжествующе сказал Иеромонах и наставительно поднял палец, когда я впервые поведал ему эту древнюю формулу) – оставалось еще малость времени для таких прогулок, командовать переходом на околозвездную орбиту было еще рано, тормозиться мы начнем только через двое суток. И я гулял, посвистывал ветерок, и скрипели сосны. Потом в этот приятный шумок вошли новые звуки.

Обычно вызываю я, а не меня; значит, дело было важное. Я в два счета оказался у двери дачи, вошел, затворил ее, пожмурился от яркого света, всегда горевшего в моей каюте, и оттуда отозвался:

– Капитан Ульдемир.

Так меня тут звали; да это и было почти мое имя, только слегка измененное.

– Капитан Ульдемир, начальник экспедиции просит вас подняться в научный блок.

По голосу я узнал Аверова.

– С удовольствием, – ответил я с положенной вежливостью.
Что бы такое там у них приключилось?

Я надел тужурку, учинил себе осмотр при помощи объемного зеркала – капитан не может быть небрежным в одежде, – вышел, поднялся на четыре палубы и зашагал по коридору. Подошел к их центру и отворил дверь.

Глава четвертая

– Садитесь, пожалуйста, капитан, – проговорил Шувалов, как и всегда, с такой интонацией, словно извинялся за беспокойство. Он шагнул из угла в угол обширного салона; толстый ковер скрадывал звуки шагов. Аверов сидел в глубоком кресле – неподвижно, но пальцы рук все время двигались, словно плели нить из воздуха. Капитан Ульдемир сел в другое такое же кресло. Казалось, ему было безразлично, что он здесь услышит и услышит ли вообще. Шувалов покосился на него. Остановился.

– Видите ли, капитан...

И снова зашагал, так и не завершив фразы. Аверов дернул плечом. Капитан остался невозмутимым. В общении с людьми этой эпохи он предпочитал не проявлять инициативы. На этот раз Шувалов остановился в самом углу. Повернулся к Ульдемиру.

– Вы помните, капитан, модель звезды, мы вам показывали ее на Земле.

Капитан кивнул.

– То была, как вы и сами понимаете, всего лишь компьютерная модель, мы ведь не в силах увеличить изображение реальной звезды до такой степени. Естественно, все наши действия проводились над этой моделью, и результаты не могли быть абсолютно точными.

Ульдемир кивнул снова.

– Сейчас, наблюдая уже реальную звезду, мы оказались вынужденными внести в программу действий некоторые коррективы.

Он помолчал, словно еще раз мысленно проверяя то, что хотел сообщить.

– Вы ведь помните, на какое расстояние нам надо подойти, чтобы иметь полную уверенность в успешности воздействия?

– Порядка двух миллионов...

– Совершенно верно. То есть вплотную. И там, выйдя на орбиту, ударить. Так вот, звезда ведет себя не совсем по теории. И нельзя гарантировать, что в самой первой стадии процесса не произойдет нежелательных явлений... типа выброса вещества, скажем – таких выбросов, которые смогут помешать нам отойти на безопасное расстояние. Вы понимаете?

– На языке доступных мне понятий, – вежливо ответил Ульдемир, – это значит, что мы можем сгореть вместе с кораблем.

– Да, это то самое, что я хотел сказать.

– Но задачу мы выполним?

– В этом мы уверены. Не так ли, коллега?

– Гм, – сказал Аверов. – Мы ее погасим. Потому что остальные стадии процесса пойдут так, как мы и предполагали. Вот только самое начало... Но там, на Земле, мы не могли этого предположить.

– Мне все ясно, – сказал капитан Ульдемир.

– Мы немедленно прекратили бы выполнять задачу, если бы от этого не зависела жизнь миллиардов людей в Солнечной системе. Вы ведь понимаете...

– Этого даже не нужно говорить, – сказал Ульдемир.

– Мы просим вас собрать экипаж. Мы сообщим всем людям то же самое, что только что сказали вам.

Ульдемир пожал плечами.

- Вы думаете, экипаж взбунтуется, узнав, что риск оказался больше, чем предполагалось?
- А вы не боитесь этого? – спросил Аверов резко.

Капитан повернул к нему голову и ответил:

- Нет.

– Дело не в этом, – сказал Шувалов с оттенком досады в голосе. – Поймите, капитан. Мы, я и Аверов, – люди той Земли, того человечества, которому грозит гибель. Так что для нас здесь проблем не возникает. Но вы шестеро... Ваше человечество в любом случае давно умерло. И вы вправе не жертвовать своей жизнью ради... чужих.

- Не знал, – произнес Ульдемир, – что вы произошли от марсиан – или кого еще там...

Аверов нервно рассмеялся.

- Отцы и дети... – пробормотал он.

– И все же, – сказал Шувалов. – Мы прекрасно понимаем, что если для нас Земля – милый дом, то для вас это – ну, не совсем так. Конечно, проживи вы у нас лет десять, двадцать... Но сейчас – разве я не прав?

- Правы.

- Ваш дом – корабль. Верно?

- Правы и тут.

– В нем можно жить долго, долго... десятки лет. И вы вправе захотеть этого. Потому что если та степень риска была приемлемой, то эта – чрезмерна.

– Вы упускаете из виду одно, – сказал Ульдемир. – Все мы – мертвые люди, в отличие от вас. Но если хотите, я соберу экипаж.

Они входили в научный салон странно: каждый по-своему, но было и что-то общее, неопределенное – входили словно в чуждый мир. Усевшись за свой стол, Шувалов смотрел, как они возникали тут в раз и навсегда определенном порядке: видимо, была у членов экипажа какая-то своя, всеми признанная иерархия, хотя нельзя было понять, по какому именно признаку они оценивали самих себя и друг друга.

Первым вошел Иеромонах, остановился в двух шагах от двери, привычно повел глазами в правый, дальний от себя угол салона – там ничего не было, – поклонился, сел в конце стола, сложил руки на животе и замер. За ним вступил Питек – быстро и бесшумно, мгновенно окинул салон взглядом – можно было поручиться, что ни одна мелочь не укрылась от взгляда и запечатлелась в памяти, – шагнул вперед (казалось, ворс ковра даже не проминался под его шагами) и сел рядом с Иеромонахом. Затем появился Рука; момента, когда он вошел, Шувалов не заметил: вдруг возник, сказал, не кланяясь: «Вот я», упруго подошел к столу и сел напротив Никодима, Иеромонаха. Грек пересек салон, не останавливаясь у двери, лишь поднял приветственно руку, серьезный и сосредоточенный, сел, обвел взглядом всех и опустил глаза. И наконец, Уве-Йорген: остановился у двери, резко нагнул голову, здороваясь, и щелкнул каблуками. Улыбнулся, как показалось Шувалову, чуть вызывающе, но, возможно, на самом деле это было и не так, – и сел, отодвинув кресло от стола, закинул ногу на ногу, поднял голову и стал глядеть в потолок. Капитан Ульдемир кивнул Шувалову: можно было начинать.

– Я попросил бы вот о чем, друзья мои: пусть каждый не только сообщит свое решение, но и по возможности мотивирует его.

- Никодим, – сказал капитан. – Прошу.

Иеромонах усмехнулся.

- На все есть воля, – сказал он.

Наступила пауза. Потом Шувалов сказал:

- Ну, пожалуйста, мы ждем.

- Я все сказал, – ответил Иеромонах.

– Ах да, понял... – проговорил Шувалов, смутившись.
– Второй пилот! – вызвал Ульдемир.
– Смелый рискует сразу, – сказал Питек, – трус уклоняется. Трус гибнет первым. У меня все.

– Инженер?

Гибкая Рука встал.

– Не надо думать о себе. Надо – о племени. – Он смотрел на Шувалова. – Это твоё племя. Думай. Мы выполним.

– Штурман, твоё слово.

– Мы стоим там, – медленно молвил спартиот, – откуда нельзя отступать. Иначе люди будут смеяться, вспоминая нас. Даже если их не останется – будут смеяться.

– Кто же? – не понял Аверов.

– Однажды я уже погиб, – сказал грек. – И я тут.

– Уве-Йорген?

– Я рыцарь, – ответил тот. – У меня может быть только один ответ, профессор. Но мне хотелось бы слышать мнение нашего капитана.

– В молодости, – сказал Ульдемир, не обидевшись за некоторое нарушение этикета, – я прочитал у одного писателя хорошие слова: что бы ни случилось, всегда держите в лоб урагану.

Уве-Йорген удовлетворенно кивнул.

Несколько секунд продолжалось молчание. Потом Шувалов поднял голову.

– Капитан, в таком случае прикажите начать монтаж установки. Сейчас же, а не тогда, когда предполагалось.

Гибкая Рука резко повернул голову.

– Ещё до торможения? Опасно, профессор! При перегрузках...

Шувалов покачал головой.

– Понял! – воскликнул Уве-Йорген. – Перегрузок не будет, не так ли? Атакуем с ходу?

– Так будет лучше, – сказал Шувалов. – Если мы сохраним теперешнюю скорость, выбросы могут и не зацепить нас. Если только вы обеспечите точность наведения при движении по касательной.

– Чему-то ведь мы все же научились, – сказал Питек.

– Разговоры! – сказал капитан Ульдемир. – Приступить к монтажу! Хвалиться будем потом.

Ощущение опасности, как ни странно, придавало людям бодрости. И в первую очередь – экипажу: опасность – это было что-то из прошлого, из молодости, из той жизни, которую они (каждый про себя) считали единственно настоящей. Для ученых чувство непрерывной угрозы явилось чем-то совершенно новым: переживать такое им не приходилось. В первые дни непривычное ощущение их тяготило; потом, неожиданно для самих себя, они нашли в нем какой-то вкус. Им стало казаться, что новая жизнь, жизнь в опасности, отличалась от прежней, спокойной, как морская вода от водопроводной: у нее был резкий вкус и тонкий, бодрящий запах, заставлявший дышать глубоко и ощущать каждый вдох как значительное и радостное событие.

Вряд ли ученые признавались даже самим себе в том, что такое отношение к жизни возникло у них под влиянием шестерых человек из других эпох – людей, относившихся к жизни именно так.

Работали быстро, даже с каким-то ожесточением. На звезду Даль поглядывали теперь с опаской. Красивое светило оказалось коварным. Хотелось поскорее сделать все и оказаться подальше от него – если удастся.

Но с тем большим усердием велось наблюдение за светилом.

- Ну как она там сегодня, Питек?
- Нормально, Уль. Звезда как звезда. Пахнет медом. Ты когда-нибудь ел мед?
- Не меньше твоего. Но при чем тут звезда?
- Желтая, как мед. Хочется зачерпнуть. И еще что-то было, что мне напомнило. Погоди, дай подумать... Да! Пчела!
- С тобой не соскучишься. Еще и пчела?
- Она ползла. Понимаешь: мед, и по нему ползет пчела. Медленно-медленно...
- Прямо идиллия. А цветочков там не было по соседству?
- Извини. Цветов не было. Только пчела.
- Наверное, пятно, – сказал капитан Ульдемир. – На звездах, как тебе известно, бывают пятна.
- Мы это давно знали. У нас были люди, что глядели на солнце, не щуря глаз.
- Дай-ка я тоже взгляну – через фильтры, конечно...
- Ульдемир смотрел на звезду Даль. Медового цвета, приглушенная светофильтром звезда цвела одинокой громадной кувшинкой на черной воде, не имеющей берегов. Пятен на звезде не было.
- Наверное, ушло на ту сторону. Большое было пятно?
- Нет, не очень. Я думаю, среднее.
- Ульдемир помолчал.
- Ладно, закончим работу – посмотрим снимки. Наблюдай.
- Будь спокоен, Уль.

Катер вплыл в эллинг. Створки сошлись, зашипел воздух. Капитан Ульдемир снял перчатки и откинулся на спинку сиденья. Шувалов сказал:

– Благодарю вас, капитан. Работа сделана, я бы сказал, блестяще. Откровенно говоря, я даже не ожидал...

- По-моему, – сказал Ульдемир, – все в порядке.
- Должен сказать, – проговорил Аверов сзади, – что снаружи, из пространства, все это выглядит весьма внушительно. Я раньше как-то не представлял... Да, просто устрашающе. Будь я жителем звезды Даль, то испугался бы, честное слово.
- К счастью, на звездах не живут.
- А эмиттер смотрится красиво. Я получил просто-таки эстетическое наслаждение...
- Итак, можно считать, что у нас все готово? Коллега Аверов?

- Да.
- Капитан?
- Батареи заряжены полностью. Можно начинать отсчет.
- Сначала пусть все отдохнут как следует. Чтобы в решающий момент ни у кого не дрогнула рука. Начнем через четыре часа.

...Осталось четыре часа, и делать было совершенно нечего. Еще раз пройти по постам, постоять у механизмов, послушать, как журчат накопители, как едва слышно гудят батареи, почувствовать, как пахнет нагретый металл... Что еще? Лечь? Уснуть не уснешь, и, чего доброго, еще нагрянут воспоминания... Сад памяти? Расслабит.

Капитан Ульдемир потер лоб. Что-то мешало ему. А значит, что-то не было в порядке... Капитан Ульдемир всю жизнь доверял интуиции, и сейчас не было причин сомневаться в ней.

Хорошо; мысленно пройдем еще раз по всем операциям в правильной последовательности. Вспомним каждую деталь, каждую мелочь. Вспомним, как вели себя люди: кто-то устал? Нервничает? Нет? Тогда что же мешает успокоиться?

Постой. А что же все-таки видел Питек? Пойти взять снимки... Хотя бы наскоро проглядеть сегодняшние снимки...

Четыре часа миновали.

– Сто четырнадцать... – вел отсчет компьютер. Минутная пауза. – Сто тринадцать...

Уве-Йорген, первый пилот, откинулся на спинку кресла, помахал в воздухе кистями рук, поиграл пальцами. Снова выпрямился.

Послышались шаги.

– Сам грядет, – сказал Иеромонах.

Но это были ученые. Они заняли места.

– Все в порядке? – спросил Шувалов.

– Сто... – ответил ему компьютер.

– Не вижу капитана, – проговорил Аверов, оглядевшись.

Уве-Йорген пожал плечами.

– Капитана не принято спрашивать. Придет, когда сочтет нужным.

– Но в конце концов... – начал было Шувалов. Рыцарь взглянул на него холодно. Чуть ли не с презрением.

– Действия капитана не обсуждаются. Как наводка, Георг?

– Отклонение на восемнадцать секунд.

– Провожу первую коррекцию, – проговорил Рыцарь. Он положил руки на пульт. – Внимание! Страховка! Импульс!

Легкая дрожь прошла по кораблю. Уве-Йорген прищурился, глаза льдисто блеснули.

– Точно, – сказал Георгий.

– Вы знаете, я тревожусь, – сказал Шувалов. – Или это неуважение ко всем нам, или...

Осталось меньше часа!

Послышались шаги.

– Грядет, – снова проговорил Никодим. – Ну, благословясь...

Вошел Ульдемир.

– Капитан, – проговорил Шувалов, – мы, знаете ли, просто заждались. Допускаю, что у вас могли быть причины...

Капитан сказал:

– Да.

– Хорошо, вы расскажете о них позже. А сейчас, будьте любезны, командуйте операцией.

Капитан сказал:

– Отставить операцию.

– То есть как это? – по-петушиному выкрикнул Аверов.

– Мы слишком много думали о звезде. И слишком мало – о планетах.

– Никаких планет нет!

– Есть, – сказал капитан. Он помахал в воздухе несколькими снимками. – Вот ее прохождение через диск. Слушай команду. Все на ноль. Отсчет прекратить. Готовиться к торможению.

Планета – это было плохо.

Это означало, что по букве закона на звезду Даль нельзя оказывать никакого воздействия, прежде чем не будет неоспоримо и достоверно установлено, что на планете нет ни малейших признаков жизни и никаких предпосылок для возникновения ее в обозримом будущем.

Однако этот случай и подходил под соответствующий параграф Звездного кодекса, и не подходил. Не подходил потому, что звезда, если на нее не воздействовать и не погасить ее, неизбежно должна была в ближайшем будущем взорваться – и тогда от жизни или от предпосылок для ее возникновения и подавно ничего не осталось бы. Как и от самой планеты.

Так или иначе, к планете надо было приблизиться и увидеть, что она собою представляет. Если на планете жизни нет, то все сложности сами собой отпадут. Если жизнь есть, но не

дошла до разумной стадии, то... все равно придется действовать. А если на ней существует разум – можно будет попытаться предупредить его носителей о предстоящем похолодании – звезда ведь погаснет не мгновенно, остынет она не так уж и быстро, – а впоследствии даже пытаться провести какие-то спасательные работы – что, однако, сейчас представлялось весьма туманным.

Странное положение: найдя в не столь уж большом удалении от Земли планету, люди мечтали не о том, чтобы на ней оказалась хоть какая-то жизнь, но, напротив, единодушно хотели, чтобы никакой жизни не обнаружилось.

Такие мысли изредка бывают свойственны людям.

Плавно затормозившись, корабль лег на околозвездную орбиту, затем сошел с нее и через две недели приблизился к планете и уравновесился на расстоянии тысячи километров от ее поверхности.

Наблюдение за планетой велось непрерывно. Она располагалась слишком близко к светилу, период ее вращения вокруг оси совпадал с периодом обращения вокруг звезды Даль. Иными словами, планета была все время повернута к светилу одной и той же стороной, как Меркурий в Солнечной системе. Позже стало ясно, что она не обладала и атмосферой. И когда корабль лег на околопланетную орбиту, все уже хорошо представляли, что там внизу.

Но все же для полной уверенности Ульдемир, Уве-Йорген и Аверов сели в большой катер и опустили на поверхность небесного тела.

Предварительно они несколько раз облетели планету на небольшой высоте. Уве-Йорген порой снижался до нескольких сотен и даже десятков метров. Первозданный хаос, заросли дикого камня мчались под катером с такой скоростью, что кружилась голова.

Аверов испуганно вцепился в подлокотники. Ульдемир молчал. Уве-Йорген, прищурясь, улыбался.

Наконец они сели, и Аверов облегченно вздохнул. Ульдемир в скафандре на несколько мгновений вышел из катера, чтобы взять образцы породы. Он не пробыл на поверхности и минуты, но вернулся, задыхаясь от жары, мокрый от пота, хотя скафандр предназначался для работы в горячей зоне силовых установок корабля.

Они взлетели и без происшествий возвратились на корабль.

Привезенные камни исследовали в лаборатории. Ни на них, ни в песке никаких признаков жизни не оказалось. Да и не могло оказаться. Исследование велось скорее для очистки совести. Чистая совесть – это важно.

Однако там, где есть одна планета, может оказаться и целая их система. И совесть требовала продолжать поиски теперь уже до конца. Обшарить околозвездное пространство. Обнюхать. Просеять через мелкое сито. Сделать все, что возможно.

Вахту несли так: сто двадцать минут – и четыре часа отдыха. Снова два часа – и четыре.

– Смена. Ну, не удалось ни с кем познакомиться?

Аверов от волнения пытался даже шутить.

– Пара камушков, – сказал Уве-Йорген. – А вообще – пустота.

– Ох, хоть бы... Хоть бы!

– Постучите по дереву... До сих пор все складывалось удачно, может повезти и на этот раз. Ну, взгляделись?

– Я готов.

– Чистого пространства!

Аверов остался один перед экранами. Черный экран, подключенный к большому оптическому рефлектору. Голубоватый – локатора. Маленький круглый – гравителескопа. Индикаторы радиотелескопа и рентгеновского. Взгляд медленно обходил их. Формальность, суще-

ствуется ведь автоматика, поиском планет занят компьютер. Но и человек – не последнее во Вселенной... Надо смотреть внимательно. Пусто, пусто, пусто... Нули, нули... Еще несколько часов – и зона возможной жизни будет пройдена. Если тут ничего не окажется, можно считать, что отделались легким испугом, планеты за пределами этой полосы, если они там и существуют, будут не менее безжизненными, чем первая...

Быстро пролетают два часа. Сейчас кто-нибудь придет на смену.

– Смена! Ну как, ничего?

– Нет, штурман, пока все в порядке.

– Хорошо!

Пауза.

– Вгляделись?

– Да.

– Желаю ничего не увидеть.

– Капитан, прикажите снова заряжать батареи.

– Есть. Прикажу поставить под зарядку.

– Интересующая нас зона, друг мой, практически обследована. Никакого намека. Еще какой-нибудь час – и... Нет, мы не прекратим поисков, но тогда уже все шансы будут за то, что никакой жизни мы не обнаружим.

– Тогда, я полагаю, мы сойдем с орбиты, удалимся от звезды малыми ходами и издали начнем атаку снова.

– Именно так мы и поступим, капитан.

Четыре часа тоже пролетают быстро.

Дежуря на этот раз, Аверов поймал себя на том, что ему хочется петь.

Трам-тарам-тарам-та-та... Трам-тарам... Тата?

Нет. Там нет ничего. Это просто самовнушение, оптическая иллюзия, а на самом деле ничего нет. Надо закрыть глаза. Посидеть так. Успокоиться. Теперь можно открыть. Что там, на экранах? Ничего, конечно?

Оптический показывает тело.

Локатор идет с запозданием. Сейчас он даст расстояние, и окажется, что впереди – просто очередной камушек.

Локатор дал расстояние. Миллионы километров.

Гравителескоп: какова масса тела?

– Планета.

Аверов почувствовал, как дрожат губы. Минуты две сидел, закрыв лицо руками. Потом вызвал центральный пост.

– Здесь обсерватория. Планета в пределах зоны обитания.

Ему ответили.

– Вот и компьютер дает те же данные...

Подлетели. Расстояние до поверхности было – две тысячи километров. Над экватором плыли облака. Локаторы показывали: кряж. Равнина. Обширная. Снова хребет. Тут, видимо, море...

– Итак, друзья мои: снижайтесь осторожно. Пробы атмосферы, пород... Оглянитесь и попытайтесь вернуться побыстрее.

– Хорошо, – сказал Ульдемир. Он повернулся к Аверову. – Я полагаю, облака – это еще ничего не значит.

– Да, – хмуро согласился ученый. – Но температура на поверхности такова, что можно ожидать...

– Ладно, там видно будет. Рыцарь, прошу в катер.

Они быстро пробили облачный слой. Снизились. Голубые огоньки стекали с бортов.

Внизу шумели леса.

То есть шума не было слышно. Но, увидев такой лес, каждый сразу поймет, что он шумит. Не может не шуметь.

Уве-Йорген, первый пилот экспедиции, шел на бреющем. Свист двигателей глохнул в вершинах деревьев. Вершины покачивались: дул ветер.

– Здесь нам не сесть, – сказал Уве-Йорген.

– Сделаем еще виток-другой.

Рыцарь набрал высоту.

– Возьми градусов на тридцать вправо.

Уве-Йорген переложил рули.

Через сорок минут началась степь.

– Вот здесь можно сесть.

– Погоди, – сказал Ульдемир.

Аверов работал с камерой.

– Двигается, – пробормотал он.

– Стада, – сказал Ульдемир. – Сотни тысяч голов. На Земле когда-то тоже было так. Питек помнит. И Рука тоже.

– Сядем, капитан?

– Нет. Уве, обожди.

– Чего ты ищешь?

– Ты знаешь.

Они сделали еще один виток.

– Нет, – сказал Уве-Йорген. – Людей здесь нет. Будь они – не было бы стад.

Прошло еще полчаса.

– Внимание! Внизу. Что это, по-вашему?

Голос Рыцаря был странно приглушен.

Аверов вгляделся.

– Возможно, это природная формация? В конце концов, и на Марсе когда-то видели каналы...

Уве-Йорген Риттер фон Экк смотрел перед собой, твердо сжав челюсти. Он резко бросил машину вниз.

– Это дорога, – пробормотал он. – Пусть никто не говорит мне, что это не дорога...

Машина мчалась впритирку к поверхности.

– Воткнемся, – сказал Ульдемир.

– Нет, – уверенно ответил Рыцарь. – Эх, Ульдемир... – И сам перебил себя: – Смотрите! Вот они! Да вот же!

Это, несомненно, были люди – или очень похожие на них существа.

– Садимся?

– Не надо, Уве. Все ясно. Правь на корабль.

На обратном пути они молчали. Только перед самым кораблем Аверов пробормотал:

– Люди, настоящие люди... Что теперь делать?

Капитан и Уве-Йорген одновременно произнесли по нескольку слов. Но один говорил по-русски, другой по-немецки, и Аверов так ничего и не понял, и не понял бы, даже если бы ему перевели это на современный земной язык, поскольку в современном языке подобных оборотов речи просто не существовало.

Глава пятая

Все, кроме вахтенного, снова собрались в салоне у ученых. На этот раз сидели не так чинно, и Шувалов вновь бродил по ковру из угла в угол, рассуждая громко:

– Что мы в силах предпринять? Мы не готовы к такого рода действиям. К высадке на планету с развитой – с разумной жизнью. Ничего не знаем... Какой окажется структура здешнего разума, его коммуникативность, степень развития? У нас вообще нет никакой аппаратуры для контакта. А контакт необходим, чтобы добиться конструктивных и очень важных результатов...

Уве-Йорген спросил, словно о незначительном:

– Да чего вы, собственно, от них хотите, профессор?

– То есть как?! На планете существует разумная жизнь. А из этого однозначно следует, что мы должны не только заботиться о предотвращении гибели нашего человечества, но и взять на себя заботы о спасении здешнего населения. Для защиты человечества мы собирались погасить звезду. Но здешних людей мы этим лишь погубим.

– Стоит излучению звезды уменьшиться на десять процентов, – подсказал Аверов, – и условия тут сделаются совершенно непригодными для жизни. Катаклизмы. Обледенение. Голод. И гибель жизни. Все это произойдет менее чем за год.

– Нельзя ли не столь поспешно? – спросил Иеромонах.

– Ни быстрее, ни медленнее, – тут же ответил Аверов. – Процесс саморегулирующийся, течение его от нас не зависит. Мы можем, так сказать, только нажать кнопку – или, напротив, не нажимать.

– Значит, они обречены, – снова заговорил Уве-Йорген. – Так нужно ли ломать голову в поисках несуществующего выхода? Будем спасать человечество – это наш долг.

– Я запрещаю говорить так! – крикнул Шувалов. – Помните: с момента, когда нам стало известно о существовании здесь жизни, мы, хотим мы того или нет, взяли на себя ответственность за ее спасение.

– Видимо, единственный выход – эвакуация, – сказал Аверов.

– Почему? – возразил Шувалов. – А если доставить с Земли и зажечь здесь небольшое, локальное солнце? Такой опыт есть...

Аверов покачал головой:

– Отпадает. Для управления таким солнцем с планеты нужна сложнейшая кибернетика, мощные стартовые установки, запасы топлива, множество специалистов – и прочее, и прочее. Да и надежность... Я за эвакуацию. Земля согласится предоставить им одну из планет Солнечной системы...

– Им хватит и небольшого участка, – сказал капитан. – Судя по тому, что мы видели сверху, обжита лишь малая часть планеты. Но дело в другом. Насколько это осуществимо технически? Сколько этих людей? Сколько кораблей понадобится? Сколько времени нужно на их постройку? Где взять столько экипажей? Ведь времени-то у нас как раз мало: звезда ждать не станет...

– Сейчас самое важное, – сказал Шувалов уже почти спокойно, – узнать, сколько их, и объяснить им положение вещей. Поэтому контакт заботит меня прежде всего. Потому что для того, чтобы нас поняли, нужно, чтобы нас предварительно выслушали. А это может оказаться самым трудным. Надо немедленно лететь к ним. Выбрать какое-нибудь небольшое поселение – в большом мы сразу же запутаемся. Найти местную власть и попросить, чтобы нас связали с их главными руководителями.

– А как же мы с ними станем объясняться? – подумал вслух капитан.

– Капитан, вы задаете какие-то наивные вопросы. Откуда я знаю как? Вот полетим с вами – и увидим.

– Со мной?

– Да, вы и я. Потому что пилоты, кажется, склонны подходить к решению проблемы куда проще, чем она заслуживает.

– В мои времена мораль была куда проще, – сказал Питек. – Но не думаю, что она намного хуже вашей. Просто не хочу спорить.

– Готовьтесь, капитан, – сказал Шувалов.

Овальное красное солнце подпрыгнуло над далеким горизонтом. Длинные тени упали на серо-зеленую высокую траву, вспыхнули неожиданно яркие огоньки цветов. Потянул ветерок; душистый запах жизни закружил головы. Шувалов вздохнул:

– Как на Земле... Пойдемте?

Они зашагали туда, где возвышались деревья, за которыми лежал городок. Катер с включенным маячком остался в высокой степной траве, скрытый от взглядов ее гибкими перистыми стеблями. Шли молча. Приблизившись, бессознательно замедлили шаг, потом и вовсе остановились. Городок казался вымершим.

– Еще спят? Вряд ли...

Они стояли на пригорке, откуда город был хорошо виден.

– Красиво, – сказал Ульдемир.

– И странно. Обратите внимание: ни одной прямой улицы. Очень своеобразная планировка. Это напоминает... Затрудняюсь назвать, но, во всяком случае... во всяком случае, ощущаешь руку художника.

– Да. Интересно.

– Это воодушевляет меня, капитан. Люди, обладающие развитым эстетическим чувством, не могут не понять нас. Хотя, может быть, приспособиться к их мышлению будет сложно – если они мыслят образно, а не логически... Жаль, что среди нас нет художника. Но почему никого не видно?

– Может быть, это и не город? – сказал Ульдемир.

– Что же, по-вашему? Некрополь?

– Нет, почему же... Просто мы, может быть, видим лишь верхний, декоративный, так сказать, ярус города, а жизнь течет вниз. В наших, вернее, в ваших городах на Земле...

– Это было бы приемлемо для иных уровней цивилизации, капитан. Люди лезут под землю, когда наверху становится тесно. – Шувалов вздохнул. – Или слишком опасно.

– Наверное, вы правы, – кивнул Ульдемир. – Что же тогда? Эпидемия? Война?

– Вы мыслите земными категориями. Причину мы узнаем, но жаль, что потеряно время: придется искать другой поселок. С людьми.

– Пройдем все же по улицам.

– Конечно, раз уж мы здесь... Но только осторожно. При первых же признаках опасности – немедленно назад. Интересно, сколько человек могло жить в таком городе?

Капитан прикинул.

– Пять тысяч, десять, а может быть – пятнадцать.

– Весьма неопределенно, весьма. Почему – пятнадцать?

– Мы не знаем их уровня жизни. На двух квадратных метрах могут спать двое или трое, но один человек может жить и на площади в десятки квадратных метров. Это же историческая категория.

– Жаль, что мы не историки. Да и много ли может помочь наша земная история в этих условиях? Все мы грешим стихийным антропоцентризмом... Но поторопимся. Чем скорее мы встретим кого-либо, тем быстрее разрешатся наши проблемы. Итак, план действий...

Они снова зашагали, раздвигая траву, поднимавшуюся выше пояса.

– План действий: встретив кого-либо, мы сразу же даем понять, что хотим видеть их руководство. Вождя, императора, президента – все равно. Вступив в контакт с руководством, просим пригласить представителей местной науки. Да-да, я понимаю... но тут важен не столько уровень знаний, сколько научный склад ума. Если он есть, мы поможем им понять всю важность проблемы. Возьмем данные о населении... Чему вы улыбаетесь, капитан?

– Вы уверены, что такие данные есть?

– Ну, на худой конец прикинем сами. Хоть число поселений-то им известно, я полагаю? Или семей: налоги, все прочее... Вы согласны с моим планом?

– Да, – сказал капитан. – Пока нет ничего лучшего.

– Само собой разумеется. А вот и дорога наконец!

Они вышли на дорогу; узкая полоса утоптанной земли уходила к городу. Отчетливо выделялись колеи.

– Вот и первый неоспоримый признак уровня материальной культуры. Что вы скажете по этому поводу?

Капитан всмотрелся.

– Скорее всего, просто телега с лошадьё. Видите – следы копыт? Милая, старая лошадка.

– Какая прелесть, а? – восхитился Шувалов. – Я никогда... Впрочем, надо припомнить... Нет, никогда в жизни не видал телеги. Воистину, не знаешь, когда и с кем встретишься...

– Кстати, о встрече, – сказал Ульдемир. – Надо ли нам так спешить? Напомню вам одну простую вещь: у нас ведь нет оружия. Мы совершенно беззащитны. Вы хоть драться умеете?

– Разумеется, нет, глупости. Но разве нам грозит что-то?

– Не знаю. Не исключено.

– Помилуйте, капитан, мы ведь предполагаем наличие здесь мыслящих существ... Будем же исходить из предпосылок доброты разума.

– Хочу надеяться, что вы правы.

– Идемте же, капитан, идемте!

Они шли по улице – по широкой, поросшей травой полосе между двумя рядами двухэтажных домов. Тишина нарушалась криками птиц.

– Капитан, друг мой, ведь не может быть, чтобы они испугались нас и сбежали? Мы специально сели в отдалении, ночью...

– Право, не знаю. Интересно, из чего это построено.

– Ну, это мы узнаем. А что это за архитектура? Вы понимаете что-нибудь в архитектурных стилях?

– Гм, – сказал капитан. – У меня странное ощущение. Понимаете, все это очень похоже на... Боюсь сказать глупость.

– Наших высказываний никто не записывает, друг мой, и полагаю, что мы уже наговорили массу глупостей. Одной больше или меньше – не имеет значения. Итак?

– Мне кажется, что я узнаю их: почти такие же дома строили в то время, когда я был... В мою эпоху, одним словом. Эти характерные очертания, большие окна...

– Вы хотите сказать, что жили в таких вот домиках?

– Большей частью летом. А вообще жили в городах, как и вы. И тем не менее я никак не могу согласиться с тем, что мы попали в эпоху, похожую на мою. Тогда здесь пахло бы бензином.

– Насколько я помню, архитектура определялась уровнем строительной инженерии, характером материала... Из чего вы строили?

– Из кирпича, из разных видов бетона...

– Что же, и это, по-вашему, построено из бетона?

– Подойдем и посмотрим. Хотя бы вот сюда. Честное слово, в свое время я повидал десятки таких домиков...

– Да, но как мы переберемся через... Зачем вообще это?

– Забор, – сказал Ульдемир. – Ограда. Чтобы к дому не подходил никто, кроме имевших право.

– Вы таким способом защищались от зверей?

– Господи, – сказал Ульдемир. Теперешние люди часто не понимали самых простых вещей. – Ладно, погодите, я сейчас перелезу.

– Я с вами, – сказал Шувалов. – Очень интересно, как это там устроено внутри.

– Нет, – сказал Ульдемир. – Мало ли какие сюрпризы могут там оказаться. Сперва я один.

– Разумно, – сказал Шувалов, подумав. – Странно, но вы начинаете заражать меня своей боязнью. Только учтите, что без вас мне на корабль не вернуться.

– Придет второй катер. Не бойтесь.

– Я не боюсь, мой здравый смысл и жизненный опыт протестуют против боязни.

Ульдемир уже перелез через невысокий, ниже человеческого роста, забор. Он обернулся:

– Опыт какой жизни вы имеете в виду?

– Беда с вами, – сказал Шувалов и махнул рукой. – Ну, идите. Но смотрите, будьте осторожнее.

Он прошел по саду. Утоптанная тропинка огибала дом – вход, наверное, находился с другой стороны. Большие окна были плотно занавешены изнутри. Ульдемир шел, ожидая, что вот-вот на него из-за угла бросится собака. Странное чувство охватило его: показалось вдруг, что не было ничего, и он на Земле осторожно подходит к чьему-то домику, и сейчас встретит человека, и как ни в чем не бывало заговорит с ним, не тратя никаких усилий для контакта, – заговорит, как с добрым знакомым, и будет понят.

Он подошел вплотную к дому. Провел рукой по белой шероховатой поверхности стены. Кирпич? Его не было и в помине. Бетон? Нет, вряд ли. Ульдемир сунул руку в карман, достал стартовый ключ катера, попробовал ковырнуть стену. Это удалось без труда. Нет, какой уж тут бетон – вернее всего, глина. А глубже? Дерево. Ну что же, это уже дает представление об уровне эпохи. Хотя на Земле из дерева строили тысячелетиями. Что же, пойдем дальше...

Он обогнул дом. Здесь был дворик. Никаких сараев или гаражей, ничего, что указывало бы на характер хозяйства, экономики. Зато были качели. Такие, на каких он качался в детстве.

«Да, – подумал он. – Качели. И дерево. И мы в свое время строили такие дома. Окна наши. И крыша».

Что тут еще? Колодец. Значит, водопровода нет. Обычный колодец, вырытый в земле, с довольно примитивным воротом. Ульдемир подошел, заглянул. Глубоко внизу стояла вода. Лицо его отразилось на фоне голубого неба, черты лица были неразличимы. Вдруг захотелось пить. «Ты же не знаешь, что это за вода, – вяло сопротивлялся здравый смысл. – Пусть атмосфера оказалась пригодной, это еще ничего не значит...» Здравый смысл протестовал по обязанности, а руки тем временем уже вращали ворот, и кожаное ведро – никак иначе нельзя было назвать этот кожаный сосуд – медленно опускалось на колючей веревке. К веревке был привязан камень, чтобы ведро зачерпнуло воду, а не плавало на поверхности. Ульдемир поднял ведро и отпил. Вкусная вода. Какой-то привкус есть, но хорошая, свежая, холодная вода...

Он поставил ведро наземь и повернулся к дому.

Вот и дверь. Все размеры – и двери, и самого дома – говорят о том, что здесь живут не просто существа, подобные нам, а люди. И в самом деле, ведро – уж такое человеческое изобретение... А качели! Для кого они, если не для людей?

Ладно, попытаемся войти в дом.

Он решительно подошел. Крыльцо – три ступеньки. Поднимемся. Дверь. Наверняка заперта.

Ульдемир нажал ручку. Дверь открылась.

За ней было темно. И Ульдемир шагнул во мрак.

Шувалов нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Любопытство одолевало его. Он взглянул на часы: прошло всего-навсего шесть минут. Капитан мог бы и поторопиться. Положительно невозможно было стоять и ничего не делать: время шло. Шувалов покосился на безмятежно светившее солнце и неожиданно погрозил ему пальцем. Тут же оглянулся: не видел ли его кто-нибудь?

Ему показалось, что кто-то – или что-то промелькнуло и скрылось за острым углом перекрестка. Что-то живое. Контакт... Капитана все не было. Тогда Шувалов, раздраженно махнув рукой, торопливо зашагал, почти побежал туда, где заметил движение. За углом никого не оказалось. Он растерянно огляделся. Пробежал немного вперед. Остановился. Повернул назад. Решившись, громко позвал:

– Покажитесь, пожалуйста, если вы здесь!

Молчаливые дома окружали его, нигде не было заметно ни малейшего движения, шелестела листва в садиках, где росли деревья и цветы – красные, синие, лиловые. Цветы росли не как попало – они образовывали узоры, в которых был, видимо, какой-то смысл: слишком сложными были эти линии, чтобы ничего не обозначать.

«Показалось», – подумал он разочарованно. И повернулся, чтобы идти к домику, в котором скрылся Ульдемир.

За его спиной стояли четверо.

– Ага, – растерянно сказал Шувалов. – Вот и вы. Здравствуйте.

Глава шестая

Всякому, кто хочет прожить жизнь спокойно, без неожиданностей и треволнений, я советую не заходить в чужие дома, где занавешены окна и ничто не нарушает тишины. Пройдите мимо, не поддайтесь искушению – и вы избежите всего, что может нарушить ровный ход вашей жизни, и к старости у вас не останется таких воспоминаний, которые заставили бы сожалеть о чем-то.

Это – мудрость задним числом, остроумие на лестнице, как говорят французы. Но в тот раз я был в таком состоянии, что мне нужна была как раз какая-то неожиданность, моя личная неожиданность, так сказать, персональное приключение. Мне мало было той переделки, в какую попала вся экспедиция, потому что наше общее приключение не облегчало моего положения, не уменьшало той ответственности за людей и корабль, которая лежала на мне, капитане, и ощущалась даже во сне. Я никогда не уклонялся от ответственности, но теперь чувствовал, что нужна передышка, какая-то интермедия – то, что в мое время называлось разрядкой. И вот поэтому я согласился (хотя это было и не по правилам) сопровождать Шувалова на планету для установления контакта, хотя за контакт я не отвечал, а за корабль отвечал. И по той же причине я перемахнул через забор и напился холодной колодезной воды во дворе, а потом отворил дверь, оказавшуюся незапертой, и шагнул вперед, в темноту.

Я сделал несколько шагов, вытянув руки, чтобы не налететь на что-нибудь; ступал я осторожно, стараясь не нарушить тишины. Все же пол скрипнул под ногами, и я замер, но ничего не случилось. Я постоял немного, чтобы глаза привыкли к освещению – вернее, к его отсутствию, – и понял, что нахожусь в прихожей, достаточно просторной, почти лишенной мебели, только на стене висела вешалка, очень похожая на те, что были на Земле в мое время, и в углу стояла не то табуретка, не то скамеечка – я не разобрал и не стал уточнять. Прихожая

была слегка вытянута, и, кроме той двери, в которую я вошел, там было еще две – одна справа, другая передо мной, с торца. Я провел ладонью по стене, пытаясь нащупать выключатель, и не обнаружил его; мне не сразу пришло в голову, что в доме может просто не быть электричества, потому что все тут было таким земным, что казалось, я сейчас войду в комнату – и увижу непременно стол и диван, и телевизор в углу, и полку с книгами, и полдюжины стульев, и коврик на стене или шкуру, и акварель Суныня или еще чью-нибудь, а в углу будет торшер, а с потолка будет свисать светильник с пластиковыми колпаками, на две или три лампочки. Одним словом, мне показалось, что я сейчас отворю дверь – ту, что с торца, потому что если пойду вправо, то попаду на кухню, в ванную и так далее, – отворю дверь в комнату, и кто-то повернет голову, отрываясь на миг от телевизора, и скажет знакомым голосом: «Ты где пропадал так долго? Садись. Есть хочешь?»

Труднообъяснимое ощущение это было таким сильным, что мне вдруг стало смешно от того, что я крадусь тут на цыпочках, словно вернувшись домой после криминального недельного отсутствия. И я кашлянул, чтобы предупредить того, кто должен был находиться в комнате, чтобы не испугать его своим внезапным появлением. Потом я подошел к двери и отворил ее.

Отворил и вошел, и мне стало не по себе. Потому что то, что я только что представил себе в прихожей, пока глаза привыкали к темноте, на самом деле могло существовать только в моем воображении, и я это отлично знал и был внутренне готов к тому, что на самом деле увижу нечто совершенно другое. И тем больше было мое изумление, даже не изумление, может быть, но чувство, весьма похожее на страх, когда я пригляделся и увидел, что воображение мое на этот раз словно бы смотрело сквозь стену и видело то, что находилось в этом помещении.

Потому что здесь на самом деле был стол. И стулья. И что-то висело на стене. Телевизора, правда, не было, и никто не сидел перед ним. Но был диван. И кто-то лежал на диване и спал, и, если прислушаться, можно было уловить едва заметное легкое, размеренное дыхание. Перед диваном был коврик, и то, что стояло на нем, до смешного напоминало наши земные домашние туфли без задников, а размер их был таков, что можно было без колебаний сказать – на диване спит женщина; впрочем, и дыхание говорило о том же.

Я постоял, глядя на нее, укрытую одноцветным одеяльцем, – в полумраке я не мог разобрать, какого оно было цвета. Я смотрел на нее не настойчиво, чтобы она не ощутила во сне моего взгляда и не проснулась (не хотелось будить ее, хватало уже и того, что я вломился без спроса). Под влиянием какого-то необъяснимого порыва я вместо того, чтобы, удовлетворившись результатами разведки, тихо вернуться к Шувалову и вместе с ним пораскинуть мозгами над тем, что же делать дальше, – вместо этого я подошел к окну, ступая смело, хотя и не очень шумно, раздвинул плотные занавеси – утро хлынуло в комнату – и, повернувшись к той, что спала на диване, сказал весело и ласково:

– Ну, сонюшка, пора вставать!

Я сказал это; я забыл, начисто забыл, что нахожусь на незнакомой планете незнакомой звездной системы, за много световых лет от Земли, где эти слова в подобной обстановке, может быть, и оказались бы уместными. Я забыл, что немногие вещи способны так встревожить человека, как неожиданно раздавшиеся рядом звуки чужого языка – даже при условии, что моя речь будет воспринята ею именно как язык, а не как, скажем, собачий лай; я забыл, я сказал это.

Женщина лежала лицом к стене; сейчас она потерлась щекой о подушку (представилось мне) и сонным голосом пробормотала:

– Сейчас, сейчас... еще пять минут.

– Ну... – начал было я и вдруг подавился собственными словами.

Она сказала: сейчас. И я услышал и понял это. А она, значит, за миг до того услышала и поняла меня!

Я не спал и не был пьян – успел забыть, как это бывает. И я был здоров, не бредил и не галлюцинировал.

Может быть, я попал в ловушку? Может быть, все эти дома – капканы для легковверных пришельцев из космоса – устройства, которые в темной прихожей анализируют наши мысли, воспоминания, а в комнате показывают нам то, что мы хотели бы видеть и слышать, и тем самым усыпляют нашу бдительность, чтобы потом разделаться с нами, как это в свое время описывалось у Брэдбери и других?

Что еще можно было тут подумать?

Может быть, и можно было, но я просто не успел. Женщина глубоко вздохнула, повернулась ко мне и открыла глаза. Она увидела меня, и я увидел ее. Увидел и сказал:

– Нуш?

– Нуш! – сказал я. – Это ты?

Я мог бы и не спрашивать. Потому что совершенно ясно видел, что это была она. Если бы у нее была, допустим, сестра-близнец, я бы не спутал их, я уверен. Но здесь была она сама и никто другой.

Она находилась еще где-то во сне и медленно возвращалась оттуда. Глаза ее смотрели на меня, но сначала не видели. И вот увидели, я понял: она тихо вскрикнула и закрылась одеялом.

– Не бойся, – сказал я. – Это ведь я. Забыла? Просто я.

– Кто ты? – боязливо спросила она.

Голос был тоже ее. Нуш, хотя, конечно, кто может поручиться за то, что память через столько лет пронесит образы и звуки неискаженными? Во всяком случае, память не дала мне никаких оснований сказать, что это – не ее голос.

– Я – Уль...

– Кто ты? Откуда? – Голос ее окреп, она огляделась. – Зачем ты тут? За мной?

– Да, – сказал я. – Конечно, за тобой. Далеко же мне пришлось забраться, чтобы наконец снова найти тебя!

– Тебя послали они?

Я пожал плечами:

– Кто они, Нуш?

Она моргнула.

– Я не Нуш. Наверное, ты ищешь другую, не меня.

– Нет, – сказал я. – Других не было. А если и было что-то, не стоит вспоминать. И потом, разве я был виноват в том, что случилось? Но знаешь, давай поговорим об этом в другой раз.

Она смотрела на меня и, кажется, ничего не понимала. Она все еще полулежала, закрываясь одеялом.

– Одевайся, – сказал я. – Я отвернусь.

– Ты не мог бы выйти? – спросила она. – Я не убегу.

Я подумал.

– Нет, – ответил я потом. – А вдруг убежишь? Или опять выкинешь что-нибудь такое, как в тот раз? После таких вещей трудно остаться в живых. Очень трудно. Я не выйду. Просто отвернусь. Одевайся.

Я и вправду отвернулся и подошел к окну. Оно выходило в сторону улицы, и там, по ту сторону забора, должен был стоять Шувалов. Однако его не было. Не дождался, подумал я. Ушел бродить по городу... Я подумал об этом равнодушно, потому что сейчас это не имело ровно никакого значения.

В эти минуты мне было все равно. Совершенно не играло роли, что мы находились близ звезды, которую вот-вот должно было разнести, как ядерный реактор, вышедший из-под контроля; пустяком было – что мой товарищ куда-то исчез, хорошо еще, если вернулся к катеру,

а то взял и провалился в колодец или мало ли куда – все это не стоило больше ни копейки. Потому что рядом была она.

В мои годы уже не питаешь иллюзий ни относительно себя самого, ни насчет мужского пола вообще. Но если вам повезло и на роду вам написана такая любовь, что всех остальных женщин для вас просто не существует, а только она, она одна – то небо может рушиться, а солнце – гаснуть или взрываться, как ему больше нравится, но пока эта женщина рядом с вами, мир для вас не погибнет. Вот такое было у меня состояние – и что мне сейчас оставалось, как не забыть сию же минуту обо всем, что не имело прямого отношения к ней?

– Я готова, – сказала она за моей спиной.

Я обернулся.

Нет, как бы ее ни звали, это все же была она. Наряд ее, правда, показался мне несколько странным – для моего времени он был, пожалуй, чересчур смелым, а для эпохи Шувалова старомодным, но это была она – и все тут.

– Ну здравствуй! – сказал я, шагнул к ней, обнял ее и поцеловал, как можно поцеловать девушку после разлуки в какие-то там тысячи лет.

Она не отвернулась, но губы ее были холодны и неподвижны.

И только тут я наконец пришел в себя.

– Сядь, – сказал я.

Что-то промелькнуло в ее глазах, она подошла к дивану и села.

Я сделал несколько шагов по комнате – туда и сюда. Она не следила за мной, отчужденно глядела куда-то в потолок. Я маршировал перед ней, как на параде, и пытался хоть что-то понять.

Это была Нуш. Ее рост, ее фигура, ее длинные, тяжелые рыжеватые волосы, ее карие глазницы, маленький рот с чуть припухлыми губками. Чуть обозначенные скулы, нос – все было настолько ее, что тут не могло возникнуть ни малейших сомнений.

Но ни малейших сомнений не могло возникнуть и в том, что это не была, не могла быть она.

Разве что сбываются легенды о вечной жизни, и рай на самом деле находится на расстоянии нескольких тысяч лет от нашего времени и всегда будет находиться на этой дистанции, постоянно убегая от нас?

Но мне сейчас было не до таких рассуждений.

Это не могла быть она. И во времени, и в пространстве мы с Нуш разошлись навсегда. И тут была другая система и другая планета, хотя все здесь напоминало Землю настолько, что вряд ли могло быть простым совпадением.

Я вздохнул, придвинул стул и сел.

– Ладно, – сказал я. – Давай разберемся кое в чем.

– Я ничего не знаю, – проговорила она отрешенно.

– Кое о чем ты, во всяком случае, знаешь больше, чем я.

Она лишь пожала плечами.

Я немного помолчал, систематизируя в уме вопросы, которые должен был задать ей.

– Кто вы?

Она покосилась на меня.

– А ты не знаешь?

Я покачал головой. Теперь она посмотрела внимательней и как-то странно. Вздохнула.

– Знаешь!.. Хорошо. Мы – люди от людей!

Это ничего мне не говорило.

– Я и сам вижу, что люди, а не лошади. – Не знаю, почему я вдруг подумал о лошадях, это было смешно, но я не стал смеяться. – Вас много?

– Больше, чем вы думаете.

– Мы? Ты знаешь, кто мы?

– Еще бы! – Она холодно улыбнулась. – Ты переоделся, но мы всегда узнаем вас. Меня ты нашел, но остальных не найдешь.

Я вздохнул и потер ладонями виски.

– Нуш, милая, – сказал я. – Да, черт... Как тебя зовут?

– Какая тебе разница? – нахмурилась она. – Зови меня Анной. Доволен?

– Анна, – пробормотал я, пробуя имя на вкус. Хорошее имя, но я привык к другому и не хотел от него отказываться; недаром в старину верили, что узнать имя – значит получить власть. – Анна... Красиво, но это не для тебя. Если не возражаешь, я буду звать тебя Нуш. Это тебе идет.

Она внимательно посмотрела на меня, опустила глаза и снова подняла, и движение это было мне до боли знакомо. Она спросила:

– Ты любил такую женщину?

– Продолжаю, – ответил я кратко, потому что сейчас мне не хотелось говорить об этом: слишком много было неясностей. – Знаешь, давай сначала поговорим о непонятном.

Она подняла брови.

– Ты не торопишься увести меня.

– Куда спешить?

– А, ты ждешь, пока подойдут ваши? Боишься, что мои друзья тут неподалеку?

– Твои друзья, мои друзья... Ты ведь совершенно не знаешь, кто я, кто мы...

– Я ведь сказала тебе: знаю.

– Да нет же! Ты приняла меня за кого-то... боюсь, не очень хорошего. Давай разберемся. – Я вздохнул: уж очень я не любил разбираться в отношениях, но на сей раз, кажется, без этого было не обойтись. – Мы очень похожи; странно, до невероятности похожи.

Она взглянула на меня с недоумением; и в самом деле, весьма смело было сравнивать себя, молотого жизнью мужика около пятидесяти, с красивой девушкой, которой наверняка не было еще и двадцати пяти.

– Да нет, ты не поняла. Не ищи зеркального отражения...

– Тогда совсем не понимаю, – сказала она. – Что может быть общего между нами и вами – людьми от Сосуда?

– Откуда?

– Ты же человек от Сосуда – иначе зачем ты преследуешь меня?

– Да вовсе я не преследовал тебя! Я наткнулся на тебя случайно, просто зашел... И что значит – человек от Сосуда?

– Ты не то говоришь, совсем не то. Перестань притворяться. – Сейчас в глазах ее горел гнев, но она и во гневе была прекрасна, как когда-то. – Откуда ты взялся, что не знаешь, кто такие – люди от Сосуда?

– Ладно, слушай, – сказал я. – Я и правда не знаю, и никто из нас не знает. Мы прилетели издалека... из другой звездной системы. – Тут спохватился. – Ты знаешь, что такое – звездная система?

– Да, – она взглянула на потолок – невысокий, рейчатый. – Слышала еще в школе. Но... разве там, на звездах, живут люди? Такие же люди, как мы?

– И я тоже удивляюсь, – откровенно признался я. – Ты представить себе не можешь, как это странно: прилететь в такую даль – и встретить людей, не только до малейшей детали похожих на нас, но и говорящих на том же самом языке. Это не может быть случайностью; тому должна быть причина. В чем она заключается? Я хочу понять...

Она смотрела на меня, по ее лицу было видно, как вера в ней боролась с недоверием.

– Очень странно... – сказала она медленно. – Но ты и в самом деле хочешь, чтобы я тебе поверила?

– Господи, чего же еще я хочу?

– Ты правда говоришь чуть-чуть не так, как мы... но это ничего не значит. Ну хорошо. – Было видно, что она решилась. – Хочешь, чтобы я поверила, – тогда разденся.

Я понял бы, если бы мне предложили взять в руку раскаленный уголь и держать его, сколько потребуется, чтобы доказать, что я не вру. Но что касается раздевания... Я вовсе не против того, чтобы раздеваться в присутствии женщины, но далеко не во всех случаях, и... вообще.

– Раздевайся! – нетерпеливо повторила она. – Ты же знаешь, что я хочу увидеть!

Я, наверное, выглядел в тот миг страшно глупо, потому что ничего не мог понять.

– Ну? – Она топнула ногой.

– Ладно, – сказал я хмуро.

В самом деле, есть и еще одна ситуация, когда можно раздеться в присутствии женщины. Представь себе, что ты пришел к врачу, – и ее требование покажется тебе вполне естественным.

– Ну пожалуйста, – сказал я и расстегнул комбинезон. – Ты скажешь, когда надо будет остановиться.

Раздеваться мне никогда не было неприятно: для своих лет я выглядел неплохо, а те невзгоды, что оставляют следы на нашем лице, обычно не накладывают отпечатков на тело – если, конечно, вы не прошли через войну. Я скинул комбинезон и повесил его на спинку стула. Снял рубашку. Девушка смотрела в сторону.

– Еще?

– Сними это. – Она ткнула пальцем мне в грудь.

Я стянул майку и стоял перед ней, опустив руки и чуть вобрав живот. Теперь она повернулась ко мне, и мне показалось, что она сейчас вытащит откуда-нибудь фонендоскоп и начнет привычное «дышите – не дышите». Но ничего такого не произошло. Она просто посмотрела мне на живот. Сначала мельком. Потом чуть нагнулась и всмотрелась повнимательнее. Наконец послюнила палец и крепко потерла кожу около пупка.

– Щекотно, – сказал я хмуро.

Она взглянула мне в глаза.

– Правда... Неужели у тебя никогда не было этого?

– Да чего, черт побери, чего?

– Знака Сосуда. Опять ты притворяешься...

– Ладно, – сказал я сердито. – Можно одеваться?

Мне подумалось, что теперь было бы неплохо заставить раздеться и ее под каким-нибудь столь же нелепым предлогом, и я даже представлял себе, что увидел бы, – начиная с определенного возраста мужчины неплохо отличают женщину от того, что на ней надето, – но я знал, что по отношению к Нуш никогда не позволил бы себе ничего такого.

– Ну а что теперь сделать? Может, встать на голову? Или полетать по воздуху, извергая пламя?

Она не обратила внимания на мое раздражение. И это тоже отличало ее от Нуш, которая непременно спросила бы: «Ты обиделся?»

– Хорошо... Так о чем ты хотел спросить меня?

Я закончил одеваться, затянул замок комбинезона.

– Кто вы?

– Как это – кто мы? Ну, люди...

– Да. Это-то и удивительно. Откуда вы здесь взялись?

– Это я должна спросить тебя. Потому что мы живем здесь с самого начала.

– А когда было это начало? Ну, учила же ты в школе историю?

Она кивнула.

– Да, но только в школе учат, что мы произошли от Сосуда. А мы думаем, что – от людей. Что в самом начале были люди.

– А что такое – Сосуд?

– Странно все же, что ты не знаешь. Он находится в столице. Вообще-то, это такой большой дом. Оттуда произошли и самые первые люди, и все мы. Так учат в школе. Мы развивались и достигли Уровня. Теперь у нас Уровень.

– Уровень чего?

– Ну, то, как мы живем, называется – Уровень.

– И каков он, этот Уровень? Как вы живете?

– Хорошо, – сказала она. – Нам хорошо.

Я усмехнулся.

– Хорошо – а ты боишься, как бы тебя не схватили...

– Ну, – сказала она, – это другое. Не Уровень. Хотя, может быть, и как-то связано с ним. Понимаешь, мы – такие, как я, – не верим, что мы произошли от Сосуда. Потому что в таком случае – откуда взялся сам Сосуд?

– Сложная философская проблема, – заметил я.

– Я не знаю, почему нельзя думать, что и до Сосуда были люди. В школе объясняли: думать так не следует потому, что тогда возникнет вопрос, откуда произошли те люди, что были до Сосуда, и так далее – и возникнет так называемый порочный круг.

– А почему ты думаешь, что такие люди были?

– Не знаю... Может быть, потому, что так думали мои родители?

– Сосуд, ты говоришь... – Я вдруг подумал, что сосудом этим мог быть и космический корабль – вполне мог бы... – Как он выглядит?

– Я уже говорила: большой дом...

– А внутри? – Здание могло быть и просто павильоном, воздвигнутым вокруг корабля – или того, что от него осталось. – Внутри ты была?

– Что ты, конечно нет. Туда никого не пускают.

– Значит, это не музей?

– Нет. Музеи у нас есть – там всякие предметы, какими мы пользовались до того, как достигли Уровня. Сосуд – вовсе не музей.

– Может быть, что-то вроде храма?

– Храм – что такое?

– Вы верите в Бога?

– В Бога?

– Ну, молитесь, просите о чем-то... обращаетесь к небу...

– К небу? Да. Но мы не просим, мы хотим. Чтобы солнце всегда светило.

– Значит, вы верите в солнце?

– Оно же есть – зачем в него верить? Мы верим в то, что мы – от людей. Они, другие, верят в Сосуд. И в Уровень.

– Но Уровень ведь тоже есть – зачем в него верить?

– Мы живем хорошо, я тебе сказала. И они говорят, что, если мы захотим как-то изменить Уровень, станет хуже. И всегда заботятся о том, чтобы не изменить Уровня, не изменить чего-нибудь. Чтобы все было как вчера.

– А ты?

– Я... Среди нас есть такие, кто говорит, что это неверно. Что нужно развитие.

– А что говорят те... ну, кто у вас главные?

– Хранители Уровня?

– Да-да, они.

– Они говорят, что развитие должно быть. Но не такое. Не изменение Уровня. Они говорят, что развитие должно быть в наших отношениях. Мы должны больше любить друг друга и всех-всех. И еще развиваться физически. Участвовать в играх, ну и все прочее.

– А форма собственности у вас какая?

– Я не понимаю.

– Ну, кому принадлежит то, чем вы работаете и на чем работаете, кому принадлежит земля и то, что на ней растет...

– Ты знаешь, я не думала. Как-то не приходилось. А что?

«Милая Нуш или Анна, – подумал я, – по этой части у тебя слабо, ничего не поделаешь. Но очень здорово, что я наткнулся на тебя, а не на какого-нибудь местного академика».

– Значит, вот какие у вас дела. Скажи, а что делают с вами, когда ловят?

– Учат. Внушают нам, что мы произошли от Сосуда.

– А с теми, кто говорит о развитии?

– С теми? – Она задумалась. – Право, не знаю. Говорят, их переселяют куда-то в другое место. Туда, где роют ямы и строят башни. Это далеко на юге, где ничего не растет.

– Ага, – проговорил я. – Башни... Так. А кто живет в этом городе?

– Ты же видишь: никто.

– А ты?

– О, я не живу здесь. Только переночевала.

– Почему? – Я вдруг почувствовал, как давно забытое, казалось бы, чувство ревности поднимается в груди, подступает к горлу. – У тебя здесь свидание?

Она отвернулась и стала глядеть в окно.

– Опять ты...

Что за дьявол: я снова забыл, что она – не Нуш!

– Прости... Глупо, конечно. Прости. Но все-таки почему ты вдруг оказалась тут?

– Тебе не надо знать, – сухо ответила она, не поворачиваясь.

– Ну и ладно. А почему здесь не живут?

– Раньше жили. Но оказалось, что он слишком близко... к месту, где есть что-то...

– Ну, пожалуйста, говори так, чтобы я мог понять.

– Да не могу я иначе! Там находится что-то... Туда нельзя ходить. Только с разрешения Хранителей Уровня...

– Святой Уровень! Что же там находилось такое?

– Не знаю, пойми. Не знаю. Здесь, в городе, жили люди, как все живут. Но однажды кто-то из них наткнулся в лесу на... это. Хранители встревожились: говорят, могла случиться какая-то беда. Того человека отправили строить башни, всех других переселили, и сам город собираются разрушить. Поэтому сюда нельзя ходить.

– Но ты все-таки пришла. Решила пробраться туда и посмотреть, что же там находится. Я прав?

Анна молчала.

– И наверное, даже не одна?

Она тихо спросила:

– Хочешь, чтобы я тебе верила?

Голос был необычен, и вопрос так напомнил мне то, давнее...

– Хочу, – сказал я очень искренне. Я хотел. Я ведь любил ее, не задумываясь о том, кого же в конце концов люблю сейчас: Нуш прошлого или нынешнюю Анну.

– Тогда не спрашивай.

– Не буду. Но меня очень заинтересовал твой рассказ. Ты знаешь, где находится то место?

– Нет. Надо найти тропинку, одну из ведущих к лесу...

– А далеко идти? – Мне не улыбалось бродить по здешним чашам.

– Я слышала – если выйти утром, к обеду можно добраться.

– Солдатская норма – тридцать километров... Нет, это я сам с собой... Как ты думаешь, там можно увидеть что-нибудь сверху?

– Наверное, там должно быть что-то очень большое – иначе его просто увезли бы и не стали разрушать город.

– Ты прав. Конечно, очень большое, – согласился я, представив наш корабль, лежавший на орбите, невидимый отсюда. – Значит, сверху можно что-то разглядеть.

– Мы пробовали смотреть отсюда с самого высокого дерева. Но, наверное, слишком далеко.

– Я не имел в виду дерево. Ладно, пока достаточно. Пойдем?

Но она не решалась.

– Ты что – боишься?

Она чуть покраснела.

– Нет... Но мне надо еще побыть здесь.

– Понимаю. Но очень важно, чтобы ты пошла со мной. Важно для вас всех. А твоих друзей мы обязательно разыщем потом.

Контакт, думал я. Тот самый контакт, о котором рассуждал Шувалов. А для меня – такой, о каком и мечтать нельзя. Даже если бы не было нужды в контакте, я все равно никуда не отпустил бы ее, чтобы не потерять совсем. Но любая другая девушка и не поехала бы со мной, а она посмотрела мне в глаза и все поняла. Во всяком случае, я поверил, что она поняла. Очень хотелось надеяться, потому что, попытайся я выразить все словами, она не стала бы слушать. Слова должны созреть, они подобны растениям, а взгляд происходит мгновенно, как молния, и, как молнии, ему веришь сразу.

– Хорошо, – сказала она. – Я пойду с тобой. – Она подхватила свою сумку, довольно объемистую, которой я и не замечал раньше.

– Дай я...

Она отдала сумку.

Было просто невозможно не поцеловать ее, как я всегда делал на прощание, хотя сейчас мы не прощались. Но она так удивленно взглянула на меня, что я понял: то время прошло, а другое еще не настало.

Мы вышли в прихожую. Теперь и я ощутил тот прохладный, мертвый запах, что наполняет нежилые, покинутые дома. Дверь затворилась за нами. Анна уверенно направилась к калитке – она оказалась совсем с другой стороны. Мы вышли.

Чтобы попасть на то место, где я перелез через забор, пришлось искать переулок. Шувалова там не было. Я крикнул:

– Шувалов! Где вы?

Анна схватила меня за руку:

– Нельзя так громко!

– Нет же никого.

– Откуда ты знаешь?

Я пожал плечами. Шувалов исчез, не подав никакого знака, не оставив следа. Искать его? Хотя городок и невелик, но одного человека, особенно если он не стоит на месте, можно было проискать целый день – и не найти. У этих современных ученых что-то в голове было не в порядке, они не понимали, что такое опасность... Но я все же надеялся, что он вернулся к катеру и ждет меня там.

– Ты был не один? – спросила Анна.

– Вдвоем.

– Может быть, его увидели...

– Кто?

– Я же говорила: здесь нельзя быть.

Шувалов, конечно, не туземец, и все же тут я начал тревожиться.

– Пойдем, – сказал я решительно.

И мы направились туда, где в высокой траве отдыхал мой катер. Анна шла рядом; я покоился на нее, вдохнул душистый воздух и порадовался, что дожил до этого дня.

Шувалова у катера не было, только какие-то козявки грелись на матовой голубоватой обшивке.

– Плохо дело, – откровенно сказал я. – Слушай, а если его действительно кто-то увидел, что с ним могло случиться?

Она задумалась.

– Увезли, наверное...

– Куда?

– Надо поговорить с ребятами, – может быть, они что-то видели, знают...

Наверное, ничего другого не оставалось. Я откинул купол и жестом показал девушке: милости прошу. Она задержалась лишь на миг, потом храбро перешагнула через невысокий бортик и села – на мое место. Я сказал: «Нет, вон туда», и она послушно пересела. Тогда сел я, защелкнул купол, и сразу стало прохладно: я не выключал кондиционера, день обещал быть жарким. Я посмотрел на Анну и улыбнулся, и она улыбнулась тоже; думаю, трусила она основательно, но старалась не показать этого – молодец.

Я включил рацию и вызвал корабль. Кроме шума и треска, я ничего не услышал. Помехи были такими, словно неподалеку работала мощная силовая установка, – а ведь ее здесь быть не могло. Я попробовал резервную частоту – с тем же результатом. Это мне очень не понравилось, но медлить было нельзя.

– Ну, – сказал я, – тронулись?

Она моргнула; видно было, что вопрос так и вертелся у нее на языке, но она удержалась и не задала его. Я счел это благим признаком; если бы я для нее абсолютно ничего не значил, она спросила бы – когда женщина любопытствует, мало что может заставить ее промолчать. Но она боялась показаться дурочкой – и можно было надеяться, что мое мнение для нее что-то значит; для начала очень неплохо.

Я включил стартер, и гравифаг затащил свою унылую песенку.

Глава седьмая

Судья Восьмого округа медленно разбирал донесение:

«Мы, назначенные вывозить имущество из города, где не должно быть никого, встретили там человека, которого не знаем. Он шел по улице и кричал, потом остановился и бормотал что-то.

Он одет не так, как мы, и говорит не совсем так, но понять его можно, и он понимает нас.

Мы спросили, зачем он здесь. Он отвечал, что должен обязательно увидеть самых главных владетелей. Он сказал, что нам грозит очень большая беда и он научит нас, как от нее спастись. Мы спросили, какая беда. Он ответил, что она придет от солнца. Мы успокоили его, сказав, что смотрим на солнце, и спросили, откуда он. Он сказал, что прилетел с неба. Мы поговорили с ним еще. Оказалось, что он не знает многих простейших вещей, какие известны и детям, покидающим Сосуд. Было бы слишком долго перечислять все, чего он не знает.

Мы думаем, что он не злоумышленник, а просто сошел с ума. И решили не оставлять его в городе, где не должно быть никого, а привезти к тебе, чтобы ты отправил его лечиться. Он не сопротивлялся, потому что мы сказали, что ты имеешь власть.

Это донесение мы отправляем тебе на самой быстрой лошади, а человека везем на телеге, потому что он или совсем не умел ездить верхом, или разучился, когда заболел. Так что ты успеешь много раз прочесть написанное нами, прежде чем он прибудет к тебе.

Будь здоров, и да не оставит тебя Красота.

Старшина возчиков Восьмого округа Тедор Грек»

Его повели по улице не грубо, но настойчиво. В переулке стояла запряженная четверней повозка с высокими, в рост человека, бортами, но без крыши; задний борт был откинут и опирался о землю. Шувалову помогли подняться. Вдоль бортов были прилажены неширокие деревянные скамейки. Задний борт закрыли, и повозка тронулась. На ухабах ее трясло, и Шувалов болезненно морщился. Трое или четверо верховых ехали сзади, и время от времени один или другой из них, приблизившись, заглядывал поверх борта и бросал несколько успокоительных слов:

- Не бойся, все будет хорошо.
- Скоро ты сможешь все рассказать!
- Долго нам ехать? – спросил Шувалов.
- Пока не приедем.

Дороги Шувалов не видел. Сверху было синее безоблачное небо, иногда в повозку падала тень – когда над дорогой нависал длинный сук дерева. Видимо, дорога была обсажена деревьями, потому что, как помнил Шувалов, вокруг была степь и лишь на горизонте они с Ульдемиром видели узкую полоску леса. Колеса поскрипывали, изредка слышались короткие выкрики, обращенные, вернее всего, к лошадям, да ударялся снаружи в повозку отброшенный копытом камешек. Если бы не тряска, можно было бы обстоятельно поговорить, но сейчас велика была опасность прикусить язык. Тем не менее упустить такую прекрасную возможность получить информацию было бы непростительно.

Шувалов выждал, пока один из всадников не приблизился снова.

– Друг мой! Скажите, пожалуйста...

Верховой неожиданно рассмеялся – весело, но не обидно.

– Ты очень насмешил меня, – проговорил он наконец. – Обратился ко мне так, как будто меня – много. Где ты научился так говорить?

– Я всю жизнь говорю так. Но оставим это, я хочу тебя спросить вот о чем: вас тут много?

– Ты не умеешь считать до пяти?

Остальные всадники тоже приблизились, теперь двое ехали по бокам телеги, двое – сзади, где тоже было все слышно.

– Ты наверняка умел, – сказал ехавший слева. – Ничего, тебя вылечат, ты вспомнишь.

– Я спросил вот о чем: много ли людей живет в вашей стране?

Первый всадник задумался, равномерно поднимаясь и опускаясь в такт шагу лошади.

– Знаешь, я никогда об этом не думал. Мое дело – грузить и возить, и каждый день ранним утром я узнаю, что и где я должен взять и куда отвезти: иногда хлеб или мясо, иногда вещи, сделанные мастерами, сегодня вот должен был вывозить домашнюю утварь из пустого города, а вместо нее вот везем тебя, но сразу же вернемся туда. Да, вот это я знаю, а сколько людей – не могу сказать тебе. Видишь ли, мир велик: есть Уровень, есть Лес, а есть и Горячие пески, где стоят башни. И везде живут люди.

– Но сколько живет в вашем городе, ты знаешь?

– О, наш город большой, окружной, у нас есть суд. Сколько людей? Ну вот, когда я развожу мясо, я беру телегу в полтора раза больше этой и объезжаю город один раз, и никто больше в тот день мяса не возит.

– Так-так; сколько же мяса съедает в день каждый из вас?

– Столько же, сколько и ты, я думаю.

– Я? Откровенно говоря, я сторонник растительной пищи... А что вы едите, кроме мяса?

– Что и все: хлеб, овощи. Иногда рыбу...

– Очень интересно. А что возишь ты, когда едешь к мастерам?

– Иногда плуги и бороны, иной раз столы и стулья, а то забираю у ткачей полотно и везу швеям. Но кто может перечислить все? Легче пересчитать лепестки на кусте сирени весной, когда ее запах струится в крови...

– О! Как ты говоришь!..

– Тебе кажется смешным, когда говорят так? Разве там, где живешь ты, не любят красоты?

– В чем же, по-твоему, красота, друг мой?

– Боюсь, ты и вправду болен. Красота во всем. Встань и выгляни через борт: разве деревья не красивы, и степь, что за ними, и изгиб дороги, и лошади, которым легко тащить телегу? И небо, и шелест ветра.

– Да, это очень красиво. А солнце – тоже?

– Мы смотрим на него каждый день. Как и вы все: не говори, что вы не смотрите на него. Мы смотрим и молчим, не отвлекаемся – смотрим и думаем... Но ты смеешься надо мной, заставляя рассказывать то, что знают все!

И всадник, нахмурившись, отстал.

Люди, думал Шувалов. Такие же, как мы. И язык. Великое везение. Или совпадение?... Уровень этой поэтической цивилизации явно невысок: цивилизация познается прежде всего по ее дорогам... Нет, безусловно, не совпадение, а закономерность: на таком, в общем-то, небольшом удалении от Земли вряд ли могла возникнуть принципиально иная жизнь – Вселенная не так богата разумом... Что это: жизнь, имеющая с нами общий источник, или это – наша ветвь? Можно было бы сомневаться, если бы не язык – это наш язык, и можно даже определить эпоху: общий язык на Земле возник далеко не сразу. Эпоха тех, самых первых звездных экспедиций. Потомки и родственники землян. Значит, мы должны спасти не кого-нибудь, а своих братьев, даже не двоюродных – родных. Но уже много столетий минуло с тех пор, как их предки покинули Землю, и трудно сказать, какова суть этой маленькой цивилизации. Первое впечатление – благоприятное. И все же он остерегся сказать им, что в городе остался Ульдемир. Что-то оставило. Что: интуиция? Еще что-то? Может быть, капитану следовало бы находиться здесь, рядом? Хотя – зачем? С контактом он, Шувалов, справится. Плохо только, что нет возможности связаться с кораблем. И никто не будет знать, где искать его.

Впрочем, беда невелика. Как только он договорится с правителями, он объяснит им, как найти остальных: кто-нибудь из экипажа, надо полагать, будет постоянно дежурить на месте сегодняшней высадки. Хорошо, если бы они этим и ограничились...

Ну и колдобины!.. Да, приятные люди, но наивные. «Мы глядим на солнце». Глядеть, друзья мои, можно сколько угодно, от этого никому легче не станет. Тут нужны куда более действенные средства. Стихийная наивность. Зато они красивы. Так же, как и мы. Одеваются странно, но приятно для глаз. Интересно, это здешняя мода или унаследована от эпохи, когда улетели их предки? Ах, как пригодился бы тут историк!..

Повозка поскрипывала, глухо стучали копыта лошадей.

С раннего утра Аверов с головой ушел в работу: звезда была здесь, рукой подать, и можно было более тщательно разобраться в тех процессах, что в ней происходили, и понять, каким же временем экспедиция располагает. Модель давала немалый разброс: взрыв мог произойти и через год, и через десять, считая от нынешнего дня. И прошло немало времени, пока он не спохватился, что ничего не ел, не получал никакой информации и совершенно не знает, что происходит на свете.

Он ввел в компьютер программу, убедился, что она принята, и направился вниз – в Центральный пост.

Он нашел там Уве-Йоргена. Пилот курил, глядя на экран, на котором неторопливо поворачивалась планета.

– Здравствуйте, Уве-Йорген. Простите, не помню, виделись ли мы сегодня.

– О, да. Перед выходом группы.

– Они еще не вернулись?

– Еще и не время.

– Никаких сообщений?

– Никаких, доктор. Наверное, просто не обнаружили ничего интересного. Не беспокойтесь, вернутся в срок. Капитан, судя по его словам, в свое время был на военной службе. Значит, у него есть подлинное представление о том, что такое дисциплина и точность.

– Вы так чтите дисциплину? А мне казалось, что рыцари... Да, я давно собираюсь спросить: вы действительно участвовали в Крестовых походах?

Уве-Йорген затаился, выпустил дым в направлении экрана, так что планета на нем как бы окуталась облаками.

– Да, в одном таком походе я участвовал. Правда, не знаю, поступил бы так же сейчас, но прошлого не вернуть. Прямо оттуда я и попал к вам, что означает, что в конце концов мне не повезло... Но это скучная тема, доктор. Что нового у вас?

– Ну, знаете, конкретно пока сказать затрудняюсь, более или менее точные цифры будут чуть позже. Но по первым впечатлениям – неутешительно: вряд ли нам удастся выступить в роли спасителей. Хорошо, если нашей делегации удастся быстро убедить население, которое там, по-видимому, действительно есть...

– Вот в этом вы можете не сомневаться, – вставил Уве-Йорген.

– Предположим, людей там совсем немного – пусть хотя бы сто тысяч человек...

– Думаю, их больше.

– ...Попробуем рассчитать все применительно к этой величине, коррективы можно будет внести потом. Возможности корабля вы знаете лучше меня. Сколько человек мы смогли бы вывезти в один прием?

– Ну, подсчитать нетрудно. Если предоставить каждому человеку объем в два кубометра – считая с проходами и прочим дополнительным пространством...

– Два кубометра? Так мало? – Аверов озадаченно покачал головой, высоко подняв брови. Уве-Йорген прищурился.

– Поверьте, доктор, люди, не избалованные комфортом, могут довольно долго существовать и в таком объеме. И остаться в живых. Тем более что тут их будут кормить, снабжать нормальным воздухом, температура будет оптимальной и так далее; и им не придется ни дробить камень, ни валить лес... Ну подвижность будет в какой-то степени ограничена – но ведь это ненадолго...

– Сколько же времени может занять такой рейс в один конец? Мы летели...

– В общем, мы не торопились. Но при таких пилотах, как мы с Питеком, – два месяца. Вполне прилично. Но вернемся к количеству людей. Предположим, что мы выкинем из корабля все, без чего можно лететь, оборудуем в каждой палубе трех- или даже четырехъярусные... мм... назовем их ячейки, допустим, – тогда за один рейс мы заберем примерно шесть тысяч человек. Если их всего сто тысяч, значит – семнадцать рейсов. Два месяца туда, какое-то время там – для проверки и обслуживания корабля, два месяца обратно – то есть менее трех рейсов в год. Вся операция займет шесть лет.

Оба помолчали.

– Но, может быть, – проговорил затем Рыцарь, – на Земле можно наладить строительство других кораблей...

Аверов покачал головой:

– На это уйдут годы. Никто не собирался... Вы знаете, что и наш корабль возник только из-за чрезвычайной надобности, из-за смертельной угрозы... Нет, разумеется, что-то построить можно, но второй корабль мог бы вступить в строй лишь тогда, когда мы так или иначе заканчивали бы...

– А другие планеты?

– Там тоже лишь обычные внутрисистемные корабли – ничего общего с тем, что нам нужно.

– Значит, – подвел итоги Уве-Йорген, – рассчитывать в любом случае мы можем только на самих себя. Если только у нас есть эти шесть лет, то ничего страшного – поднатужимся и сделаем. А вот если такого времени у нас не будет...

Аверов ответил не сразу:

– Это мы узнаем очень скоро.

– Вот он, судья. Мы доставили его, как полагается.

– Вы поступили хорошо. Скажи, искал ли он дорогу к запретному месту?

– Этого мы не видели. Но он был в городе, где никого не должно быть.

Шувалов огляделся. Комната была небольшой, на возвышении стоял стол, за ним сидел пожилой человек в одежде того же покроя, какая была на остальных, – короткие штаны, просторная рубашка, надеваемая через голову. Сесть было не на что.

Судья оглядел его, не скрывая любопытства.

– Ты странно одет, – сказал он Шувалову; голос звучал доброжелательно. – Где так одеваются?

– Мм... там, откуда я прилетел.

Судья засмеялся.

– Летают птицы, – сказал он. – Ты приехал или пришел. Вряд ли ты пришел издалека: слишком мало на тебе пыли. Значит, ты приехал. Повозки твоей не нашли, верхом ты не едешь. Кто-то привез тебя. Теперь ответь, пожалуйста: кто привез тебя в город, где никого не должно быть? Зачем привез? Откуда? Почему ты говоришь не так, как все? Так – и все же не так. Зачем тебе нужны Хранители Уровня?

– Я не знаю, кто это такие.

– Ты ведь хочешь говорить с теми, у кого власть. Это и есть Хранители Уровня. Они живут в столице. Разве ты не знаешь? Трудно поверить. Я хотел бы услышать твои ответы на мои вопросы прежде, чем решу: отправить ли тебя к Хранителям или поступить как-нибудь иначе. Поэтому чем скорее ты ответишь, тем будет лучше для нас обоих. Ты заметил, что здесь даже не на что присесть? Потому что тут никто не задерживается надолго: отвечает – и все.

– Мне нужны Хранители Уровня, – сказал Шувалов. – Дело мое чрезвычайно важно. Оно не терпит отлагательств. Его можно решить только там, где сосредоточена вся власть. И поэтому я очень прошу как можно быстрее доставить меня в столицу.

– Ты здоров?

– Совершенно. Я, правда, немного устал.

– Ты все же не отвечаешь на мои вопросы. Хорошо, будем разговаривать дальше. Тебя задержали в городе, где никого не должно быть. Ты что, не знал о запрете?

– К сожалению, нет. Дело в том, что...

– Очень странно, понимаешь ли. Все знали, а ты не знал. А не знать было мудрено: об этом объявлялось трижды, громко и повсеместно. Где же ты был, что не слышал?

– В таком случае, судья, разрешите, я буду рассказывать все по порядку.

– Я ведь ничего другого и не хочу. Кстати, как твое имя?

– Вас интересует фамилия? Шувалов.

– Я запишу. Значит, Шувалов. Ну, рассказывай, Шувалов.

– Я должен сказать, сколь невероятным вам ни покажется, что я – и несколько других – прибыли к вам из совершенно другой звездной системы. Оттуда, откуда прибыли ваши далекие предки...

– Остановись! – перебил его судья, предостерегающе подняв руку. – Остановись, потому что в твоих словах – преступление, и, если ты станешь продолжать, мне придется наказать тебя. Ты мог не знать, что в тот город нельзя заходить, ну пусть, я могу в конце концов поверить тебе: я доверчив по природе. – Судья усмехнулся, и люди, что привезли Шувалова и теперь с интересом слушали, засмеялись негромко и добродушно. – Но никто, слышишь, – никто не поверит, что ты, прожив немало лет – а ты никак не моложе меня, – не знаешь, что учение о прилетевших откуда-то предках является ложным и запрещенным и что каждый, распространяющий его, должен быть наказан. Не продолжай – и я обещаю забыть, что ты произнес запретные слова.

– Но если в словах заключена истина...

– В них нет истины, Шувалов. Так, как ты, могут думать лишь лесные люди – те, кто не признает Уровня. Скажи уж откровенно: ты принадлежишь к ним, не так ли?

– Судья, – сказал Шувалов, нервничая все больше, – я не знаю, кто такие лесные люди, что они думают и чем занимаются. У нас нет ни малейшей информации о ваших внутренних делах, но та опасность, о которой я должен вас предупредить, касается и их, и вас, вообще всех, кто живет на вашей планете.

– Ты ничего не знаешь о них? Не очень-то верится. Но пусть будет по-твоему: ложь проявится. Что же за опасность грозит нам? Может быть, где-то началась повальная болезнь, и ты поспешил, чтобы мы успели принять меры? Скажи, и мы сделаем все возможное, чтобы уберечь людей от заразы. Но где могла появиться такая болезнь, если опять-таки не в лесу, в том лесу, куда никто не имеет права заходить? Ну, говори: ты принес весть о болезни?

– Хуже, судья. Намного хуже...

– Что может быть хуже? Впрочем, облик твой говорит, что ты никогда не болел и, значит, не представляешь, что это такое. Ну хорошо, попробую еще раз помочь тебе. Если не болезнь, то, может быть, где-то расплодились хищники и начали кидаться на людей? Весьма серьезная опасность для окраинных поселков, и ты прав, сообщая о ней. Так?

– Судья, послушайте: то, что надо сообщить, знаю я, а говорите пока больше всего вы. Можно ли таким способом найти истину?

– Ты учишь меня, как вести суд? Не надо, Шувалов, это я давно знаю. Хорошо, расскажи же наконец, в чем заключается твое знание.

– Опасность, судья, куда больше, чем все, что ты можешь себе представить. Солнце...

– Ах, солнце! – прервал его судья с глубокомысленно-ироническим выражением. – Да, конечно, солнце, как же я об этом не подумал! Что же грозит ему? Его проглотит дракон? Украдут лесные люди? А может быть, ты просто вычислил, что предстоит засушливое лето? Но Хранители Уровня знают все лучше тебя, поверь мне!

– Верь или не верь, но солнце скоро взорвется, судья, и нигде не останется ничего живого! Возчики снова засмеялись, на этот раз громче и веселее. Судья посмеялся тоже.

– Ах, такова, значит, опасность, о которой ты спешишь сообщить! Да, действительно, страшная опасность! Можно подумать, что ты никогда не смотрел на солнце... Нет, по моему суждению, ты все-таки нездоров. У тебя отшибло память, и ты не понимаешь самых простых вещей. Но не унывай, тебя излечат...

– Судья! – крикнул Шувалов. – Почему вы мне не верите? Посмотрите внимательно: разве я такой, как вы? Разве я так же одет? Кроме того... взгляните на это, например. – Он достал из кармана компиблок, включил; из плоской коробочки раздался голос, он пел песню: иногда Шувалов работал под музыку. Все молчали, пока он не выключил блок.

– Покажи-ка мне, – сказал судья.

Он внимательно осмотрел блок, включил – голос зазвучал снова – и тут же выключил. Положил на стол.

– Нет, лучше бы тебе ничего не показывать, – сказал он невесело. – Не знаю, что ты хотел доказать, но на деле добился лишь одного. Вот, – он указал пальцем на блок, – доказательство самого опасного преступления!

– Не понимаю, – пожал плечами Шувалов. – Что, у вас, друг мой, не разрешается петь?

– У нас поют все, пой и ты, если тебе весело. Но не говори, что тебе незнаком закон сохранения Уровня, – ты учил его еще в школе! И знаешь, что совершать или изготавливать что-то, нарушающее Уровень, – одно из самых тяжелых преступлений, а может быть, и самое тяжелое. И тут уж ничего не надо доказывать: вот он, факт, лежит на столе! Да и твой наряд тоже говорит о нарушении Уровня. Так что...

– Но сколько же можно втолковывать, что я не знаю ничего подобного! Я не здешний, я с другой планеты, с другой звезды!

– Ладно, ладно, – миролюбиво сказал судья. – Может быть, ты прав: лучше оказаться сумасшедшим, чем нести ответственность по закону о нарушении Уровня. Хотя раз ты ничего не знаешь, то для тебя, пожалуй, окажется новостью и то, что уличенных в нарушении этого закона посылают далеко на юг, в Горячие пески, где не растет ничего, и там они строят башни – а это тяжелый труд. Вот что грозит тебе, и, конечно, пусть лучше тебя осмотрят врачи и решат, действительно ли ты тронулся умом или притворяешься. А твою вещь, – он снова указал на блок, – да и наряд тоже я отправлю в комиссию по нарушению Уровня, и пусть она решает, насколько это нарушение было серьезным. Возьмите его, ребята, и отведите, пусть его переодедут в то, что носят все люди, а его одежду принесут мне сюда. До свидания, Шувалов, мы еще увидимся.

Шувалова вывели во двор. Распряженные лошади стояли в стороне, каждой бросили по охапке сена.

– Ничего, – сказал один из возчиков, – доктора тут хорошие.

Шувалов не ответил. Он вообще перестал, кажется, обращать внимание на то, что происходило вокруг него. Первая попытка контакта не принесла успеха... Вспышка Сверхновой вдруг представила ему во всем ее величественном ужасе, и по сравнению с ней все остальное было мелочью, не заслуживавшей ровно никакого внимания.

Глава восьмая

Мы взлетели, и я спросил:

– Где же искать твоих ребят?

Она немного поразмыслила.

– Вообще-то, я не знаю... – Кажется, Анна еще не решалась довериться мне до конца, и нельзя было сердиться на нее за это. – Я думаю, нам надо искать то место. А они обязательно придут туда.

– Ты так уверена?

– Да, они непременно найдут.

Я кружил над местом, откуда мы взлетели.

– Ориентируешься? – спросил я. – Вот город. Там лес.

– Туда, – кивнула она в сторону леса.

Я пошел не по прямой, а зигзагом. Автопилот держал высоту, и я разглядывал лес со своей стороны, а она – с правого борта. Мы пролетели километров тридцать, когда Анна покачала головой: я понял, что мы забрались слишком далеко, развернулся и пошел назад, и тут сделал то, что следовало, конечно, сделать сразу: включил анализатор и поставил его на металл. Мы пролетели примерно половину обратного пути, когда приборчик пикнул и экран его ожил.

Я стал поворачивать, и Анна зажмурилась: я заметил, что, пока мы летели по прямой, девушка была спокойна, но, как только я входил в вираж, она закрывала глаза: ей, видно, не нравилось, что поверхность внизу становилась на ребро.

Если бы не анализатор, мы не нашли бы этого места и за неделю. Меня подвела логика. Я представлял себе, что мы ищем, и невольно шарил глазами в поисках если не поляны, то хотя бы основательного вывала леса. Я забыл, что с тех пор прошли густые сотни лет, и деревья успели родиться и вырасти до немалых размеров. Так или иначе, анализатор показал максимум там, где деревья стояли, пожалуй, еще гуще, чем в других местах. Я снизился и еще раз прошел над этим местом, едва не ломая верхушки, и тут Анна не выдержала и сама схватила меня за руку:

– Не надо так... Мне страшно.

Я мысленно снова похвалил ее – на сей раз за откровенность. Если хочешь похвалить человека, повод всегда найдется – как, впрочем, и тогда, когда хочешь его выругать. Анализатор опять показал максимум в том же самом месте, и я понял, что надо садиться.

Понять, правда, было легче, чем выполнить. Протиснуть машину между деревьями, не повредив ее, было непросто – а может быть, и вообще невозможно. Я покружил над этим местом еще и все-таки решил не рисковать. Уве-Йорген, возможно, сел бы прямо здесь, и сел бы благополучно; просто удивительно, какое чувство машины и какая быстрота реакции были у него; я же немного увеличил радиус круга и, сделав еще два витка, нашел наконец местечко, на котором можно было приземлиться без особого риска.

Мы сели; я помедлил немного, озираясь сквозь поляроид купола. Кругом стояли деревья, вроде наших родных сосен, только иглы были подлиннее, росли пучками, изгибаясь под собственной тяжестью, и не только на ветках, но и на стволе, начиная метров с трех ниже стволы были просто покрыты корой, совсем такой, как у наших сосен. Лес выразительно пахнул; о нем не скажешь, что он благоухал, лес – не какая-нибудь клумба, он пахнул всерьез, глубоко и убедительно. Я постоял несколько секунд, глубоко дыша носом – в несколько приемов, как это в свое время рекомендовали йоги, а потом – медики. Анна тоже вылезла и остановилась подле меня. Лес как-то сразу пришелся ей впору, без всякой примерки; она выглядела в нем так же хорошо, как в комнате или возле катера, на фоне высокой травы, когда ее можно было снимать для рекламы наших катеров – если бы такая реклама требовалась. Я смотрел на Анну, и на миг мне захотелось, чтобы не было ни катера, ни тех обломков, которые нам вскоре предстояло увидеть, ни планеты, ни чокнутой звезды Даль, а был рюкзачок, свернутая палатка на двоих, пара надувных матрацев и совсем немного всякой походной мелочи и чтобы происходило это на Земле, где-нибудь в тех краях, где сосны растут на самом берегу моря. И чтобы мы с ней стояли вот так, перед тем как разбить здесь лагерь, наш первый лагерь, но не последний, ни в коем случае не последний.

– Анна, – сказал я ей. – Хорошо, правда?

Она кивнула.

Но мы были не на Земле, а на чем-то вроде пороховой бочки, и не время было настраиваться на лирику. Мы поняли это одновременно; вернее, я понял, а она почувствовала. Она отвела глаза, а я вздохнул, подошел к катеру, посмотрел на экран анализатора, засек направление, выключил прибор и защелкнул купол.

Идти надо было метров сто – сто двадцать. Мы тронулись, петляя между стволами. Я шел и думал: нос все-таки должен был бы возвышаться над деревьями – или все так глубоко ушло в грунт? О чем думала Анна, не знаю. Она шла серьезная и чуть грустная; мне захотелось, чтобы она улыбнулась, и я пробормотал внезапно пришедшую на ум песенку:

Три мудреца в одном тазу
Пустились по морю в грозу...

Она посмотрела на меня и нерешительно улыбнулась, и тут же едва не упала, споткнувшись о вылезший на божий свет корень. Я поддержал ее и отпустил не сразу, но она снова

взглянула – так, что я понял: никаких шуток не будет, дело серьезное; да я и не хотел шуток. Я стал думать о другом: в тазу на этот раз было не три, а целых восемь мудрецов, все как на подбор, мастера на все руки, на все ноги, на все головы. Но какое это имеет значение? «Будь попрочнее старый таз, длиннее был бы мой рассказ» – так пелось дальше в песенке; а что ожидало нас? Вдруг задним числом я разозлился, в общем, проблема выглядела элементарной: объяснить людям, что дела плохи, что надо драпать отсюда так, чтобы пятки сверкали, – и прикинуть, как им помочь. А на практике – Шувалов исчез, а без него мы можем придумать что-нибудь никуда не годное и совсем испортить дело, – а время идет, и работает оно не на нас, а на звезду, потому что мы играем на ее поле, и она ведет в счете. Может быть, конечно, Шувалова удастся разыскать быстро, но ведь это издалека планеты кажутся такими маленькими, что только сядь на нее – и все окажется как на ладони; но ведь даже на Земле прилететь в свой город еще не значит добраться до дома.

Вот так я размышлял – обо всем вообще и ни о чем в частности; тем временем мы прошли намеченные сто метров и еще двадцать, взобрались на густо поросший мощными деревьями, продолговатый бугорок, спустились с него и пошли дальше – и только тогда мои мысли переключились на настоящее время, я помянул черта и его бабушку, мы остановились и повернули назад.

Потому что холмик и был тем, что мы искали, – только я не сразу сообразил это. Глупо думать, что даже такая надежная штука, как звездолет, способна проторчать сотни лет вертикально – если даже ей удалось опуститься по всем правилам и если ей вообще положено стоять, а не принять на планете какое-то иное положение. Иные здания возвышаются по многу столетий, но за ними присматривают, а эта машина вряд ли долго пользовалась уходом: вернее всего, сразу же после посадки ее разгрузили, раздели до последнего, а то, что никак уж не могло пригодиться, бросили. В крайнем случае корпус какое-то время использовали под жилье, да и то вряд ли: трудно представить, что жизнь в нем была просторнее, чем в старой дизельной субмарине времен войны (когда я говорю о войне, то имею в виду ту, которую я пережил, а не те, которые знаешь по учебникам; у каждого человека есть своя война, если говорить о моих современниках – да будет светла их память). Нет, просидев столько лет в этих стенах (это ведь были еще релятивистские корабли!), люди наверняка захотели поскорее выбраться на неведомый, смутно представлявшийся им по легендам простор, размять ноги и сердца. Не совсем понятно было, впрочем, почему они финишировали в лесу, а не в степи; однако где сказано, что в те дни тут был лес? У леса хватило времени, чтобы подойти сюда потом, из любопытства: что, мол, там торчит такое? Так что никаких логических несообразностей тут вроде бы не было.

Мы с Анной обошли холм; где-то обязательно должен был обнаружиться путь вовнутрь. При первом обходе мы не нашли никакого лаза, во второй раз я стал повнимательнее приглядываться и вскоре нашел – чуть выше по склону, чем предполагал, – место, где трава была гуще и выше, ее явно подсадили, значит – в этом месте рыли. Я принялся за работу, снял дерн, руками счистил слой песка – к счастью, тонкий – и обнаружил дощатую крышку. Я поднатужился – приятно показать, что ты еще хоть куда, – приподнял крышку, откинул ее, и под ней, целиком в соответствии с моими проникательными умозаключениями, открылся темный ход.

– Ты стой здесь, – сказал я Анне, – карауль. Я погляжу, что там такое.

Я полез. Ход, сначала крутой, становился все более пологим, но идти можно было лишь согнувшись в три погибели. Я прошел метров десять и уперся в глухую стену. Сначала я решил, что тут завал, но потом постучал в стену ключом стартера – и уразумел, что наткнулся на металл.

Откровенно говоря, я был несколько разочарован. Я надеялся, что ход приведет меня к гостеприимно распахнутому люку, я войду и полажу по кораблю, подышу воздухом столетий... Но люка не было, да и внутри корабль, вернее всего, тоже был плотно набит землей: вряд ли герметичность его сохранилась, когда он лег плашмя. Здесь был глухой борт; теперь я внима-

тельно ощупал его кончиками пальцем и ощутил шершавый слой нагара. Более не оставалось сомнений: да, эта машина некогда спустилась сюда, продавив атмосферу, и на ней прибыли в окрестности веселой звезды Даль предки тех, кто живет на этой планете сейчас, – предки Анны в частности, и в числе этих предков был кто-то из прямых потомков Нуш (мне стало немного не по себе от этой мысли, обида и что-то вроде ревности зашевелились во мне: значит, она после моей смерти обзавелась семьей, а мое имя не значится в семейных хрониках – ну а чего иного, собственно, следовало ожидать?).

Я вылез из норы. Анна стояла там, где я ее оставил. На ее немой вопрос я ответил:

– Похоже, что мы нашли именно то.

– Я посмотрю, – решительно заявила она.

– Стоит ли? – усомнился я: ход мог обвалиться, мало ли...

Она даже не удостоила меня ответом и решительно спрыгнула.

Я постоял, оглядываясь. Никого не было, только наверху птицы изредка перепархивали с дерева на дерево. «Почему они не выставили охрану? – подумал я. – Или у них тут другая логика? Может, они так уверены в силе запрета?»

Нуш-Анна показалась в подкопе, я помог ей выбраться. Она тоже выглядела несколько разочарованной.

– Я не понимаю... – начала она.

– Все в порядке, – утешил я ее. – Именно то, что тут лежит, и прилетело со старой Земли.

И я величественно ткнул рукой в небеса.

– И на ней действительно прилетели люди? Ты точно знаешь?

– Совершенно точно. Так же, как и то, что именно от этих людей происходите все вы.

(Вот тут я ошибался, но тогда мне это было невдомек.)

– Не пойму только, – добавил я, – почему это скрывают от вас.

– Мы тоже не понимаем. Наверное, есть какая-то причина... А почему ты так уверен?

– Да видишь ли... мы ведь и сами прилетели тем же путем.

– Правда?

– Очень скоро ты в этом убедишься.

– Я верю, верю... Значит, ты – такой человек?

– Какой?

– Ну, от которого – люди?

– Знаешь, – сказал я, – давай сперва уточним терминологию. Я все-таки не понял, что к чему – люди, сосуды... Расскажи мне все по порядку – учитывая, что я не так молод и не так умен, чтобы схватывать на лету.

– Ну, не знаю... – нерешительно начала она.

И тут же умолкла. Потому что крикнула птица. Анна встрепелась. Я с удивлением следил за ней. Она вытянула губы и тоже попыталась изобразить птичий крик. Будь я птицей, я не поверил бы ей ни на три копейки – до такой степени это было непохоже. Хотя птицы, конечно, бывают такие, но вряд ли хоть одна из них, желая спеть что-то, шипит, тужится и в результате издает что-то вроде писка недоношенного цыпленка. Тем не менее она исполнила этот номер, но ни одна доверчивая птаха не отозвалась ей.

– Показалось, – печально сказала Анна. – Еще рано.

Я взглянул на часы. Очень быстро летело время на этой планете. У нас с Шуваловым был определенный срок, какой мы могли провести здесь, – в случае опоздания на корабле началась бы тревога. Я, откровенно говоря, надеялся, что в конце этого срока, вернувшись в точку посадки, найду там профессора: не верилось, что с ним стряслась беда. Но срок наступит еще через два часа. Значит, столько времени у меня еще было... Я сказал Анне:

– Ты очень красиво свистишь. Разрешаю тебе заниматься этим и в катере. Но если твои ребята не подойдут в ближайшие полчаса, то больше ждать мы не сможем: надо будет лететь.

Я ожидал, что она сразу же спросит куда. Анна этого не сделала, но сказала:

– Потерпи. Они вышли раньше нас, но идут пешком.

Ждать придется час, прикинул я и подумал, что и часа будет маловато, если только они не собираются проделать весь путь бегом; потом оказалось, что я недооценивал их. Час прошел; за это время я еще раз слазил к кораблю, начал было рыться вдоль борта, но решил, что это бесполезно, вылез, уселся и стал глядеть на Анну. Она бродила от дерева к дереву, время от времени срывала какой-нибудь листок, нюхала его и пробовала на вкус, а я любовался ею, стараясь, чтобы взгляд не был слишком тяжелым. Стоило немного расслабиться – и сразу начинало казаться, что это Земля, двадцатый век, и все очень, очень хорошо.

Но час истек, и я сказал, поднимаясь:

– Анна, а с ними ничего не могло случиться по дороге?

И как будто специально дожидаясь этого, из-за деревьев показались люди. Анна засмеялась и, мельком глянув на меня, пошла, почти побежала им навстречу. Я остался на месте и, глядя на них, попытался составить хотя бы приблизительное представление о людях, на которых мне теперь, вероятно, придется рассчитывать.

Они – пятеро мужчин и три девушки (не считая Анны – ее я как-то уже не причислял к ним) – были хорошо сложены, но не это бросалось в глаза прежде всего, а грациозность. Каждое движение их было красиво; у человека нашего времени оно выглядело бы слишком нарочитым, театральным, а у них получалось естественно, и сразу верилось, что иначе они и не умеют, и не должны. Это мне понравилось. И понравилась их одежда – мы в свое время ходили так на курортах в пору летних отпусков, но у них мне не удалось найти ни одного сочетания цветов, которое можно было бы назвать даже не безвкусным, но хотя бы сомнительным. Мой вкус, конечно, не эталон, но для меня самого он достаточно важен. Так что первое впечатление получилось благоприятным, и на душе у меня стало чуть легче.

Мы сидели возле катера и закусывали – то ли это был ранний обед, то ли очень поздний завтрак. В ход пошли припасы, взятые с корабля на случай, если мы с Шуваловым проголодаемся. Правда, с корабля нас уходило двое, а сейчас оказалось десять, – но, как ни странно, еды хватило: люди эти оказались умеренными в пище, а может, просто стеснялись. Я тоже поел немного – немного потому, что чем больше уходило времени, тем сильнее становилось беспокойство. Удерживало меня лишь то, что разговоры, которые начались, когда Анна нас познакомила, стоили затраченных на них минут.

Само знакомство произошло без особых недоразумений. Они сначала, насколько я слышал, выругали Анну за то, что она не дождалась их в городе. Оправдываясь вполголоса, она кивком указала на меня. Тут они соизволили взглянуть в мою сторону и, видимо, потребовали объяснений. Анна ответила – это я слышал ясно:

– Это мой человек.

Они, кажется, были не очень довольны, но разговоров на эту тему больше не было. Анна подвела их ко мне – я стоял, как император, принимающий послов, – и сказала:

– Покажи им.

– Пускай слазят сами и посмотрят, – сказал я. Потому что вовсе не считал себя хранителем фондов этого музея под открытым небом.

– Нет, не это. Покажи, на чем мы приехали сюда.

Я поколебался мгновение, но сообразил, что ничего дурного они катеру сделать просто не в состоянии: не такая это была машина.

– Ну, идемте.

Я кивнул Анне, чтобы шла вперед, пропустил остальных и замкнул колонну, чтобы сохранить известную свободу действий. Они облепили катер, как мухи бутерброд с вареньем, и сначала очень тихо гудели и восклицали что-то вроде «ох» и «ух». Потом один из них сказал:

– Да, это, конечно, не то что Уровень. Как ты это сделал?..

Тут, в общем, и начался разговор.

Говорить с этими ребятами – самому старшему не было и тридцати – оказалось очень забавно. Я почти сразу понял: им можно втолковать что угодно – они поверили бы всему на свете. Похоже, что вранье у них не было в ходу, не знаю только – у этих ребят или у народа вообще. Я назвал их народом, но как еще можно назвать их?

– ...Так в чем же дело, ребята? – спросил я, отвинчивая крышку термоса, в котором плескался кофе. – Почему вы бродите тут, вместо того чтобы заниматься общественно полезной деятельностью, и почему ваше начальство, как говорила Анна, не особенно поощряет эти ваши экспедиции? Объясните членораздельно.

Они стали объяснять, это было интересно, и никак нельзя было прервать разговор из-за того, что меня наверняка уже ждал Шувалов и ждали люди на корабле. «Потерпят немного, – подумал я, – потому что такой информации мы больше нигде не получим: наверняка, с точки зрения здешнего начальства, такой материал явно для белых выпусков, которые нам вряд ли одолжат почитать. Ладно, обождут».

Я слушал и одновременно систематизировал в мыслях информацию, приводил ее в порядок, в каком собирался изложить ее в дальнейшем остальным участникам нашей славной экспедиции. И получалось у меня примерно вот что.

Ребята были талантливые, все восемь (девять, считая и Анну). Я сразу понял, что это так, потому что всю жизнь любил именно талантливых людей, независимо от того, в какой области проявлялся их дар; и только талантливых подлецов не любил, а мне приходилось не только встречаться, но и работать с такими. Ребята были очень способные, и им страшно хотелось что-то сделать – талант как пар в котле: если не дать ему производить работу, он рано или поздно разнесет и котел, и все, что окажется вблизи. Вот этого-то выхода ребята и не получали.

– Да кто мешает? – допытывался я. – Родители? Школьные учителя? Начальник полиции?

– Есть закон о сохранении Уровня. Ты знаешь, что такое Уровень?

– Анна объяснила.

– Значит, жить можно только так, как сейчас. Не хуже. И не лучше.

– А вы живете плохо, и вам хочется, чтобы было лучше?

– Нам вовсе не плохо. Мы не бываем голодны. А когда-то, когда еще не было Уровня, люди голодали. Не хватало еды.

Что такое голод, я помнил. И порадовался за ребят.

– Значит, вы сыты. И одеты, я вижу... И учитесь?

– Учимся или учились... Но учат тоже всегда одному и тому же. Вот я окончил школу больше десяти лет назад, а он, – старший кивнул на самого зеленого паренька, – будет еще два года учиться. Но учили нас одному и тому же: и что делать, и как делать, и вообще, как жить. И его отца учили точно так же, и моего... Но, понимаешь... – Он задумался, словно бы колеблясь. – Мне трудно объяснить. Но у каждого из нас... у очень многих... есть такое чувство, как будто мы жили так не всегда, как будто когда-то, давно, было иначе, все было иначе. Нам с детства говорят, что это – ложное чувство, и, наверное, так оно и есть, потому что я очень хорошо знаю, что, когда он родился (снова последовал кивок в сторону паренька), все было точно так же, как сейчас, но вот он помнит, понимаешь – помнит, что было иначе. То же и со мной, и с каждым. Этого не было, но мы это помним. И одни из нас приглушают память и живут так, как надо по Уровню, а другие не могут: мы, например. Мы помним, но нам не разрешают вспоминать и говорить. А мы ищем. Ведь если что-то такое действительно было, то не может быть, чтобы не сохранилось ничего, никаких следов. Мы ищем и надеемся найти.

– И давно вы стали искать?

– По-моему, люди искали всегда. Но не находили.

– Искали, хотя им запрещалось?

– Раньше не запрещалось. Можно было искать везде, кроме тех мест, где быть вредно. Было одно такое место. Теперь прибавилось вот это, где мы сейчас. Здесь тоже нельзя искать.

– А что делали люди, когда поиски кончались ничем?

– Большинство, я говорил, возвращались к Уровню. Другие – их всегда было немного – покидали Уровень и уходили в лес. Не в этот лес – в другой, в дальний. Они и сейчас живут там, и их становится, говорят, все больше.

Я поразмыслил. Странно. Прогресс полностью перекрыт. Заблокирован. Никакого развития. И в то же время это не невежество. Это делается сознательно, намеренно, с расчетом. Почему?

– Как они живут там, в лесу?

– Говорят, что хуже нашего: у них там не хватает многого. Но все они верят, что это ненадолго. Верят, что быстро достигнут Уровня и обгонят его.

Господи, подумал я, бедная старая Земля, вечно ты повторяешься в своих в детях – даже на другом конце мироздания... Воистину, куда нам уйти от себя? Тут я невольно взглянул на Анну, но сразу же отвел глаза.

– Что же, – сказал я вслух, – тем, кто уходит от общепринятого, порой удается достичь совсем неплохих результатов. Так вы решили пробираться в лес? Или я не так понял?

– Сначала мы должны найти то, что от нас скрывают.

– Считайте, – сказал я, – что уже нашли.

– То, что лежит тут под землей?

– Да.

– Что там, ты знаешь?

– Знаю. Я объясню. Но сейчас у нас мало времени. Мне тоже очень хотелось бы побывать там, в лесу. Это просто необходимо.

Это и вправду было необходимо. То, что я услышал, говорило об одном: на планете, кроме этого общества, существовало еще и другое, в лесу; спасать надо было всех людей и, следовательно, договариваться надо было не только с этими, но и с теми. Вот уж воистину: чем дальше в лес, тем больше дров!

Я снова покосился на свой хронометр.

– Скажи еще вот что: какая разница между людьми от людей и людьми от бутылки... то есть от сосуда?

– Люди от людей... – повторил парень. – Понимаешь, те, кто защищает Уровень, говорят так: раз все люди рождаются в одном месте, в Сосуде, то они и должны существовать только в одном виде...

– Может быть только одно общество, – помог я.

– Ну да. В лесу, например, нет Сосуда, и там не должны рождаться люди. Поэтому там их никогда не будет столько, сколько в Уровне.

– Прости, – не понял я и опять невольно покосился на Анну (не хотелось при ней вести разговоры на эту тему). – Почему люди в лесу не могут рождаться нормально, как все?

– Но ведь все и рождаются в Сосуде! А в лесу его нет!

– А... разве детей не рожают женщины?

Они переглянулись. Я почувствовал, что Анна напряженно смотрит на меня.

– Понимаешь, – сказал уже другой парень, – память говорит нам, что так было. Мы чувствуем, что так должно быть. Но... у нас не так.

– Ты хочешь сказать... что у вас нет любви?

Он улыбнулся. Глянул на одну из девушек, и она улыбнулась тоже.

– Есть... Мы знаем, как могут рождаться дети. Люди – от людей. Но как только... как только ребенок начинает расти в ней... Считается, что это болезнь. Ну и от нее вылечивают.

Может быть, это и правда болезнь? Когда дети рождались в лесу, там, говорят, даже умирали. Думаешь, это неправда?

– Почему же, – хмуро сказал я. – Правда. Могли и умирать. И все же... Ладно, об этом мы еще потолкуем. – «Черт бы их взял, – подумал я про себя, – им и рожать не дают по-человечески, это уж совсем ни в какие ворота не лезет. Непонятно, но придется как-то понять. Но не сейчас. Время, время!..» – Но вот ты говорил «мой отец»...

– Конечно. Это тот, кто получил меня от Сосуда и вырастил. Но говори теперь ты.

Они, кажется, чего-то ждали от меня.

– Хорошо, что мы встретились, – сказал я. – Мои друзья и я – мы вам поможем во многом. Если и вы поможете нам. Сегодня нас прилетело двое. В городе, где мы встретились с Анной, – я не сдержался и не только посмотрел на нее, но и прикоснулся к ее плечу, – со мной был еще один друг. Он там исчез. Если я не встречу его на условленном месте, вам придется его найти. Это очень важно. С ним ничего не должно случиться. Вы знаете ваши порядки, знаете, что могло с ним произойти и где нужно его искать. Попробуйте как можно скорее выяснить хоть что-нибудь о нем. А мне тем временем придется отлучиться ненадолго – слетать к нашим.

Они тоже, вслед за мной, подняли глаза вверх и, кажется, не очень-то поняли, где там могут находиться мои друзья. Но ни один не выразил сомнений вслух.

– И снова встретимся здесь же... часов через шесть. Согласны?

– Сколько это – шесть часов?

Я прикинул: период обращения планеты вокруг оси был мне известен – двадцать шесть часов с минутами.

– Это когда солнце будет ниже верхушек деревьев.

– Хорошо. Мы узнаем и скажем тебе.

– А ты, Анна, поедешь со мной.

– Да, – сказала она легко, словно это было заранее ясно.

– Садись, – сказал я. Сел сам, помахал им рукой и включил стартер.

Гравифаг журчал, было слышно, как свистит за колпаком потревоженный воздух. Небо темнело по мере того, как мы все дальше врезались в него. Я проверил, правильно ли сидит Анна, включил страховку, сказал: «Ну, потерпи немного и не бойся» – и запустил маршевый.

Вот тут Анна, кажется, испугалась по-настоящему. Голубой огонь вспыхнул вокруг нас, за спиной зарождался ураган, фиолетовый след оставался позади. Нас прижало к спинкам. Впереди загорелись звезды. Нуш-Анна то закрывала, то снова открывала глаза, страх в ней боролся с любопытством. Вибрация прошла по катеру и затухла. Погасли язычки. Небо стало черным. Позади планета играла всеми цветами радуги. В южном ее полушарии я заметил циклон. Мы легли на орбиту. Теперь внизу был океан, кое-где острова виднелись в нем, как сор на паркете. Перегрузка исчезла, включился гравиген, возникла искусственная тяжесть. Я посмотрел на Анну. Она улыбнулась, оправляясь от страха.

Я отвел глаза, потому что впереди уже знакомо мигали огоньки корабля.

Глава девятая

До встречи с Аверовым оставалось двадцать минут. Это время было нужно Рыцарю, чтобы обдумать все трезво и окончательно.

Из центрального поста он ушел в свою каюту. Она была чуть меньше капитанской, но обладала теми же удобствами, только экранов и приборов в ней находилось не так много. Но в них Уве-Йорген сейчас не нуждался.

Он сел в кресло, вытянул длинные ноги и закрыл глаза. Он привык так расслабляться перед действиями, которые могут потребовать всех сил, всей воли, напряжения всех мыслей. Именно такое действие, видимо, предстояло ему в самом близком будущем.

Земля, думал Уве-Йорген. Земля. Что тебе Земля, пилот, не та, не твоя, а нынешняя, во многом непонятная и чуждая, где и памяти не сохранилось ни о тебе, ни о тех, кто некогда был твоими друзьями?

Но их прах и пепел там, подумал он. Там, а никак не здесь. И если человек должен хранить преданность чему-то – а воин должен хранить преданность, если он воин, а не ландскнехт, – то ты, Риттер, можешь быть предан только Земле и никому больше.

Пусть она – не обиталище, а лишь кладбище тех мыслей и тех целей, за которые ты сражался когда-то. Идеи оказались несостоятельными; сейчас ты понял это до конца.

Но – дóроги и могилы. И если нет ничего другого, надо хранить верность могилам. Верность до смерти, привычно подумал он на родном, немецком языке. Верность и преданность. Пусть мы были не правы, но так уж сложилась история планеты Земля, что там нашлось место и для нас. Борьба за сохранение Земли – это борьба и за сохранение памяти о нас, какими бы мы ни были.

Земля. И твой корабль. Ты предан ему, как бывает предан солдат своему полку, своим командирам, и своим подчиненным, и своей боевой машине. Твой корабль – часть Земли, она снарядила его и послала, она положила твои руки на его штурвал. Верность кораблю есть тоже верность Земле, как верность знамени равнозначна верности государству.

А если так, то ты должен сделать все, чтобы в заочной схватке Земли и вот этой планеты Даль-2 безоговорочно победила Земля. Даже если ради этого придется пожертвовать этой планетой со всем, что находится на ней и в ней.

Конечно, если бы был другой выход, ты избрал бы его. Солдат не садист и не палач. Он просто не боится крови, когда путь к победе ведет через кровь. А сейчас другого выхода нет. Незачем терять время, перебирая варианты спасения хотя бы людей земли Даль. Незачем, потому что такого способа нет, это ясно с первого же взгляда. И надо действовать, не произнося лицемерных слов о гуманизме и прочем. Земля должна существовать – вот гуманизм. Любой ценой должна.

Сейчас, когда на борту нет ни Ульдемира, ни Шувалова, капитаном является он, Уве-Йорген. Ему подчиняется экипаж. Но начальник экспедиции в этой ситуации – Аверов. Надо добиться его согласия на решительные и безотлагательные действия.

Убедить доктора будет нелегко. Мир Аверова не знает войн. Ученый боится крови, она претит ему. Он и его современники считают, что человек должен жить уже лишь потому, что он человек. А мы считали, что человек заслуживает жизни только в том случае, если он действительно человек. Человек – это тот, кто силен. Сейчас сильными должны оказаться мы. От этих, местных, нам ничего не нужно. Но если они мешают жить нам, то пусть гибнут.

Аверов этого не поймет. Он будет метаться, медлить. И дотянет до того момента, когда поздно будет что-то предпринять, и погибнут все. Или до момента, когда на корабль вернутся капитан и доктор Шувалов; хотя, судя по молчанию катера, там у них возникли какие-то осложнения.

У Аверова есть своя сила и своя слабость. Можно использовать и то и другое. Но прежде чем приступить к разговору с ним, надо еще раз вдохнуть родной воздух и дать глазам отдохнуть, полюбовавшись родным и привычным. Там, где проходили лучшие годы жизни. Тем, что и теперь видится ночью в тревожных солдатских снах...

Уве-Йорген открыл глаза и поднялся. Подошел к дверке, ведущей в Сад памяти. Распахнул ее. В каюте не было посторонних, и нечего было опасаться, что кто-то заглянет и увидит.

Перед ним открылась обширная поляна. Действительно, мельком подумал он, неплохое место для схватки мчавшихся навстречу друг другу рыцарей, закованных в панцири, с опущенными забралами и тяжелыми копьями наперевес.

Но рыцарей не было, и не было копий. Солнце стояло на закате, дул легкий ветерок, и пахло вянувшей травой. Машины стояли под маскировочными сетями, а в небе Фогельзанг,

круто снизившись и задирая нос, шел на посадку. Уве-Йорген остановился подле своего «мессершмитта», и смотрел, как садится лейтенант Фогельзанг, и поглаживал ладонью зеленый дюраль, теплый на ощупь.

– Смотри, Уве, – сказал он сам себе. – Смотри, это та Земля, за которую ты готов драться в очередной раз, пилот.

Аверов расхаживал по салону, и шаги его с каждой минутой становились все стремительнее, словно он должен был куда-то успеть, добежать вовремя. Впрочем, скорее он просто убегал – убегал от мыслей, а они все догоняли и догоняли его, настигали, спрашивали, приходилось искать и находить ответы, и с каждым разом это становилось все труднее.

«Шувалова с капитаном все нет, – говорили мысли. – Значит, планета встретила их недоброжелательно. Контакт оказался невозможен – или привел к плохим результатам. Да ведь так оно и должно было быть».

«Нет-нет, – отвечал своим мыслям Аверов. – Еще ничего не случилось. Срок не истек. Правда, самый крайний – но все же срок. И еще не пришло время принимать решения».

«Когда же наступит это время? – спрашивали мысли. – Где та грань? Та минута, когда уже необходимо будет решиться?»

Но если никто не вернется с планеты своевременно, это еще не будет означать, что планы эвакуации рухнули. Наоборот: контакт мог оказаться столь плодотворным, что Шувалов и капитан сейчас ведут конкретные переговоры, чтобы вернуться на корабль с уже готовой диспозицией. Надо ждать, ждать.

Ну а если вы так и не дождетесь и ты встанешь перед необходимостью решать: чем пожертвовать? Если окажется, что без жертв не обойтись? Ты не привык действовать, потому что вы создали для себя такой мир, в котором понятие жертвы перестало существовать. И не подумали как следует о том, что, покидая свой мир, вы оставляете позади и его благоустроенность, и его законы. Что они, эти законы, вовсе не носят вселенского характера. Что жизнь каждого не везде и не всегда священна. Что не везде и не всегда все – свои, что случается так: есть свои – и есть чужие.

Конечно, лучше всего было бы вообще не думать об этом. Если бы опасность не грозила Земле! Если бы предотвратить опасность можно было каким-то другим способом, не нарушающим интересов здешнего мира...

Но такого способа, видимо, не существует.

Надо мыслить логически. Каковы исходные пункты?

Земля, ее человечество должны быть спасены. И именно нами.

Можно ли опровергнуть эту посылку? Нет, она истинна.

Второе положение: человечество Даль-2 тоже должно быть спасено. Это тоже постулат?

Хорошо бы... Но две эти посылки могут оказаться противоречивыми. И вторую правильнее сформулировать так: человечество Даль должно быть спасено, если это не помешает спасению Земли. Если.

Но это значит, что человечеству Земли оказывается предпочтение. Иными словами – признается, что оно чем-то лучше этого, здешнего. Что же – мы так и не можем переступить через это ощущение «своего»? Или и не должны через него переступать? А если вывернуть условия задачи наизнанку, получится вот что: если спасение обоих человечеств невозможно, должно ли в таком случае погибнуть одно из них или оба? Нет, погоди, тут ошибка. Эти человечества уже по определению неравноправны. Здешнее гибнет в любом случае: взорвется ли звезда или будет погашена. А наше, земное, – лишь в случае взрыва. Следовательно, тут вовсе и не я решаю: решают цифры. Решают сами условия задачи.

«Наверное... – подумал Аверов, – наверное, я чувствовал бы себя куда лучше, если бы установка, инструмент, при помощи которого и будет решаться вся проблема, была рассчитана,

сконструирована и построена под руководством другого человека. Но это моя установка. Она убьет (какое страшное слово!) кого-то. Но ведь и спасет, спасет гораздо больше людей!

И потом – почему, собственно, я сам должен решать все это?

Мы, современные люди, отягощены массой идей, мешающих принимать подобные решения. Но случайно ли мы полетели именно с таким экипажем? То, что тогда говорилось, – это, надо полагать, лишь половина причин. Другая же заключается в том, что эти люди, люди прошлого, мыслят прямее и конструктивнее. И их не смущает...»

Он взглянул на часы и заторопился: пора было идти и обсудить положение с Уве-Йореном.

Может быть, у пилота есть правильное, логичное решение?

И не придется принимать ответственность на одного себя?..

В комнате были гладко оштукатуренные стены, такой же потолок, пол из хорошо оструганных, плотно пригнанных досок. В одной стене, под самым потолком, – длинная, узкая щель, видимо, для вентиляции. В потолке – квадратное окошко, через которое проникал свет. Матрац на полу: большой мешок, набитый чем-то мягким. Больше ничего.

Шувалов сложил матрац втрое, чтобы сесть на него, но потом раздумал садиться и стал расхаживать по комнате. Привычно сунул руку в карман за компиблоком, но не обнаружил ни блока, ни кармана. Фыркнул: переделали!.. Белье, к счастью, оставили. Это все мелочи. Плохо, что затягивается контакт – тот самый, на высшем уровне, на котором только можно решить все проблемы. Для Шувалова решение могло быть лишь одним: будут спасены все, никто не погибнет. Как? Он не знал. Ум человеческий изворотлив. Люди сделают все возможное и невозможное. Нужна, конечно, информация. Значительно больше, чем имеется ее сейчас. Информация о здешнем человечестве, об уровне цивилизации, о возможностях, резервах...

Потому что решения могут быть разными. Допустим, эвакуация, как радикальное средство, откладывается по техническим причинам: неизвестно, сколько понадобится кораблей и времени на их строительство и обучение экипажей. Может быть, действительно придется уйти под землю. Там тепло сохранится дольше, чем на поверхности, когда звезда начнет гаснуть. Доставить с Земли небольшие силовые установки для обогрева, снабжения воздухом. Наверное, возникнут и другие проекты. Нужно только знать: на что эта цивилизация способна? Сколько их? Какова техника? А главное – так ли они уже развиты, чтобы понять весь ужас грядущей катастрофы.

Шувалов все-таки уселся на матрац, устроился поудобнее, непривычная обстановка больше не мешала ему думать. Итак, как же может выглядеть эта цивилизация?.. Не такое уж, кстати, лестное наименование, подумал Шувалов, усмехаясь. Происходит оно от слова «город», а с этими городами в прошлом, как уверяют историки, было немало возни. Люди сами чуть не отравили себя продуктами своей деятельности – нечто вроде внутренней интоксикации. Можно, конечно, назвать то, что существует здесь, не цивилизацией, а культурой. Так будет лучше.

Культура. Потомки некогда прилетевших сюда землян в известной степени регрессировали – до самого примитивного звездоплавания им очень и очень далеко... Регресс этот был неизбежен, но мог выразиться в различных конкретных формах. В конечном итоге все зависит от уровня производительных сил. Что же находилось в распоряжении прилетевших сюда людей?

Начать с источников энергии. На корабле можно было, конечно, привезти и затем смонтировать тут ядерную энергетическую установку. Можно было привезти и некоторое количество топлива. Но рано или поздно оно должно было кончиться – его не могло хватить даже не столетие. А дальше? Наладить добычу ядерного топлива здесь наверняка невозможно: не руками же копать, даже если руды найдены, а накопав – как обрабатывать их дальше? Уязви-

мость технических цивилизаций в том, что из них, как из сложной машины, нельзя вынуть какие-то детали так, чтобы остальные работали как ни в чем не бывало. Добыча любого топлива, кроме дров, – это и минералоразведка, и машиностроение, и транспорт, в свою очередь – металлургия, а она упирается в горнорудную промышленность, которая, в свою очередь, зависит от энергетики и металлообработки... Это только одна ниточка из многих, из которых сплетается кружево технической цивилизации. На Земле такая цивилизация все-таки ухитрилась возникнуть, но нельзя забывать – какой ценой! Века рабства, века страшного угнетения, о котором мы давно уже забыли, века, когда людская жизнь стоила меньше, чем ничего...

Почему же здесь нет следов чего-либо подобного? Видимо, потому, что на планету высадились люди, воспитанные обществом с достаточно высоким моральным уровнем. И, заранее представляя, вероятно, все технические и хозяйственные трудности, они вряд ли собирались опуститься, скажем, до уровня рабовладельческого общества.

Какой из известных на Земле социально-экономических формаций соответствует их технический уровень? Судя по тому, что Шувалов до сих пор видел, обработка металлов находится тут вовсе не на таком бедственном уровне. Доски пола обструганы – значит применяется обработанное железо. Или то, во что нарядили Шувалова: ткань из растительного волокна, но, безусловно, фабричного производства. Пожалуй, на Земле в античную эпоху умели меньше.

Но главное, видимо, заключается, думал Шувалов дальше, в том, что, обладая ограниченными техническими, а следовательно, и экономическими возможностями, люди старались сохранить какой-то определенный социальный уровень, который в принципе соответствовал бы их унаследованным от Земли воззрениям. И что-то они, вероятно, нашли. Об их успехе можно судить хотя бы по их отношению к каждому отдельному человеку. По тому, каково отношение общества к личности, можно с уверенностью судить о достоинствах и пороках самого общества. Но вот он, Шувалов, сидит здесь – хотя и в заточении, но живой и здоровый. Невзирая на всю его неоспоримую (с их точки зрения) вину, его не потащили на костер, не забросали камнями, да и не ударили ни разу, даже не были грубыми. Они кажутся довольно симпатичными людьми и своим поведением вряд ли сильно отличаются от жителей современной Земли. Тот же судья хотя бы: он ведь был явно доброжелателен. Конечно, о нем можно сказать и то, что человек он ограниченный и недалекий; это если считать, что ограниченным является всякий, кто не умеет, скажем, решать системы уравнений определенной сложности. Но надо смотреть шире. Приобрести знания куда легче, чем изменить свое отношение к жизни, к людям, к обществу. И если взгляды людей, населяющих планету, на жизнь совпадут со взглядами Шувалова и его спутников, то можно будет считать, что основа для взаимопонимания есть.

На такую удачу пока можно лишь надеяться, доказательств никаких нет. Чтобы получить их, нужно как можно больше общаться с людьми, составить точное представление об уровне их развития, психологии, круге интересов. Разговаривать, спорить, доказывать свою правоту.

Но как осуществить это, если он, Шувалов, заперт в комнате и о нем, кажется, забыли?

Судья на самом деле вовсе не забыл о нем; напротив, очень хорошо помнил. После того как странного человека увели, чтобы везти к докторам, судья провел немало времени, так и этак разглядывая оставшиеся в его распоряжении необычные предметы – одежду и все, что находилось в ее карманах.

Судья не находил никакого удовольствия в том, чтобы причинять людям неприятности. Но его обязанность была следить за соблюдением закона и пресекать его нарушения, как и какими средствами – об этом достаточно хорошо позаботился сам закон. Для судьи главным было самому поверить, что закон был действительно нарушен, и установить – сознательно нарушен или без умысла; впрочем, никто не мог отговариваться незнанием закона. И теперь, разглядывая, ощупывая и даже обнюхивая лежавшие на столе вещи, судья искренне пытался понять, с кем же его столкнула судьба.

То был такой же человек, как все. И тем не менее все в нем, начиная с одежды и кончая разговорами, было чужим – непонятым и немного тревожным. Судья не мог понять, в чем заключалась угроза, о которой говорил Шувалов; но даже одно упоминание об угрозе настораживает и заставляет волноваться, тем более если характер ее остается загадочным. Поскольку, однако, почти каждый человек в глубине души уверен, что все наблюдаемые им явления он может объяснить исходя из того, что ему известно, судья старался дать всему непонятному понятные объяснения, оперируя теми представлениями, которыми он обладал.

Он знал, что вещи, оставшиеся у него, не были и не могли быть изготовлены ни в их городе и ни в одном из других городов; все, что в них изготовлялось, было давно и хорошо известно, потому что не менялось в течение многих десятилетий. Значит, вещи были сделаны где-то в другом месте.

Где же? Судье не пришла в голову мысль о пришельцах из другого мира, другой планеты, потому что ни одному нормальному человеку такая мысль прийти в голову не может, если только человек всем ходом событий заранее не подготовлен к ее восприятию. А судью и его сограждан еще в школе учили, что мир их является единственным обитаемым. Правда, космогония их не была ни гео-, ни гелиоцентрической и в общих чертах соответствовала истине, но астрономия вообще популярной не была. Люди глядели на солнце – этого им хватало! Вопрос обитаемости других миров не может возникнуть сам собой; он встает (если не говорить о единичных умах, опережающих эпоху), лишь когда общество, поднявшись на ноги, начинает оглядываться по сторонам в поисках собеседника, когда у него накапливается то, что оно хотело бы поведать кому-то другому. Но у того общества, в котором жил и действовал судья, такой потребности еще не возникло, а благодаря некоторым его особенностям могло и вообще никогда не возникнуть.

Итак, мысль о пришельцах благополучно миновала судью, и осталось лишь выбрать между двумя возможностями: неизвестный пришел из каких-то областей, о которых судья знал, или, напротив, он явился из краев, о которых судья до сих пор ничего не знал, но в которых, как могло оказаться, тоже обитали люди.

То, что незнакомец разговаривал на одном с ним языке, судью не смутило. В известном ему мире всегда существовал только один язык, и ни ему, ни его согражданам даже не приходило в голову, что на свете могут существовать и другие наречия. Наоборот, судью несколько озадачило, что задержанный, объясняясь понятно, говорил все же не совсем так, как судья, и, кроме того, нередко употреблял слова, которых судья никогда не слышал. Это, казалось, могло заставить судью поверить, что человек явился из каких-то неведомых краев. Однако, если бы даже такие края существовали, человек вряд ли мог прийти оттуда пешком, на пешехода он нимало не походил, а никаких средств передвижения, которыми он мог бы воспользоваться, обнаружено не было, хотя судья специально приказал возчикам еще раз все тщательно осмотреть в том городе, куда им все равно надо было вернуться за грузом. Возчики на этот раз обнаружили там следы нескольких человек, ушедших в запретном направлении, но ни лошадей, ни возка не нашли. По воде незванный гость прибыть не мог, потому что река протекала совсем в другой стороне. И оставалось лишь думать, что в действительности он явился из каких-то недалеких мест.

Таким местом мог быть только лес.

Раньше лес был спокойным. Туда ходили или ездили охотиться и собирать ягоды и грибы. Но с недавних пор лес перестал быть удобным местом добычи и отдыха. Всякие неполноценные субъекты, именовавшие себя «людьми от людей», стали уходить туда совсем, и значительную часть их не удалось вернуть. Люди эти были известны как нарушители Уровня – делами или, во всяком случае, помыслами. И можно было себе представить, что, оказавшись там, где некому было следить за Уровнем, они принялись творить бесчинства, нарушать Уровень и мастерить разные штуки, которые в Уровень не входили.

Судье было чуждо представление о технологии, о степени сложности многих из тех вещей, что лежали сейчас у него на столе, и о том уровне науки и техники, какой требовался, чтобы изготовить даже самые простые из них. Поэтому ему было нетрудно предположить, что за те год-два, пока происходила незаконная миграция в лес, люди, обосновавшиеся там, сумели изготовить все эти предметы. Зачем? Для того чтобы нарушить Уровень. Всякое запретное действие порой совершают не потому, что очень понадобился его результат, но лишь для того, чтобы нарушить запрет и тем самым доказать свою независимость и незаурядность: это судья хорошо знал. Итак, путем логических рассуждений он пришел к двум выводам: прежде всего человек, сидевший сейчас под замком, явился из леса, причем явился вызываяще, не скрывая того, что является нарушителем Уровня. И затем – что лесные люди очень уж обнаглели и к добру это не приведет.

Человека из леса можно было своей властью осудить и послать на работу туда, где в Горячих песках люди воздвигали высокие башни и зачем-то развешивали между ними медные веревки. Там он работал бы, как и все, это не было каторгой, однако работать там приходилось столько, что нарушать Уровень просто не оставалось времени. Но можно было и отослать Шувалова вместе с его вещами в столицу, чтобы судьбу его решили сами Хранители Уровня. В том и другом были свои привлекательные и свои непривлекательные стороны. Если наказать его самому, то могло получиться, что, получив странные вещи, Хранители захотят увидеть и преступника – что ни говори, а все дело выглядело не очень-то обычным. Если человек окажется уже в Горячих песках, то Хранителям придется ждать слишком долго – и как бы это не обернулось против самого судьи. Значит, отправлять незнакомца строить башни вроде бы не следовало. Однако, с другой стороны, если он, судья, сразу отошлет преступника вместе с его пожитками в столицу, там могут сказать: неужели судья сам не мог разобраться в том, какое наказание полагается за такое нарушение закона?

И еще – та угроза, о которой говорил схваченный. Может быть, в этом кроется что-то серьезное, а может быть, и нет: просто плохо воспитан, вот и угрожает. Опять-таки спросят: кого ты к нам шлешь?

И вот выходило, что самое лучшее, как ни прикидывай, – это засунуть незнакомца к докторам, а тех предупредить, чтобы безо всякой спешки, тщательно проверили бы: спятил он или нет. Вещи его будут без промедления отосланы в столицу. Если оттуда потребуют преступника, то сделайте одолжение: вот он! Взять из больницы и отправить. А если просто интересуются – что там с задержанным, – очень просто ответить: находится у врачей на проверке, как только она закончится – сразу поступим по всей строгости закона. Нет, мудро это было сделано, просто-таки мудро.

Пусть поживет у врачей недельку-другую. Иной раз можно будет и заглянуть к нему: вдруг сболтнет что-нибудь интересное. Судья тоже человек и не лишен любопытства. Интересно все же: как ухитряются люди жить там, в лесу?

А тем временем как раз станет ясно, как с ним поступить. Неделя-другая – не срок. Списать некуда. Жизнь долга.

Судья вытер лоб. Устал. И то – такие каверзы жизнь подсовывает не каждый день. Вообще-то, жизнь тут спокойная. Вот день прошел и – домой. Вещички эти – под замок. И так не возьмет никто, но таков порядок: все, что касается суда, полагается держать под замком. Таков закон. А закон надо исполнять.

Судья осторожно поднял одежду. Легкая, ничего не весит. Руке от нее тепло. И вроде бы чуть покалывает. Чего только не придумают люди. А зачем, спрашивается? И без того хорошо.

Он спрятал одежду и все остальное в тумбу стола, замкнул. Выглянул из окна. Люди выходили из домов, шли к черным ящикам: глядеть на солнце. Ему-то судье, не нужно: он вышел из этих лет. А два года назад еще смотрел. Когда был помоложе. Сейчас силы не те.

Ну, все вроде?

Судья совсем собрался уходить. И как назло, принесло гонца из столицы. Ввалился весь в пыли. Протянул пакет.

Судья прочитал. Поморщился недовольно.

К чему бы это? Завтра с утра каждого десятого – в лес? Туда, где бывать запрещено? С лопатами и с оружием. Что надо делать – укажут там, на месте.

Судья рассердился. Полоть надо, а тут каждого десятого. Но вслух сказал гонцу лишь:

– Скажешь – вручил. Иди – поешь, отдохни.

И сам двинулся обходить дома, оповещать насчет завтрашнего утра.

Солдаты чаще всего оказываются плохими дипломатами. Рыцаря утешало лишь то, что и ученые, как правило, не выделялись особыми талантами в этой области. Во всяком случае, в его эпоху.

Аверова он встретил торжественно, ни один специалист по дипломатическому протоколу не смог бы придраться. На столе дымился кофе. Рыцарь внимательно посмотрел в глаза Аверова и остался доволен.

– Итак, доктор, назначенный срок прошел, но наши не вернулись. Надеюсь, конечно, что мы еще увидим их живыми и здоровыми. Но до тех пор мы будем вынуждены по-прежнему нести бремя руководства.

Аверов кивнул.

– Прошу простить меня, но я – воин и буду говорить с присущей солдатам откровенностью. Времени у нас мало, и оно не позволяет нам бродить вокруг да около. Надо не только решить, что делать, но и немедленно перейти к этим действиям. Вы согласны?

Аверов не сразу ответил:

– Да.

Уве-Йорген владел разговором. Он формулировал вопросы, и собеседнику оставалось лишь отвечать. А ответ в немалой степени зависит от того, как поставлен вопрос, в какие слова он облечен. Это пилот знал, это он и использовал. Аверову оставались лишь немногословные ответы. Наедине с собой он уже пережил все, понимал, к чему неизбежно приведет разговор, и был лишь благодарен пилоту за то, что не он, Аверов, а Рыцарь говорит все грозное и страшное, ему же оставалось лишь соглашаться.

– Мы с вами уже пришли к выводу, что эвакуация местного населения практически невозможна и размышления о его судьбе не должны более влиять на наши действия.

Тут была возможность возразить, и Аверов ухватился за нее:

– Обождите, Уве-Йорген. Мы с вами судим, исходя из того, что известно нам. Но вовсе не исключено, что наши коллеги, возвратившись, привезут какую-нибудь информацию, которая заставит нас в корне пересмотреть...

– Если они вернутся.

– А если не вернутся, – вдруг, неожиданно для самого себя, крикнул Аверов, – то надо их найти! Или вы, пилот, собираетесь бросить друзей на произвол судьбы? Вот этого я уж никак не позволю!

Рыцарь после паузы промолвил:

– А звезда что – раздумала взрываться?

– Нет, разумеется. И тем не менее...

– Что же изменилось, доктор?

– Ну неужели вы... Какое жуткое хладнокровие, пилот! И вы можете быть так спокойны?

Рыцарь невесело усмехнулся.

– Я привык терять товарищей, доктор. К сожалению...

– О, эти ваши безжалостные времена! Но я не желаю привыкать к таким вещам!

– Мы тоже не желали – нас не спрашивали. Но не станем спорить об отвлеченных материях. У вас есть план, как их найти?

– Лететь к планете на большом катере.

– И кто же полетит?

– То есть как – кто?

– Если бы речь шла только о наших товарищах, я и не подумал бы возражать вам. Но если мы начнем поиски сейчас – сколько они продлятся? Где гарантия, что мы не потеряем и других? Но кто же тогда погасит звезду и спасет Землю? Кто спасет ваше человечество? Не забудьте: моя Земля давно кончилась, мы – как те кистеперые рыбы, что нечаянно дожили до поздних времен, хотя все их родичи давно превратились в лучшем случае в окаменелости. Это ваш мир, доктор. И вы должны понять, что важнее: миллиарды – там или двое наших друзей – здесь? Что говорят вам ваши представления о гуманности?

– Они говорят, что нельзя оставлять людей на верную гибель.

– Да почему, кто вам сказал о верной гибели? Ведь в момент, когда мы расстреляем эту звезду, она не погаснет, судя по тому, что вы говорили раньше. Она постепенно начнет угасать, только и всего. И вот тогда, зная, что главное сделано и что время у нас еще есть, – взрыв предотвращен, – мы сможем всерьез заняться поисками наших товарищей – и мы найдем их. А сейчас – кто стал бы заниматься этими поисками вслепую? Я необходим на корабле как лицо, заменяющее капитана и как квалифицированный пилот. Мой товарищ Питек – прекрасный пилот, но порой чересчур эмоционален, и ему в одиночку нельзя доверить машину. Но не стану отнимать ваше время: коротко говоря, мне нужен каждый член экипажа, и, следовательно, я больше не выпущу на планету ни одного человека до тех пор, пока основная задача экспедиции не будет выполнена.

– Но ведь все равно мы ничего не можем начать немедленно! Не забудьте: установка была законсервирована в момент, когда мы увидели планету. Батареи...

– На все это хватит двух суток, если приступить немедленно. И я думаю, что вы приступите к работе именно немедленно. А за двое суток вопрос с нашими друзьями может проясниться окончательно.

– Почему за двое суток?

– В мое время, – Уве-Йорген усмехнулся, приподняв один уголок рта, как обычно, – если рыцарь через двое суток не возвращался на свою базу, мы считали его погибшим. И редко ошибались.

– И вы так спокойно...

– Да перестаньте! Не думаете же вы всерьез, что гибель людей доставляет мне удовольствие! Были, конечно, и такие, но всех оболванить он не успел со всей его сворой...

– Кто? – машинально спросил Аверов.

– Король Джон Безземельный, если это вас устраивает. Ну что же, будем считать, что мы договорились. И, откровенно говоря, на вашем месте я бы гордился...

– Гордились бы – чем?

Но пилот не ответил. Он напряженно глядел в экран. Шагнул в сторону, переключил локатор. Поднял глаза. Медленно улыбнулся:

– Поздравляю вас, доктор. Кажется, мы жгли порох впустую.

– Что это значит? – дрогнувшим голосом спросил Аверов.

– Если туземцы еще не обзавелись своими космическими устройствами, то приближающееся к нам тело может быть только нашим катером. И не пройдет и четверти часа, как вы сможете поплакать на плече своего руководства.

Аверов был так рад, что и не подумал обижаться.

Глава десятая

– Рад приветствовать вас на борту, капитан, – сказал мне Уве-Йорген и шелкнул каблуками. Мне показалось, что он сказал это искренне. Я вылез из катера; Рыцарь ждал, потом его брови прыгнули вверх; однако он на удивление быстро справился с изумлением и кинулся вперед – помочь, но я опередил его.

– Здравствуйте, юная дама, – поклонился он. – Какая приятная неожиданность... Я очень, очень рад – если это только не сон.

Анна стояла рядом со мной и глядела на Рыцаря, а он снова перевел взгляд на катер, но никто больше не вышел, и он взглянул на меня, и улыбка его погасла.

– Вас только двое?

– Да, – сказал я невесело и, чтобы поскорее завершить неизбежный церемониал, продолжил: – Знакомьтесь.

– Уве-Йорген, Риттер фон Экк, первый пилот этого корабля. Имею честь... Что же случилось, Ульдемир?

– Объясню подробно, но не сию минуту. Анна...

Она с любопытством осматривалась; теперь она повернулась ко мне.

– Сейчас я провожу тебя в мою каюту. Примешь ванну, пообедаешь. А мы тем временем поговорим с товарищами.

– Нас будут ждать в лесу, ты не забыл?

Я мысленно сказал ей «браво!»: на лице Анны не было ни тени смущения, ничего на тему «как это выглядит», «что могут подумать» и так далее. И незнакомая обстановка, видимо, не тяготила ее, и чужой человек тоже.

– Как ты могла подумать! Ну пойдем. Через четверть часа в центральном посту, Уве. И пригласите, пожалуйста, доктора Аверова.

– Непременно.

Голос пилота был деловитым, и в нем более не чувствовалось удивления.

– Очень странный человек.

У меня были по этому поводу свои соображения, но я все же спросил:

– Кто, Анна? Уве-Йорген?

– От него так и тянет холодом.

– Он очень сдержанный человек. Так он воспитан. Подробнее я расскажу тебе как-нибудь потом. Как ты себя чувствуешь?

– Тут уютно. Хотя... сразу чувствуется, что живет мужчина. – Она обошла каюту, всматриваясь в детали обстановки. – Очень много незнакомых вещей, я не знаю, для чего они...

– Договоримся: я покажу тебе, что можно трогать и чего нельзя. Иди сюда. Вот ванна... Да где ты?

– Сейчас... – отозвалась она изменившимся голосом. – Уль... Подойди на минуту. Кто это?

В каюте на столе стоял портрет в рамке. Не фотография, но рисунок по памяти с той фотографии, что была у меня когда-то: Нуш в черном вечернем платье сидела на стуле, уронив руки на колени, и глядела в объектив, чуть склонив голову. Сам снимок остался там, в двадцатом.

– Кто это? – повторила она полупшепотом.

– Не узнаешь?

– Это... это ведь я?

– Это ты.

– Ты... знал обо мне раньше?

– Знал. Только не надеялся, что мы встретимся.

– И ты прилетел сюда из-за меня?

– Да, – сказал я, не кривя душой; я ведь и на самом деле оказался тут из-за нее – надо только вспомнить, что она была для меня одной, та и эта, вопреки рассудку и логике. – Из-за тебя. И за тобой.

– Уль...

Мы замолчали. Воздух в каюте сгустился и был полон электричества, так что мы не удивились бы, ударь сейчас молния. Лампы сияли по-прежнему ярко, но мне показалось, что стоят сумерки; я был уже в том состоянии духа, когда видишь не то, что есть, а то, что хочешь видеть, когда созданный тобою мир становится реальным и окружает тебя. Наверное, и с ней было то же. Я шагнул и нашел ее почти на ощупь. Меня шатало от ударов сердца. Ее ладони легли мне на плечи. Но хронометр коротко прогудел четверть, и лампы снова вспыхнули донельзя ярко, и мне пришлось зажмурить глаза от их режущего света.

Я медленно опустил руки, и она тоже.

– Уль... – снова сказала она, и я побоялся думать о том, что было в ее голосе.

– Время, – сказал я беззвучно: голос отказал. Я кашлянул. – Значит, выкупайся, потом отдохни перед обедом. Полежи вот здесь. Ты устала. Боюсь, что наш разговор с товарищами затянется.

Совещание, подумал я. Проклятое изобретение давних времен: от работы, от отдыха, от любимой женщины, от друзей, живой или мертвый – поднимайся и иди на совещание, проклятый сын своего века, своей эпохи...

Анна отступила на шаг, что-то блеснуло в ее глазах и погасло.

– Ты обиделась?

– О, что ты, нет.

Это была ложь. Только мне лгала она сейчас или себе тоже?

– Обиделась. Но сейчас нельзя иначе; слишком важные дела...

А кому сейчас лгал я?

– Да, конечно, нельзя...

– Пойми.

– Я понимаю. Иди...

– ...Такова ситуация на планете. Как видите, все очень не просто.

Я смотрел на Аверова, полагая, что он продолжит разговор, но заговорил, неожиданно для меня, Уве-Йорген.

– Ульдемир, а не сможет ли ситуация оказаться еще сложнее?

– Объясни, что ты имеешь в виду.

– Может быть, кроме этих двух групп, на планете есть и еще какие-то люди? Другие группы населения?

– Полагаю, мне сказали бы об этом.

– Те ребята, о которых ты рассказывал? Они могут и не знать. Ты сам говорил, что от них многое скрывают.

Только сейчас в разговор вступил Аверов, и я сразу почувствовал, что они поют по одним и тем же нотам: видимо, пока я бродил по зеленым лужайкам, они успели хорошо срепетироваться.

– Такая возможность, – сказал Аверов, – весьма вероятна. Люди могли разделиться на разные группы еще в полете. Ведь добирались они не год и не два. Или они разделились уже после высадки, все равно. Не случайно ведь обнаруженные вами люди живут вовсе не на месте приземления корабля. Недаром они вообще забыли об этом корабле!.. Да и кроме того...

Много ли мы знаем о народе, из которого происходит наш Питек? А ведь этот-то народ существовал несомненно!

– Вот это правда, – сказал Питек, ухмыльнувшись. – Мы-то существовали, да еще как! – Он широко развел руками. – Иногда по вечерам, когда я выхожу в Сады памяти, мне кажется, что вот всего этого не существует. Но мы-то были!

– В дописменные времена, – сказал я ему как можно ласковее. – Поэтому от вас ничего не сохранилось.

– Я сохранился, – возразил Питек, чуть обидавшись (правда, лишь на мгновение: обижаться подолгу у нас не было принято).

– Извини, – сказал я. – Ты сохранился, и прекрасно сохранился. Но я хотел лишь сказать, что на этой планете дописменных времен, скорее всего, вообще не было.

– Не вижу предмета для спора, – сказал Аверов. – Я просто полагаю, что такая возможность не исключена. Ведь не вступили в контакт с правителями, а если бы и так, то они могли по каким-то соображениям не сказать вам всей правды.

– Да, – сказал я, – спорить действительно не о чем. Но если даже других популяций на планете нет, если их общество находится еще лишь в самом начале процесса разделения, это и так достаточно усложняет нашу задачу.

– Смотря какую задачу ставить, – заметил Уве-Йорген, слегка приподняв уголок рта. – Мы помним, конечно, задачу-максимум. Но есть и альтернатива.

– Да, – подтвердил Аверов, глядя в сторону. – В первую очередь должно быть спасено население Земли.

Тут мне все стало ясным. Но я хотел, чтобы они высказали все сами – в таких случаях легче бывает найти в логике оппонента слабые места. А найти их было необходимо, потому что дискутировали мы не втроем – тут же, кроме Питека, были и Иеромонах, и Георгий, и Гибкая Рука, и многое зависело от того, на какую чашу весов они усядутся.

– Ну, – проворчал я, чтобы не сказать ничего определенного. – Пятнадцать человек на сундук мертвеца...

– Что? – не понял Аверов.

– Была в свое время такая песенка... Что ж, Рыцарь, – я сознательно обратился именно к нему, – я жду, чтобы вы объяснили – какова же эта альтернатива.

– Вы, капитан, и так отлично поняли. Либо мы рискуем буквально всем на свете – Землей, планетой Даль-2 и самими собой в придачу, – либо выбираем наименьший риск и наименьшие жертвы. – Челюсти его напряглись, и он закончил громко и четко: – Жертвуем этой планетой и спасаем все остальное.

– Планетой и ее людьми, – уточнил я.

– Планетой и ее людьми, – утвердительно повторил он.

– Либо – либо, и, а, но, да, или... – пробормотал я, обдумывая ответ. – Союзы, союзы, служебные словечки... – Я болтал так, чтобы сдержать себя, не вспылить, я был очень близок к тому, но вовремя понял: для Уве-Йоргена и всех остальных моих товарищей Даль-2 была лишь небесным телом, маячившим на экране, абстракцией, отвлеченным понятием. Они не ступали по ее траве, не сидели в тени деревьев, не слышали, как поет ветер, перекликаясь с птицами, не вдыхали запаха ее цветов и не преломляли хлеб с ее людьми. И поэтому никто из них не согласился бы сейчас со мной, если бы я пошел напролом. Значит, надо было искать обходный путь.

– Что же, Рыцарь, – сказал я, – альтернативу ты нашел – лучше некуда. Узнаю... Ох эти альтернативы, исторически обусловленные, эти милые, славные ребята с засученными рукавами и «Лили Марлен» на губной гармошке...

Мы смотрели друг на друга всепонимающими глазами и усмехались совсем не весело, совсем не доброжелательно, а товарищи смотрели на нас, ничего не понимая, потому что это

был разговор не для них, а для нас двоих; рискованная проба сил, но мне непременно нужно было дать Рыцарю понять, что вижу его насквозь с самого начала.

Но Уве-Йорген не остался в долгу.

– Ну как же! – ответил он, глядя на меня прищуренными глазами. – Куда предпочтительнее ваше любимое «авось» и «ничего», крик «ура» в последний момент и загадочная славянская душа, не так ли? Авось пронесет! Вот алгоритм ваших рассуждений, дорогой капитан! Но ответственность слишком велика, и, кстати, в свое время вы научились обуздывать это ваше «авось». Вспомните, капитан!

Я помнил; но, видимо, и он спохватился, потому что то, о чем мы говорили, не называя вещей своими именами, завершилось вовсе не в его пользу. И он тут же сделал заход с другой стороны:

– Так или иначе, капитан, спасибо за услугу, которую ты нам оказал, – разумеется, в соответствии с твоими гуманистическими принципами.

– На здоровье, – ответил я. – А какую именно услугу ты имеешь в виду?

– В те времена это называлось «взять языка», – сказал он, снова усмехаясь, и эта улыбка его мне не понравилась. – Я имею в виду девицу, которую ты привез на борт. Видимо, ты нашел с ней общий язык?

Тут он промахнулся, и я сразу же воспользовался этим.

– Ну это-то было нетрудным, – сказал я. – Люди там, внизу, разговаривают на том же языке, что и мы.

Для пилота это не было новостью, но остальные члены экипажа не смогли скрыть удивления.

– Как так? – спросил Георгий.

– Я же говорил уже, по-моему, что нашел там старый корабль. Это наш, земной корабль, и люди на планете – потомки людей с Земли. Наши братья!

– Братья, – сказал Иеромонах и повторил еще раз, весомо и убежденно: – Братья. – И вдруг он встал, стиснул руки в кулаки, закинул голову. – Свершим, прилетим на Землю, и нас спросят... И спросил Бог Каина: где твой брат Авель? И ответил Каин: Господи, разве я сторож брату моему...

И на этот раз только мы трое понимали, о чем речь идет, но Рыцарь, происходивший из лютеран, знал Писание, надо полагать, получше меня, а этот эпизод был знаком даже и мне, хотя в школе моей, естественно, не преподавали Закон Божий. И я подхватил, не дав пилоту опомниться:

– Ну понятно, Уве-Йорген, разве ты сторож брату моему, твоему, любого из нас – нашему брату? Нет, конечно, разве воин – сторож?

Рыцарь промолчал, и я почувствовал, что сейчас надо закреплять победу.

– Слушать меня! – сказал я командным голосом, чтобы напомнить всем и каждому, кто здесь капитан. – Задачи: найти Шувалова и оказать ему помощь, помочь установить контакт – это раз. Второе: разобраться, сколько населения и где оно. Объяснить людям положение и готовиться к чрезвычайным мерам. На корабле останутся: доктор Аверов при всей научной аппаратуре и один член экипажа на вахте. Сейчас останется Гибкая Рука, потом, если он понадобится внизу как инженер, его подменит кто-нибудь другой. Все остальные – на планету. Там расстановка будет следующей: я направляюсь к тем, кто живет в лесах. Питек и Георгий должны будут найти Шувалова, установить с ним связь и выполнять его указания. Уве-Йорген, ты будешь помогать мне. Связь с кораблем: в шесть, двенадцать, восемнадцать и ноль часов по корабельному времени. Предупреждаю: со связью могут быть помехи, внизу убедитесь сами.

– Ясно, – ответил за всех Рыцарь.

– У меня все, – сказал я.

– Когда вылет? – спросил пилот.

– Сколько времени вам нужно на сборы?

– Немного. Но я подумал вот о чем: перед тем как покинуть корабль, ребята могли бы провести полчаса в Садах памяти. Зарядить аккумуляторы души, так сказать.

Я не нашел в этом ничего плохого.

– Добро, – согласился я. – Все?

– Да.

– Все свободны, – объявил я.

Я так и думал, что Рыцарь задержится. И он остался.

– Капитан, – сказал он негромко, подходя ко мне вплотную.

– Слушаю.

– Ты и в самом деле совершенно уверен...

Я кивнул в знак того, что понял его.

– Совершенно? – переспросил я. – Нет, конечно. Тут и не может быть полной уверенности. Но не представляю, как мы можем допустить, что не сделаем всего возможного для всеобщего спасения.

– Ну хотя бы такой вариант: мы сейчас летим на планету, в воздухе происходит катастрофа – и на поверхность мы прибываем уже в совершенно разобранном виде. Теоретически допустимо?

– Теоретически – да.

– А гибель Земли ты допускаешь, Ульдемир, хотя бы теоретически?

– Не хочу, – сказал я.

– Значит, страховка нужна?

Я знал, что он имеет в виду. И на сей раз был с ним согласен. В этом не было никакого противоречия. Нельзя было обсуждать возможность неудачи перед всем экипажем: когда люди готовятся выполнить тяжелую задачу, они не должны допускать и мысли о возможном невезении. Надо настроиться на игру, как говорили в мои времена. Но в себе я был достаточно уверен, да и Уве-Йорген, кем бы он ни был, оставался человеком долга, и я считал, что на него можно положиться.

– Хорошо, – сказал я. – Какую страховку ты предлагаешь?

– Я думаю вот что. В момент, когда наблюдения покажут, что вспышка назрела, надо, чтобы корабль все же выполнил свою задачу – независимо от всего остального. Такой вариант тебя устраивает?

– Да. Если только положение будет действительно безвыходным.

– Это установит Аверов с его кухней. Ты согласен?

– Установит-то компьютер, – сказал я, – но рядом с ним будет Аверов. Ты что, хочешь замкнуть компьютер непосредственно на установку?

– Это полдела. Для того чтобы действовать, корабль должен выйти в атаку, ты это прекрасно знаешь. Меня ты забираешь с собой, хотя у меня рука не дрогнула бы.

– Гибкая Рука – тоже не из тех, кто струсит.

– Согласен. Сейчас они в Садах памяти. Давай через полчаса встретимся у Руки. Годится?

Я подумал, что Уве-Йорген и тут пытается овладеть инициативой. Но не было причины осаживать его, и я позволил себе лишь самую малость.

– Через сорок минут, Рыцарь.

Он кивнул:

– Я могу идти?

– Уве...

– Ульдемир?

– Почему ты не спросишь ничего о той девушке?

Я сказал так потому, что мне вдруг страшно захотелось поговорить о ней – с кем угодно.

Он покачал головой:

– У нас не было принято обсуждать с начальниками их личные дела. Понимать службу – великая вещь, Ульдемир.

Странные все же существовали между нами отношения, свободные и напряженные одновременно, дружеские – и в чем-то враждебные. Часто мы в своих словесных схватках бродили по самому краю пропасти, которую видели только мы одни; это было только наше – пока, во всяком случае. И пожалуй, без этого нам было бы труднее.

– Разве службу кто-нибудь понимает? – улыбнулся я.

– Гм, – сказал Уве-Йорген.

– Прости, Рыцарь. Строй – святое место, не так ли?

– Именно.

– Значит... через тридцать пять минут, – сказал я, выходя.

Анна спала в моей каюте на широком капитанском диване – она даже разделась, как дома, и за это я опять мысленно похвалил ее. Я убавил освещение до сумеречного, сел в кресло и долго смотрел на нее – не как на желанную женщину, а как смотрят на спящего ребенка. Смотрел, не думая, не пытаясь ни опуститься в прошлое, ни подняться в будущее. Не думая о том, не произошло ли час назад между нами в этой самой каюте что-то непоправимое, потому что для каждого действия есть свое время, мы только не всегда верно угадываем его – или неверно вычисляем... Я просто смотрел, и мне было хорошо, как только может быть хорошо человеку. Тут, как и в спасении людей, нельзя было настраивать себя на возможность неудачи. Только хорошо, только хорошо могло быть – и никак не могло быть плохо.

Так просидел я полчаса. Потом встал и вышел, стараясь ступать неслышно. Жизнь, думал я, шагая по палубам тихого корабля. Она началась еще до того, как я родился, такая жизнь, и вот продолжается сейчас, через тысячелетия. Дела, дела – и любовь в антрактах. Перерыв на обед. Перерыв на любовь... когда-то все дела делались в перерывах любви. И наверное, получалось лучше, а не хуже.

Но слишком серьезные дела у нас сейчас – жизнь и смерть. И если бы еще только наша... Но ты больше не уйдешь, Анна, милая, у нас теперь все будет пополам – и жизнь и смерть. Любая половинка этого, а больше нечего предложить тебе.

– Итак, Рука, корабль изготовлен к походу. Установка заряжена, звезда все время в прицеле, Аверов непрерывно следит за нею, а большой компьютер...

– Кто из нас инженер, Ульдемир, – спросил Рука, – и кто из нас лучше разбирается во всем этом? Может быть, ты хочешь, чтобы я объяснил тебе, как действует установка и как в это время следует вести корабль? Ты готов слушать?

Уве-Йорген, что сидел рядом, чуть улыбнулся. Я нахмурился: со мной разговаривал инженер, а мне инженер сейчас не был нужен. Мне нужен был индеец.

– Рука, – сказал Рыцарь негромко. – А что ты видел в Садах памяти?

– О, – сказал Рука и помолчал, опустив веки. – Много. Моих вождей и моих детей. И разговаривал с ними. Я был на охоте, и стрелы мои попадали в цель. – Он снова помолчал. – И потом я снова стоял на тропе войны. Как в тот день, когда меня забрали сюда. Я стоял, стрела летела в меня из засады, и я знал, что она попадет, знал еще за полсекунды до того, как тот спустил тетиву... – Теперь в его голосе, негромком и монотонном, чувствовалась ярость, и я воспользовался этим.

– Слушай. Как только окажется, что звезда стала опасной – сигнал даст Аверов, а если не он, то все равно компьютер поднимет тревогу, – тебе придется выполнить то, что мы собирались сделать с самого начала. Ты сойдешь с орбиты...

– Не трать лишних слов.

– Будешь удаляться от звезды, потом затормозишься, сделаешь разворот и выйдешь на нее в атаку.

– Это даже если никого из вас не будет на корабле?

– Именно в том случае. Потом вернешься к планете и снова ляжешь на орбиту. Если мы не подадим никаких сигналов...

– Сколько времени мне ждать сигналов?

– Если мы будем молчать – ну, скажем, две недели, то это будет означать, что мы умолкли накрепко... Тогда отправляйся на Землю. И там вместе с Аверовым объяснишь все. У Земли будет еще сколько-то времени, чтобы попытаться оказать помощь здешним людям.

– Не забывай, Ульдемир, что я не пилот. Я могу и не довести машину до Земли. Сопротестившие переходы – вещь сложная. Может быть, вместо меня на корабле останется Рыцарь, а я полечу с тобой?

Но на это я не мог согласиться. Рука, я знал, выдержит до последнего, а Рыцарь – как знать – мог бы и не дожидаться сигнала о действительно критическом положении. Мог ударить по звезде раньше.

– Рыцарь понадобится мне внизу. Что же, Рука, если ты не доведешь машину до Земли, значит... не доведешь.

– Я понял тебя.

– Тебе не страшно?

Гибкая Рука усмехнулся.

– Если бы ты жил среди нас, – сказал он, – то не стал бы спрашивать.

– Ну извини: я не жил среди вас, а у нас в таких случаях было принято спрашивать.

– Нет, Руке не страшно.

– Ну вот и все. Что же, Уве-Йорген, если ты ничего не хочешь добавить, будем собираться и мы.

– Нет, – сказал Рыцарь. – Пока ничего.

Анна спала глубоким сном, но проснулась сразу же, как только я дотронулся до ее плеча. Она, видно, и во сне была напряжена – вскрикнула и сразу же села на диване. Несколько секунд приходила в себя, потом нерешительно улыбнулась.

– А... вспомнила.

Я сел рядом, обнял ее, положил ладонь на обнаженное плечо. Мы сидели молча. Потом Анна взглянула на меня, и в ее взгляде был упрек.

Я усмехнулся – виновато, по-моему, – и встал.

– Нам пора, – сказал я. – Одевайся, да?

Она кивнула.

– Ты не думай... – сказала она. – Я тоже... Только не сейчас. Я никогда...

– Я все понимаю, – сказал я. – Ребята ждут нас. Надо лететь.

Пока она одевалась в ванной, я взял сумку, кинул в нее несколько мелочей, какие могли пригодиться на планете. «Странная вещь – любовь, – подумал я. – Наверное, она настоящая тогда, когда противоречит самой себе – не решается на то, на чем, по сути, основывается. Единство противоположностей... – Затем я отпер капитанский сейф, вытащил оттуда музейный кольт и две пачки патронов. Взвесил пистолет на ладони и сунул в карман. – Не зря я выторговал его, – удовлетворенно подумал я. – И как же не хотели они давать мне эту штуку! Но тут меня было не переспорить... – Я оглядел патроны и тоже сунул в карман. – Надо надеяться, не подведут в случае чего, – сказал я сейфу. – Проба была удачной. И стрелять я не разучился...»

Вошла Анна – красивая, румяная, причесанная.

– Я готова, Уль.

– Я, кажется, тоже, – сказал я, оглядываясь, проверяя, не забыто ли, по обыкновению, что-нибудь небольшое, но важное.

– Идем?

Я хотел поцеловать ее; она подставила щеку. Мы почему-то часто не понимаем самых простых вещей; если подставляют щеку – это может, кроме всего прочего, означать, что нечего тебе соваться. Но я не подумал об этом.

– Ну, – сказал я обиженно.

– Не надо, – сказала она, и я отворил дверь.

Глава одиннадцатая

Сучья угрожающе гнулись под его тяжестью, но не успевали хрустнуть: сильно качнувшись, Питек – нет, не Питек, а еще Нхасхушшвассам, так его звали, – перелетел на следующее дерево, руки безошибочно обхватывали облюбованную ветвь, ноги рывком подтягивались к животу, пружинно выпрямлялись – и снова мгновенный полет, другой сук, – не замедляя движения, встать на него, пробежаться до ствола, обхватив руками и ногами, мгновенно подняться на два человеческих роста выше, ухватиться за ветвь, перебирая руками – добраться до ее середины, снова колени касаются груди, распрямляются – и опять тело мелькает в воздухе, повисая на миг над пустотой...

Внизу рос кустарник, внизу с такой быстротой не пробежать, на земле ему не догнать бы оленихи, остаться без добычи, не принести мяса женщинам и детям.

А здесь, наверху, он догнал ее. Мельком заметил два птичьих гнезда: это потом, они не убегут. Язык отяжелел от слюны. Питек быстро, прильнув к стволу (сучок оцарапал грудь; охотник даже не заметил этого), спустился на самый нижний, толстый сук, скорчился и застыл, готовый к прыжку.

Лань показалась внизу. Бег ее замедлился. Опасности не было. Животное остановилось. Ноздри его раздувались. Оно приподняло ногу для следующего шага. Оглянулось.

Питек бесшумно обрушился сверху – точно на спину. Обхватил обеими руками гибкую шею. Лань рухнула от толчка. Хрустнули позвонки.

Крик победы, крик радости жизни, клич уверенности в себе. Это я, охотник! Это я, сильный и быстрый! Это я, приносящий мясо! Это я! Это я!

Но кто там шевельнулся в кустах? Кто?

Медленно, гулко звонил колокол. Дверцы келий распахивались со скрипом. По полу длинного коридора тянуло сырым ветром. Братия шла к заутрене. Тускло мерцали свечи. Красновато отблескивали глаза. Из трапезной несло капустой.

Шла братия неспешно; бывалые мужики, ратники, ремесленные люди шли отмаливать грехи людские за многие колена. Немалые грехи.

Да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя!

Шел и брат Никодим, Иеромонах. Шел, привычно шевеля губами, не словами – душой припадая к Господу. От промозглого холода прятал ладони в рукава.

Господь плохо слушает нынче, и мысли сбивались с возвышенного, тянули вниз, к суетному, к мирскому, что позади уже.

Небогатое было хозяйство, но – с лошадьми. Не отдыхал, работал. Зато и жил, не умирал. Как все жил. Чего не хватало?

Не хватало иного. Возвышенного. Таков уж уродился. Был моложе, плакал ночами. Тесно было душе. Мысли: лошадь ли при мне, я ли при лошади? Хлеб сею, дабы ясти, яду же – чего ради? Воистину человек – единая персть еси.

Мечталось: человек не только будет в земле рыться; есть в мире красота, и дана она человеку от Господа с великим умыслом. А не видит ее человек, попирает лаптями.

Единожды подумалось: красота – от Бога, красота в Боге. И пристала мысль. Не вытерпел; оставил все. Брату оставил, единокровному, единоутробному. Простился. Ушел.

Давно это было.

Молился Никодим бездумно, привычно отмахивал поклоны, осенял себя крестом, а мысли далеко гуляли.

Не нашел красоты и в обители, за дубовым тыном, за крепкими стенами, что сложены на извести, замешанной на куриных яйцах.

Уже и думать стал, сомневаясь: а точно ли есть она? А коли есть, то для человека ли? А может, красота сама по себе, а человек – особо, ползает по ней, яко вошь по подрыснику, однако не зрит, понеже не умудрен?

Вздохнул Иеромонах брат Никодим. Еще долго стоять. Коленам холодно, но ничего, привык, давно привык.

Брат Феофил приблизил бороду, тихо, только Никодиму, – в самое ухо:

– Слух прошел – поляки нас воевать собираются.

Никодим сотворил крестное знамение:

– Господь поможет...

– Король Стефан. Мимо нас им не пройти, иная дорога не торена.

Моргнул Иеромонах, ничего не ответил. Может быть, увидел – в редкие минуты такое бывает дано человеку – себя на стене, что не для того лишь возведена, дабы охранять монаха от соблазнов мирских, но и чтобы противостоять всякому, кто идет с заката. Себя на стене, и стрелу тяжкую, что летит, летит, и все ближе, ближе, медленно, как в тяжелых снах, что от искушителя, от лукавого. Летит, и никуда не деться тебе...

Прощай, белый свет, прости, Господи, за грехи и помилуй.

Прости, красота непознанная...

Сладок звук кифары, но звонче ударяет бронза о бронзу, звенит меч о пластрон, и копье утыкается в туго обтянутый кожей щит, и трепещет гребень на шлеме.

Для чего жив человек? Чтобы умереть достойно.

Какая смерть достойна? Только в бою.

Воин падает в бою, и Спарта будет оплакивать гоплита и радоваться тому, что не перевелись еще истинные мужи.

Дети вырастут и возьмут твой меч, и наточат, чтобы одним касанием сбивать черные бороды вместе с головами.

Легкий воздух Фермопил врывается в легкие. Больше! Больше!

Шаг в сторону – и копье пролетает мимо. Бессильно лязгает о камень за твоей спиной.

А-а!

Шаг вперед – и удар мечом. Ужас в чужих глазах за миг до того, как хлынувшая кровь зальет их. Как раковина под сандалиями, рассыпается круглый чужой шлем.

Кипит бой, и звенят перья Эриний.

Не выдержав, отходят наемники – что им Спарта? – и персы накатываются слева, подобно волнам морским.

Нет пути назад...

Хха! – выдох при ударе.

Сражался справа Ипполит. Где ты?

Уже сидит Ипполит в зыбкой лодке, и Харон, перевозчик, медленно движет веслом. Не плещется тяжелая вода Стикса...

Хха!

Кто, кроме нас, рожденных Спартой, устоял бы, не обратился в бегство?

Никто.

Хха!

И еще раз: хха!

И еще...

Как отяжелела рука. И льется кровь. Когда это?.. Не заметил.

Неужели это последний бой?

Или там, в селениях блаженных, воины тоже выходят – против тех, кто не был угоден богам, кто бежал с поля, кто предал свой город и свой народ, своих старцев и женщин, своих детей и их детей, и своих богов, и честь свою? Выходят воины, и те, презренные, снова бегут, но не дано им убежать, и их будут убивать честные воины, убивать по десять раз и по десятью десять раз, и все страшнее будет их страх, и все ужаснее – ужас, и мутная их кровь будет течь по лезвиям наших мечей, и земля не впитает ее, сухая земля той, другой Спарты, которая, конечно же, есть в тех селениях...

Только так и должно быть.

Не берите меня, я хочу испустить последний свой вздох здесь, на этих камнях, где рядом лежат наши воины, а другие еще сражаются.

Не берите меня...

Они вышли из Садов памяти, каждый из своего, замкнутые и молчаливые. Быстро уложили сумки.

Ульдемир и Уве-Йорген ждали их у эллинга.

Анна увидела приближающихся членов экипажа и невольно прижалась к капитану. Так блестяли их глаза, таким сверлящим был взгляд.

Дверь бесшумно отъехала, открывая доступ к катерам.

Оба катера оторвались от корабля почти одновременно. Аверов и Рука провожали их взглядом, пока светлые точки на экране не погасли, совместившись с диском планеты.

Тогда Рука сел.

– Кури, доктор.

– Да, у вас не курят. У нас курят. Я буду курить.

Он закурил.

– Правильнее было бы сказать – у вас курили, – деликатно проговорил Аверов.

– Сейчас, думаешь, не курят?

– Сейчас?.. Это было ведь так давно, сейчас всех вас давно уже нет.

– Да, – согласился Гибкая Рука спокойно. – Так мне говорили. Всем нам так говорили.

– А вы что же, не верите этому?

– Не знаю. Знаю, что они – очень далеко. Так далеко, что я, наверное, никогда больше их не увижу. Мое племя – здесь. Капитан, Рыцарь, даже ты – мое племя.

– Гм... Ну да...

– Но то племя, которое было моим раньше, – оно есть. Раз я есть – почему же не быть моему племени?

– Но ведь прошли столетия...

– Я этого не понимаю. Меня взяли, увезли. Я рад. Иначе я остался бы совсем без волос – и без головы тоже. – Рука не засмеялся: он не умел смеяться. – Увезли далеко, доктор. Но там, откуда меня увезли, – они все остались. И сейчас тоже живы, я знаю. Только старики, наверное, уже умерли. Некоторые. А другие живут. Не надо говорить, что это не так. Я понимаю так. Не могу понимать иначе.

– Хорошо. Я не буду говорить об этом.

- Кури. Ах, да... Слушай. Завтракать, обедать, ужинать мы будем вместе.
- Хорошо.
- Нас слишком мало осталось, поэтому будем вместе. И каждый раз ты будешь говорить мне, как дела. Как звезда.
- Зачем?
- Так надо.
- Но вы же не поймете – вы не специалист...
- Пусть доктор думает – это потому, что Рука на связи. Если капитан спросит, чтобы Рука сразу мог ответить.
- Но ведь можно пригласить меня...
- Наверное. Но ты понял: три раза в день ты будешь говорить мне. Ты покажешь мне, как увидеть, что звезде хорошо, и как увидеть, что ей плохо. Ночью доктор будет отдыхать. Наблюдать будет Рука.
- Зачем? Есть же приборы, есть компьютер, учитывающий все, он сам подаст сигнал...
- Рука понимает: инженер. Но он хочет сам. И будет. Рука верит себе больше, чем машинам, хоть он и инженер.
- Когда же будет отдыхать Рука?
- Потом, – сказал индеец. – Потом. Отдыхать он будет вместе со своими. С теми, кто остался далеко...
- Не понимаю...
- Ты много не понимаешь, доктор. Я понимаю. И хватит.

Застекленная крышка в потолке откинулась, спустили лесенку. Несколько пар глаз смотрели сверху.

Шувалов поднялся по лесенке. Он оказался на площадке – скорее всего, на плоской крыше строения, – обнесенной невысоким парапетом. Его окружили несколько человек; четверо особо мускулистых, – должно быть, санитары; двое были, видимо, врачами. Шувалов глядел на них с откровенным любопытством.

- Иди туда, – сказал один из врачей и вытянул руку.
- Я просил бы все-таки позволить мне умыться и прочее, – проговорил Шувалов.
- Конечно. Это там.

Шувалов подошел к краю площадки в том месте, где в парапете был выем. Вниз вела деревянная, из толстых брусьев лестница с перилами. Строение оказалось одноэтажным, еще несколько таких же виднелось по соседству, стены их снаружи были расписаны цветными линиями и пятнами. Цвета гармонировали, смотреть на них было приятно, и Шувалов почувствовал, как утихает в нем поднявшаяся было тревога: все-таки от предстоящего разговора зависело многое.

- Ты боишься спуститься? – спросил тот же врач.
- Я просто люблюсь. Красиво.

Шувалов имел в виду не одну лишь роспись; обширный, обнесенный высоким тыном участок вмещал не только домики – тут и там тенистыми купами возвышались деревья, и каждая группа их была не похожа на все остальные и оттенком зеленого цвета, и формой ветвей, и очертаниями кроны; каждая группа говорила о каком-то чувстве: радости, грусти, уверенности...

- Да, – согласился врач. – Может быть, тебе помочь?
- Благодарю. Я сам.

Пока он мылся, санитары не спускали с него глаз. Полотенце было шершавым, грубоватым.

- Я готов, – молвил Шувалов с облегчением.

Его провели к врачу. Там было и похоже, и не похоже на кабинет врача на Земле: светло и чисто, и даже стеклянный шкафчик стоял, но не было той электроники, автоматики, оптики, без которой трудно было бы себе представить современную медицину.

Санитары остановились за спиной, у двери. Врач сидел за столом.

– Садись... Ну, как ты себя чувствуешь?

– Благодарю вас, прекрасно. Но прежде чем я буду отвечать дальше на ваши вопросы, позвольте задать один мне.

– Ну... пожалуйста.

– Долго ли мне придется пробыть здесь – разумеется, в случае, если я буду признан здоровым?

– Не более двух недель. Ты знаешь, конечно, из скольких дней состоит неделя?

– Полагаю, что из семи, если...

– Ах, из семи.

Врач переглянулся с другим, сидевшим сбоку.

– А какой сегодня день недели?

Шувалов подумал. Пожал плечами.

– Откровенно говоря, было столько дел, что я не следил...

– Если ты затрудняешься с ответом, так и скажи. Итак, ты не помнишь, какой сейчас день недели. А какой месяц и какое число?

– Ну, по нашему календарю...

– Прости. Что значит – по вашему календарю? Он у вас другой?

– Видите ли, объяснение этого надо начинать издалека...

– О, у нас есть время, и у тебя его тоже достаточно.

– В этом я как раз не очень согласен с вами. Дело в том, что... Вы – врач, следовательно, человек, не чуждый науке, научному образу мышления. И вам сравнительно нетрудно будет понять то, что я должен сказать.

Он умолк, поймав себя на мысли, что ему как-то очень легко – и вместе очень трудно разговаривать с этими людьми. Легко – потому что они каким-то образом располагали к откровенности. Трудно – потому что для него, человека своего времени, как и для всех, кто родился и жил в его эпоху, не составляло труда следить за ходом мысли собеседника, понимать движущие им мотивы и предугадывать выводы; но, как оказалось, это было применимо лишь к современникам: уже члены экипажа вовсе не являлись для Шувалова открытой книгой, неожиданные, непредсказуемые эмоции врывались нередко в их логику, искажая или вовсе подавляя ее, а порой, напротив, в момент взлета эмоций в них вторгался холодный расчет – чего современники Шувалова себе тоже не позволяли, ратуя за чистоту и мысли, и эмоции, четко отделяя то, что было подвластно чувствам, от всего, что должно было решаться лишь рассудком. А теперь, сидя напротив этих врачей, Шувалов почувствовал, что они, современники деревянных строений и вещей, не уступают ему в умении проникать вглубь человека, но делают это как-то по-другому, а для него остаются непонятными, как мощная станция, что работает тут, рядом, но на той частоте, какой нет в вашем приемнике.

– Ты задумался? Можешь быть уверен – мы постараемся понять тебя, – врач мельком переглянулся с другим снова. – Итак?

– Я просто думаю, с чего начать, чтобы...

– Я советую, чтобы было легче, начать с того, что сильнее всего беспокоит тебя именно в эту минуту. Ты знаешь, что больше всего беспокоит тебя?

Шувалов хотел сказать, что больше всего его сейчас беспокоит то, что нужен контакт на самом высоком уровне, а его, этого контакта, нет, но внезапно понял, что это не самое сильное беспокойство, просто он привык так думать. Сильнее сейчас было другое, а не вспышка, не ее угроза.

– Понимаете ли... Конечно, первоисточник всего – это предстоящая вспышка вашего светила, его взрыв. Мы можем предотвратить этот взрыв, погасив ваше солнце, – разумеется, не сразу, а постепенно, но так или иначе это сделает жизнь на вашей планете невозможной. Однако воздействие на ваше светило можно производить по-разному: можно форсировать, а можно воздействовать длительно. От этого зависит, какая часть его энергии в единицу времени будет уходить в сопространство, иными словами – как быстро станет оно остывать. Если бы сейчас на корабле у пультов находился я, то, конечно, выбрал бы медленный вариант. Но сейчас там другой ученый. Он знающий и способный человек, но он моложе меня. Значительно моложе. Как и я, он теперь на два-три года выпал из научного процесса там, на Земле. Но если для меня это уже не имеет особого значения – по многим причинам, – то для него дело обстоит иначе. Он должен – и будет – спешить. И если у пультов в момент воздействия окажется он, то наверняка проведет его на пределе, звезда – ваше солнце – начнет гаснуть куда быстрее, и мы не успеем даже перевести вас под землю, даже проделать подготовительные работы... Вот в этом для меня сейчас главное беспокойство... Но если, допустим, я сейчас получу возможность вернуться на корабль, то кто же установит контакт с вашими правителями? Кто объяснит им всю ситуацию, в которой оказались и вы, и мы? Теперь вы понимаете, почему контакт нужен мне как можно скорее?

– Мы все понимаем, не сомневайтесь. Теперь мы хотим спросить...

– Рад буду ответить...

Врачи сидели в опустевшем кабинете. Шувалова увели санитары.

– Наш судья, конечно, не светоч разума, – сказал один. – Но на этот раз он не ошибся. Да и кто бы тут ошибся? Такая великолепная картина... О чем ты задумался?

– Смотрю. Взгляни и ты – как прекрасно играют тени на стене.

– Это солнце светит сквозь листву. Чудесно.

Они помолчали, наслаждаясь.

– Задерни занавеску до половины. Правда, еще лучше?

– Великолепный контраст... Да, ты говорил о картине. Она слишком прекрасна.

– У тебя какие-то сомнения?

– Все дело в предпосылках, понимаешь, все, что он говорил, укладывается в довольно строгую систему – я, как мы уговаривались, следил за логичностью и обоснованностью изложения и выводов. Да, в очень строгую систему...

– Ну, при заболеваниях психики это не такая уж редкость.

– Согласен. И тем не менее.

– Неужели ты собираешься поверить хоть единому его слову? Это такой же человек, как мы с тобой... только, к сожалению, больной. Бред, навязчивые идеи...

– Обождем немного с диагнозом.

– Ну, знаешь ли, если мне надо выбирать между двумя возможностями: поверить в пришельцев из иного, высокоразвитого мира – или диагностировать паранойю, то я, вернее всего, предпочту второе. Не пойму: что смущает тебя?

– Не забудь, что мой сын – астроном.

– Прекрасно помню. И что же?

– Пусть он поговорит с больным.

– Ты хочешь устроить экспертизу?

– Мы ведь специалисты только в своей области. Видишь ли, если он бредит, то в чем-то – большом или малом – неизбежно нарушит положения науки, выйдет за их пределы. Мы с тобой ничего не заметим, а специалист поймет.

– Хорошо, ты убедил меня. В конце концов, время у нас есть; будь мы даже уверены, что он совершенно нормален, закон не позволил бы нам выпустить его, не проведя всей программы обследования, раз уж он направлен сюда официально, а не явился сам.

– Да. Вечером я попрошу сына...

Их было много, человек сто или даже больше. Они шли по дороге, не торопясь, лопаты, оружие и черный ящик везли позади на телеге, а за ней тянулся длинный хвост долго не оседавшей пыли. Шли кучками, кто молча, кто негромко переговариваясь.

– Готфрид Рейн принес сына.

– Счастье в дом...

– Кончается подошвенная кожа.

– А сколько тебе на следующий месяц?

– Сколько сделать? Еще не сказали...

– Иероним Сакс ушел в лес.

– Жаль. Хороший кузнец был.

– Но с фантазиями. Видел красоту в куске железа. Ты видишь?

– В куске железа – нет. Но я и не кузнец... Жаль, что ушел. Мне пришлось время взять новую лопату. Думал, он сделает. Была бы славная лопата.

– Ничего, сделает другой.

Передние остановились. За ними и остальные.

– Закат, – сказал кто-то. – Полюбуюсь. Красиво.

Закат и правда был красив. Медленный перелив красок на небе. Одинокое облачко. Треск насекомых в высокой траве по сторонам дороги. Сильный запах цветов, что раскрывают свои чашечки по вечерам.

Постояли. Пришел час смотреть на солнце. Сняли с телеги ящик, посмотрели – серьезно, истово, до устатку. Потом разошлись по обе стороны дороги и стали устраиваться на ночлег. Поужинали холодным, запивая водой.

– Перед рассветом поднимемся. Встретим восход, посмотрим на солнце – и в путь. Недалеко уже.

Смотреть на солнце полагалось всегда – дома ли, в дороге ли. Зимой и летом. Мужчинам и женщинам. Только детям не надо было и старикам тоже.

Солнце село; зажглись звезды, узор их был вечен и надежен.

– Какая ночь!

– Благодать.

– Спокойного сна.

– И тебе тоже, друг.

Астроном пришел к Шувалову этим же вечером: ему не терпелось. Был он молод, высок, вежлив. Войдя, полюбовался, как полагалось, горячей свечой, игрой светлого пятна на потолке. Объяснил, кто он и зачем явился.

Шувалов вечером был сердит, потому что надеялся, что врачи, люди разумные, после искреннего разговора его отпустят. На Земле так и произошло бы, потому что сама беседа была бы вовсе не главным: там были приборы, психиатрия давно стала наукой точной. А здесь, видимо, обходились лишь опытом и интуицией. Все это, как знал Шувалов, временами подводило. Вот и на сей раз подводило.

– Ах, астроном! – сказал он и подумал, что и астрономия тут, видимо, основана на интуиции и, значит, разговора тоже не получится: его выслушают, но не поймут.

И все же пытаться надо было до последней возможности.

– Вас что же, врачи прислали?

– Да.

– А зачем же это? Скрасить мое одиночество или учинить экзамен? Я, впрочем, готов ко всему. Спрашивайте, если угодно.

– Они сказали, что ты тоже астроном.

– Тоже? Я?! Ну, пусть я «тоже». Интересно! Да, во всяком случае, там, откуда я прибыл, меня считали далеко не самым худшим из представителей этой науки.

– Откуда ты прибыл?

Это «ты» каждый раз прямо-таки било Шувалова по нервам. Он с неудовольствием подумал, что теряет контроль над собой. Уважающий себя человек не допустит такого. Но обстоятельства были из ряда вон выходящие. Он сделал усилие и успокоился.

– Как вам объяснить... Галактического глобуса у вас, разумеется, нет: для него нужен компьютер. Но хотя бы карта, друг мой, карта ближайших звезд. По сути дела, мы ведь соседи...

Карта у астронома была с собой. Он разложил ее на столе. При слабом свете свечи приходилось напрягать зрение, но Шувалов довольно быстро разобрался.

– Вот та звезда, откуда мы, – сказал он, показав.

Астроном вгляделся.

– Ага, – озадаченно сказал он.

– Что вас смущает?

– Меня... Ты хорошо знаешь легенды?

– Ваши? Откуда же?

– Да, я все забываю, что ты прилетел. Ты ведь такой же, как мы. Чем ты объяснишь такое сходство?

– Мы прилетели оттуда же, откуда и ваши предки.

– Легенда... – повторил астроном. – Ведь на самом деле у нас не было и нет предков: наш источник – Сосуд. Но пусть... Что же привело вас сюда? Откуда вы узнали о нашем существовании? Путем наблюдений?

То была маленькая ловушка: на таком расстоянии наблюдения ничего не могли дать.

– К сожалению, мы и понятия не имели о вашем существовании. Иначе явились бы более подготовленными. Нет, просто мы обнаружили, что ваша звезда является источником опасности для нас. Ваша астрономия имеет представление о Сверхновых?

– Да.

– И о переменных вообще?

– Безусловно.

– Относите ли вы ваше солнце к переменным?

– Да, – ответил астроном, чуть помедлив.

– Как вы оцениваете амплитуду колебаний его излучения?

– В пиках – плюс-минус полпроцента.

– Вот как! Но недавно был пик... Мы его зарегистрировали. Он намного превосходит по значению ваши полпроцента. И лишь благодаря его кратковременности...

– Я знаю. Был очень облачный день. Таких не бывает десятилетиями. Вообще у нас очень ясная погода. Круглый год.

– Видимо, у вас хорошие условия для обсервации. Но дело не в этом, облачный день или ясный – не имеет значения. Итак, вам известно об этом скачке. А знаете ли вы, друг мой, что такие вот внезапные резкие колебания уровня излучения являются, по Кристиансену, – и я убежден, что это так и есть...

– Это какой Кристиансен?

– Жил раньше на Земле такой астрофизик. Он и разработал основы теории признаков возникновения Сверхновых. Ваша звезда относится как раз к такому классу, который, по Кристиансену...

– Мы знаем это. Но я же говорю тебе: у нас все время стоит ясная погода. И уровень населения никогда не опускается до опасного минимума. Чего же волноваться?

Да, подумал Шувалов. Горох об стенку. Бесполезно пытаться.

– Друг мой, если вы действительно ученый... Не стану больше объяснять, но поверьте: это страшно важно!

– Мне очень хочется, чтобы ты меня понял. Не представляю, как можно не понять... Лучше я сейчас принесу книги, таблицы...

– Так ли уж нужно убеждать меня? Лучше убедите врачей выпустить меня. Я должен во что бы то ни стало рассказать обо всем вашим... Хранителям Уровня или как их там.

– Врачи говорят, что отпустят тебя. Через две недели. Раньше запрещает закон.

– Поздно, вы не успеете... Скажите им что-нибудь, что убедило бы их... Что я страшный преступник, что меня нужно как можно скорее доставить к ним, чтобы предотвратить...

– Все и так знают, что ты виновен в нарушении Уровня. Но это не такое уж страшное преступление. Если бы Хранители стали сами заниматься такими делами, у них не осталось бы времени ни на что другое. Успокойся. Я сейчас принесу тебе мои книги. Среди них есть очень-очень старые, тебе будет интересно...

И астроном вышел. Снаружи стукнула щеколда.

Шувалов мрачно глядел в пол, подперев рукой подбородок. Все бессмысленно. Никто не хочет и пальцем пошевелить, чтобы спасти себя и всех остальных. Но не надо, на детей не надо гневаться. Их нужно воспитывать. Огонь у детей отбирают и силой, и в этом нет жестокости.

Хранители Уровня не захотят выслушать Шувалова как ученого, потому что не в состоянии понять всю меру опасности. И как преступника – потому что преступление его заурядно и не опасно.

А какое преступление тут самое страшное?

Везде и всегда самым страшным будет убийство. Лишение человека жизни.

Шувалов содрогнулся, представив себя убивающим человека. Ничего более дикого, противоестественного, невозможного быть не могло. Кажется, он не зря оказался у психиатров: сознание его ушло от нормы.

Но если нет другого способа обратиться к правителям этого мира, чтобы спасти множество других людей, живущих здесь, дать им время, чтобы они ушли под землю, успеть вызвать помощь из мира великой Земли? Если другого способа сейчас, здесь он не видит, а делать надо именно сейчас и именно здесь?

Ты не в состоянии, сказал Шувалов себе. Не можешь. Как бы ни признавал необходимость чего-то подобного – не сможешь ты, хороший, добрый, слабый современный человек.

Постой. Но ведь, собственно, смерть человека тебе и не нужна. Тебе нужно, чтобы твоим намерениям поверили, – этого, пожалуй, будет вполне достаточно.

Надо только правдоподобно изобразить. Если бы еще знать, как это делается.

Шувалов встрепенулся, услышав шаги.

Дверь отворилась. Астроном заходил спиной: руки его были заняты – он тащил стопку книг и еще что-то, какой-то чемодан или ящик – деревянный, плоский.

Ящик!

Шувалов не дал ему повернуться. Рванул ящик. Астроном стал медленно поворачиваться. Шувалов зажмурился и с искаженным лицом ударил астронома деревянным чемоданом.

Кажется, астроном вскрикнул. Шувалов ударил еще раз. Он даже не хотел этого, получилось как-то само собой.

Ящик развалился: был он сделан из тоненьких досочек. На пол посыпались какие-то стеклышки, проволоочки, планки...

Прикрывая затылок руками, астроном убежал по коридору. Шаги его были неверны. Он кричал – почему-то негромко, словно стеснясь.

Шувалов, пошатываясь, подошел к прибитому к полу стулу. Сел. Уронил голову на руки. Его мутило, и хотелось плакать, как если бы он был еще совсем маленьким...

Солнце здесь уже взошло, когда два катера повисли над лесом в поисках удобного для посадки места.

Что-то двигалось внизу. Люди, и немало. Больше, чем их оставалось здесь, когда капитан с Анной сели в катер и взлетели к кораблю.

Малый катер приземлился первым.

И сразу же в колпак ударила тяжелая стрела.

Глава двенадцатая

Это была еще не война. Просто власти, видимо, зачем-то послали своих людей сюда – может быть, чтобы выставить наконец охрану вокруг запретного холма, – и пришедшие наткнулись на ребят, ожидавших тут моего возвращения. К счастью, огнестрельного оружия у нагрянувшего войска не было, хотя, как выяснилось несколько позже, вообще-то, оно у них существовало. И вот атакующие швыряли из арбалетов стрелы чуть ли не в руку толщиной, а парни метали в них сучья и разный мусор. Все это делалось так, словно главной задачей и нападавших, и оборонявшихся было ни в коем случае не задеть ни одного человека, так что убитых в схватке не было и раненых тоже. Как мы убедились впоследствии, стычки на этой планете, и так весьма редкие, скорее всего, напоминали шахматные партии, где шансы сторон подсчитывались по определенным правилам и набравший больше очков объявлялся победителем. По моему, вовсе не так глупо, как может показаться на первый взгляд.

Пока что потасовка шла с переменным успехом, и я не знаю, к какому результату привела бы эта, пользуясь терминологией моего времени, странная война, – но тут подоспели мы.

Правда, в игру мы вступили не сразу. Над полем брани наши катера проскользнули так стремительно, что сражающиеся нас просто не успели заметить, а попавшая в катер стрела была направлена вовсе не в нас, а просто в сторону – подальше от живых людей. Мы посадили катера в сторонке, рассудив, что рисковать машинами не стоит ни в коем случае. Но и очутившись на твердой земле, мы вступили в дело не сразу, потому что возникла проблема морального порядка: а следует ли нам вообще ввязываться в чужую драку, какое право мы имеем на такое вмешательство? В конце концов, у этих людей были свои проблемы, свои законы и обычаи, а мы, незнакомые ни с тем, ни с другим, ни с третьим, могли, пожалуй, больше напортить, чем помочь. Впрочем, тут нужна оговорка: такого рода мысли возникали вовсе не у всех членов экипажа и даже не у большинства. Для Георгия и Питека таких проблем вообще не существовало: драка оставалась дракой, и мужское достоинство требовало немедленно в нее вмешаться. Уве-Йорген, продукт куда более поздней цивилизации, был военным по профессии, и для него сражение было единственной возможностью использовать знания и опыт, которыми он обладал. Мысль о невмешательстве пришла в голову Никодиму, и я сначала поддержал его.

– Подумай, капитан, – возразил мне Уве-Йорген, нетерпеливо расхаживая взад и вперед возле катера. – Ведь ответственность за это лежит на нас!

– За что? – ответил за меня Никодим. – Они не убивают, не бьют даже. Лукают в воздух, и пусть их. Надоест, перестанут.

– Тех больше, – сказал Рыцарь. – И в конце концов они одолеют. Что будет тогда с этими мальчиками?

Я оглянулся на Анну. Она все время порывалась что-то сказать, но не решалась перебить нас. Теперь она поспешно проговорила:

– Их пошлют в Горячие пески... Это очень плохо.

– Ты ведь говорил, капитан, что они остались тут, чтобы дожидаться тебя, – напомнил Уве-Йорген. – Поэтому я и говорю, что ответственность лежит на нас: если бы не ты, они, может быть, давно бы уже удрали, но они держат слово. Они мне нравятся, капитан.

– Да скорей, пожалуйста! – жалобно сказала Анна. – Ну как вы можете спокойно разговаривать, когда там...

Я понял, что мы с Иеромонахом, скорее всего, не правы, и сказал:

– Ладно, ребят надо выручать. Только, пожалуйста, играйте по их правилам. Все поняли? Вперед!

– С фланга, – сказал Рыцарь, и мы, сделав крюк и укрываясь за деревьями, обрушились на защитников Уровня как снег на голову.

И тут я понял, что значит воспитание. Видимо, не зря «нас всех учили понемногу»: драка сразу стала похожа на игру в одни ворота, хотя у наших не было даже луков, не говоря уже об арбалетах. Мы ударили, когда противник вовсе не ожидал этого. Питек при этом играл роль артиллерии крупного калибра: он метал сучья с таким же изяществом и непринужденностью, как австралийские аборигены свои бумеранги; Никодим вооружился мощной дубиной и вышибал ею оружие из рук противников, Георгий подобрал какую-то палку и действовал ею как мечом; он, правда, не наносил ударов, но так убедительно показывал, что сейчас нанесет, что любой испугался бы. Ну а что касается Уве-Йоргена, то он выглядел в драке как человек, направляющийся на свидание с любимой девушкой, – он прямо-таки излучал блаженство, шел на противника, не сгибаясь, в два счета отнял у одного из наступавших арбалет и выпустил пару стрел очень точно, заставив их прогудеть в сантиметре от ушей тех воителей, кто пытался поддерживать в остальных ратный дух. Те сразу поняли намек, повторять им не пришлось.

Я участвовал в сражении меньше всех. Видя, что наша берет, я отошел в сторону и только следил, чтобы кто-нибудь из наших в азарте не стал драться всерьез. Все-таки мы поступали необычайно глупо. Сражались с теми, кого, несомненно, послали власти, – а ведь именно с властями мы должны были вступить в контакт. Теперь наша задача могла сильно осложниться – стоило только властям узнать, что мы выступили против них. Может быть, начинать следовало все-таки с переговоров, а не с драки?

Пока я размышлял, сражение успело закончиться. Деморализованный противник бежал, а мы подобрали трофеи – арбалеты, стрелы, короткие дубинки. Хватились Иеромонаха – его не оказалось среди нас; но не прошло еще и десяти минут, мы не успели даже организовать поисковую группу, как он появился, и не как-нибудь, а верхом на лошади; потом оказалось, что она была из обоза – тащила телегу, полную лопат, топоров и еще разной разности.

Это была картина: прямо Минин и Пожарский в одном лице. Так и казалось, что вслед за нашим Иеромонахом из лесу выступит дружина в синеватых кольчугах, с секирами на плечах и короткими славянскими мечами у пояса, или если уж не дружина, то по меньшей мере тридцать три богатыря; кудлатая борода нашего воина хорошо монтировалась с представлением о дядьке Черноморе. Однако больше никто из лесу не вышел, и Иеромонах подъехал к нам в гордом одиночестве.

Но я смотрел уже не на него. Случайно взгляд мой зацепился за Уве-Йоргена, и я поразился: до чего же любовь меняет человека! Это был уже не суровый воин, каким он чаще всего казался, не умудренный невзгодами, слегка презрительный скептик; он весь светился изнутри, в глазах его было счастье, и руки дрожали. Он медленно встал, шагнул, постоял, шагнул еще раз – словно боясь, словно не веря тому, что это не мечта, а реальность. Потом в два прыжка оказался у лошади – и обнял ее за шею, и припал к ней лицом, и даже, кажется, заплакал, и гладил ее, и бормотал что-то на своем родном хохдойч – на языке, в котором тут разбирался,

пожалуй, я один, и то не Бог весть как; в конце концов он едва не силой стащил Иеромонаха, вскочил в седло, и мне даже захотелось поверить, что он и в самом деле был рыцарем и в свое время совершал в седле такие походы, на какие и несколькими веками позже не всякий бы отважился, – был рыцарем, а не просто любителем верховой езды из какого-нибудь аристократического клуба. Вот как бывает: кажется, ты знаешь о человеке все – даже то, чего он никак не афиширует, – и вдруг в результате какого-то пустячного происшествия начинаешь видеть его совсем с другой стороны, пусть общей картины это и не меняет.

Подошел Георгий; он, по традициям своего народа, преследовал противника до самой опушки; назад он тоже вернулся бегом, и после этого ему можно было дать ручные часы, и он разобрал и собрал бы их без единой осечки – до такой степени были тверды его руки и спокойно дыхание; а ведь бегал он не трусцой. Он тоже увидел коня; я испугался, что эти трое – Рыцарь, Иеромонах и гоплит – передерутся насмерть; пришлось употребить власть и определить, что лошадь впредь до особых распоряжений поступает в число средств передвижения, как оба катера, а ездить на ней будет тот, кому в данный момент это потребуется по обстоятельствам.

Уве-Йорген, конечно, сразу же заявил, что у него такие обстоятельства имеются: надо, мол, объездить весь этот район, проверить, нет ли засад и не шныряют ли вражеские лазутчики. Я сказал:

– Ты прав, Рыцарь, только разведка – не для кавалерии, и это сделает Питек – обойдет весь район, даже не ступая на землю. А у нас есть дела посерьезнее.

Уве-Йорген, кажется, всерьез обиделся, но дисциплина была у него в крови, и он подчинился беспрекословно, только надвинул берет на нос – в знак недовольства начальством.

Но я и на самом деле считал, что у нас есть более важное занятие. Поэтому, наведя относительный порядок, я попросил Анну заняться обедом, пока мы посовещаемся.

Она одарила меня не очень любезным взглядом и сказала:

– Это опасно: я могу вас отравить.

– Ну, – усомнился я, – вряд ли мы заслужили...

– Нет, просто я так готовлю.

И все же пришлось пойти на риск: нам были очень нужны рабочие руки. И я сказал собравшимся – экипажу и ребятам с девушками, страшно гордым тем, что оказали сопротивление страже и одержали победу (хотя и с помощью воздушно-десантных войск):

– А мы сейчас попробуем раскопать эту гробницу. – И указал на холмик, на могилу старого корабля.

– У нас не археологическая экспедиция, – возразил Рыцарь.

Я сказал:

– Меня просто поражает эрудиция лучших представителей рыцарства. А также их здравый смысл. И все же это не так глупо, как кажется на первый взгляд.

Уве-Йорген не сдался.

– Даже элементарные тактические соображения, – сказал он, – не позволяют остаться там, куда вскоре могут нагрянуть превосходящие силы противника.

– Не так-то уж и вскоре, – возразил я. – Не забудь, что у них нет ни мотопехоты, ни десантников.

– А мы-то что выиграем? – спросил он.

– Может быть, и ничего, – признался я. – Но не исключено, что многое.

– Ты думаешь?

– У меня есть все же какое-то представление о том, как снаряжались в ту пору экспедиции. С точки зрения логики люди, поставившие своей целью разыскать и колонизировать пригодную для обитания планету, должны были пройти специальную определенную подготовку, ты согласен? А это значит...

В глазах Рыцаря блеснул огонек, и я понял, что моя мысль дошла до него.

– Кроме того, – добавил я, чтобы окончательно добить его, – если мы захотим сию же минуту эвакуироваться отсюда, то Буцефала придется оставить: в катер его не запихнуть.

На это я и рассчитывал: ни Уве, ни Иеромонах с Георгием теперь по доброй воле не расстались бы с обретенным конем. И больше разговоров об отступлении не возникало.

Грунт здесь был песчаный, сухой и легко поддавался. Поразмыслив, мы предположили, что нос корабля находится в той стороне, где был подкоп, – в этом нас убедила едва заметная кривизна борта. Нам нужно было найти люк, мы не знали, где он может находиться, но решили, что примерно в одной трети общей длины от носа. Это было, конечно, чисто интуитивное решение. Так или иначе, мы принялись копать, оставив в дозоре только двух девушек.

Мы провозились до вечера, подобрались к борту в намеченном месте, но люка, к нашему огорчению, не нашли. Теперь надо было расширить прокоп, но это мы решили отложить до завтра. Стемнело, и волей-неволей пришлось трубить конец работ.

Мы разожгли костры, кое-как поужинали и потом еще долго сидели, глядя на пламя и думая каждый о своем. Питек как-то незаметно уснул у костра – ему было не привыкать. Иеромонах, кряхтя, соорудил подстилку из лапника, а над ней – что-то вроде навеса из того же материала, и вскоре они с Георгием тоже заснули. Уве-Йорген, проворчав что-то относительно уровня комфорта, направился спать в большой катер, а мы с Анной остались у костра одни, потому что ребята с девушками ушли спать в другое место – стеснялись нас, что ли. Анну они не пригласили, и я понял, что для них ее судьба представлялась уже решенной, – не знаю только, ко благу или наоборот.

Но мне вовсе не казалось, что все решено, да и ей тоже. И мы сидели молча, и даже не рядом, и только изредка бросали взгляды друг на друга, а главным образом глазели на костер, где, догорев, сучья разламывались на угольки. Мне все равно было бодрствовать еще часа два – я определил, что первую вахту буду стоять сам; Анна же, наверное, не знала, что ей делать, и я тоже не имел понятия.

Мы были знакомы, если разобраться, неполные сутки, и я не знал, каково ее отношение ко мне – если не считать того естественного уважения, которое она должна была испытывать ко мне хотя бы потому, что я прибыл издалека, из другого мира, и знал многое такое, что ей и не снилось. Но для женщины все это может играть какую-то роль, а может и не играть никакой; и, во всяком случае, это еще не повод, чтобы приблизиться к ней вплотную. Правда, у меня было чувство, что сейчас она пошла бы за мной, не говоря ни слова, и все, что могло бы случиться затем, приняла бы не только как неизбежное, но и как должное. Но я отлично понимал, что все это еще ничего не означало бы: просто день для нее необычно начался, необычно продолжался и, вполне закономерно, мог так же необычно и закончиться: день, когда все происходило в первый раз и девочка, кажется, была настолько ошеломлена всем, что не удивилась бы, если бы и еще что-то произошло сейчас впервые для нее.

Все было так; только я – так – не хотел.

У меня бывали приключения, бывали и в моей первой жизни, и в этой, новой: все-таки на Земле мы пробыли не так мало, и никто нас ни в чем не ограничивал. Приключения можно переживать, но жить ими нельзя; для жизни нужно что-то другое. И сейчас – я чувствовал – так же, как некогда с Нуш, мне нужно было что-то другое. Другое – причем навеки и до смерти. Сколько бы ни говорили о том, что все это – глупость и предрассудок (я и сам прежде так думал), с годами умнеешь. И становишься жадным: хочешь всего, а не только того, что на поверхности.

И я знал, что, как бы это ни было просто сейчас, я не дотронусь до нее. И знал, что такой вечер может не повториться. Что завтра она, скорее всего, станет смотреть на меня совсем уже иными глазами. И будет с облегчением думать о том, что нынешний вечер окончился так, как окончился, а не иначе. И что близости с ней может никогда не быть – особенно если учесть, что никто из нас не знал, сколь долгим или коротким станет для нас это многозначительное

«никогда». Я знал все это, но все должно быть так, как я решил. Вот почему я заранее и назначил себя на дежурство.

Я сидел и смотрел на костер, и ладонь моя поглаживала не ее пальцы, а гладкий приклад лежавшего рядом арбалета.

Все дело в том, что не просто женщина была мне нужна и даже не спутница жизни, как было принято говорить некогда. Мне нужен был спутник во времени, и им могла стать одна лишь она. Но только если бы поняла и захотела этого.

Очень плохо, страшно – выпасть из своего времени. Так нельзя жить. Невозможно сознавать, что ты один остался от целой эпохи. Что кануло куда-то все: люди, цели, книги, песни. И только в твоей памяти живы они. Что стихи, которые ты помнишь, не знает и не помнит никто из многих миллиардов людей – потому что очень немногие стихи переживают тысячелетия. Что слова, сказанные в твоём присутствии, давно умерли и забыты. Что никто больше не поет тех песен, которые так много значили для тебя, для твоего и смежных поколений. Что всего этого как бы вовсе не было...

Был, правда, здесь один человек, вместе с которым мы могли бы – если бы решились перейти молчаливо проведенную между нами черту – вспомнить не так уж мало. Но это были не те воспоминания, которые хочется тревожить. И хотя одиночество во времени было мучительным и нас обоих поэтому страшно тянуло порой друг к другу – но мы фехтовали всерьез, и клинки наших эспадронов были заточены как надо, хотя мы и не наносили друг другу серьезных ран – не хотели. Он бы тоже мог спеть что-нибудь (и напевал иногда, так же тихо, как я) – но это были его песни, а вместе нам петь было нечего.

Вот Анна могла помочь мне.

Не беда, что она точно так же не знала моих песен, моих стихов – моих не по авторству, а по праву единственного теперь владельца, – не знала ничего. Она была человеком из моего времени, потому что была так странно, до мелочей похожа на ту девушку, которая наверняка числилась среди ее предков. Мне не надо было преодолевать барьер несовместимости, существовавший – хотели мы этого или не хотели – между каждым из нас – и людьми современности, между каждым из нас – и людьми этой планеты, каждым из нас – и каждым из нас. Тут этого барьера не было; и она была очень молода, Анна, слишком, может быть, молода для меня, но, значит, у нее было время перенять от меня то, что нужно, чтобы стать моей спутницей во времени, чтобы нас было двое. Я хотел быть вдвоем; я знал, что хорошо дуть на раскаленные уголья, когда их много: они загорятся и передадут огонь всему остальному. Хорошо дуть в костер; но нельзя дуть на свечку – она не разгорится, она погаснет. И на спичку нельзя: ее не раздуешь. Надо подождать, пока она не передаст свой огонек другому, более серьезному топливу.

И вот я не хотел дуть на спичку, хотел дожидаться, пока загорится по-настоящему. Хотя знал, что ее глазу и ее ощущениям спичка может показаться костром; как-никак даже спичка может обжечь; но на спичке не сгоришь, и я это знал, а Анна – нет.

Поэтому мы сидели вдвоем у костра, и я не говорил того, что хотелось сказать, что бродило во мне, кипело, рвалось наружу. Наверное, я неправильно понимал жизнь; мне казалось, что все неправильно – одна ночь между двумя странными днями, когда ты не знаешь, что будет завтра, где ты окажешься, какие обстоятельства и как заставят тебя действовать; мне казалось, что ты ничего не сможешь пообещать, не сможешь быть честным до конца; мне казалось, что сначала нужно справиться со всем остальным и только тогда говорить женщине о том, что она для тебя – все и ты ложишься и встаешь с мыслями и чувствами о ней, с хорошими мыслями и чувствами, что ты уже не можешь думать, красива она или нет, добра или зла, умна или не очень – все это не важно, таких категорий больше не существует, она достигает в твоём сознании уровня матери: матерей не обсуждают... Только тогда можно говорить о том, что я хочу быть для нее всем – ее ветром и солнцем, словом и мыслью, книгой и зеркалом; что она

для меня – вся материя мира и вся пустота его, которую я должен заполнить до конца, и вся удивительная простота и сложность вселенной, и цель жизни, и ее оправдание и содержание... Только тогда, казалось мне, будет у меня право говорить об этом.

Наверное, это было неправильно. Наверное, надо было сказать все тотчас же, там, у костра, лесной ночью; но я не мог. Сознание далеко не всегда переходит в действие. Может быть, дело было и в том, что я за долгие годы разучился произносить такие слова: не было повода; а может, имело значение, что я однажды уже был готов сказать это – той, первой ей, – но она не позволила, и сейчас я просто-напросто боялся.

И вот я повернулся к ней и сказал:

– Ну, иди спать. Завтра проспишь все на свете.

Она взглянула на меня, потом послушно встала.

– Куда? – тихо спросила она.

– Я бы на твоём месте улегся в нашем катере. Мне все равно сторожить, а потом я где-нибудь приткнуся.

– Ты сможешь прийти туда. Нет-нет, ты только не думай...

– Я и не думаю. Нет, я лягу на место того, кто сменит меня. Или заберусь в большой катер – там просторно.

Она кивнула.

Я подошел к ней и спросил:

– Ты не обиделась?

И подумал: а может, все это – бред собачий? Почему я валяю дурака? Вот я, и вот – она. И между нами – пара слоев ткани и совсем немного воздуха. И...

– Нет, – сказала она. – Что ты!

– Я люблю тебя, – сказал я. – И хочу, чтобы мы всегда были вместе.

Она тихо ответила:

– Мне кажется, я счастлива...

И я понял: что бы ни случилось потом, это я запомню навсегда. И если мне в конечном итоге придется подышать от раны в живот или от вспышки Сверхновой – я все равно буду помнить тихое: «Мне кажется, я счастлива...»

– Хороших сновидений, – сказал я. – Включить тебе печку?

– Нет, – сказала она. – Не холодно.

– Спокойной ночи.

Я вернулся к костру. Вскрикнула ночная птица, пролетела пяденица, и снова была тишина.

Теперь я по-настоящему остался один. Петь больше не хотелось, дежурство не требовало особого напряжения: противник (если можно было всерьез называть так людей, вовсе не хотевших тебя убить) ночью не сунется: ночью можно случайно попасть в человека; хищников здесь, видимо, не было, – во всяком случае, ни их самих, ни следов не заметил даже такой специалист, как Питек. Надо было чем-нибудь заняться, чтобы скоротать время до того, как придет пора будить сменщика.

Я подошел к трофейной телеге. Мы притащили ее сюда, когда нам понадобились лопаты. Кроме лопат, в ней была еще всякая всячина: два медных котла, дюжина глиняных кружек и одна алюминиевая (вещь, видимо, великой ценности, если вспомнить о ее возрасте: вряд ли они тут умеют плавить алюминий; странная это была цивилизация, где глиняная посуда следовала за алюминиевой, а не наоборот), стульчик-разножка, кочаны капусты, несколько круглых буханок хлеба, бочонок с солониной, несколько грубых одеял, связанных в пакет. И еще одна странная штука.

Она была похожа на деревянный чемодан, плоский, прямоугольный, с ручкой наверху и треногой-подставкой, напоминавшей фотографический штатив. Крышка чемодана была черной, гладкой на ощупь, похоже, что она была сделана из стекла или чего-то в этом роде – не из цельного стекла, а из множества круглых стеклышек, вделанных в деревянную раму. Крышка закрывалась плотно, и я изрядно повозился, пока не открыл чемодан. Внутри он был устлан по дну тонкой металлической сеткой, и из каждого перекрестия проволочек торчала тонкая короткая иголочка. В центре дна было прикреплено металлическое полушарие – оно сидело на сетке, как паук в паутине. Больше в чемодане ничего не было. Ума не приложу, для чего могла предназначаться такая конструкция. Я пожал плечами, закрыл чемодан, положил его на телегу и снова стал напевать.

Ночью нас никто не потревожил, и мы более или менее выспались. На следующий день мы лишились лучшей части нашего непобедимого войска. Нельзя было терять времени, и трое – Иеромонах, Георгий и Питек – покинули нас, чтобы заняться делом.

Нам нужна была информация, как можно больше информации. Роясь в земле или сражаясь с местными ополченцами, мы не забывали главной задачи: добраться до здешних правителей и доказать им, что опасность смертельна и эвакуация неизбежна. Идя на переговоры, всегда следует как можно точнее знать слабые места противника и в случае нужды нажимать на них – порой деликатно, а порой и совсем грубо. Одна лишь логика никогда еще не решала судьбы каких бы то ни было мирных конференций, тут играли роль и эмоции, и хитрость, и мало ли еще что, но информация – прежде всего. Мы вовсе не хотели идти на переговоры, от которых зависело столь многое, с предчувствием неудачи или, выражаясь иначе, не хотели начинать игру на поле противника, не понаблюдав сперва за его командой и не посадив на трибуны некоторого количества наших собственных, достаточно горластых болельщиков.

И вот, как мы решили еще на корабле, Иеромонах отправился, чтобы окинуть взглядом хотя бы ближайшие крестьянские поселения, – судя по тому, что рассказали нам ребята, тут жили в чем-то вроде сельскохозяйственных поселков, это были не совсем деревни и уж подавно не хутора (что сильно осложнило бы нашу работу). Иеромонаху следовало смотреть и слушать, а при случае и вставить словечко. К крестьянам он пошел с радостью, сказав:

– Горожане народ ушлый, хитрый. Поганцы они. С крестьянином же мне способнее. Я сам из мужиков, так что разберусь уж как-нибудь.

Поехал он верхом, поменявшись нарядом с одним из парней. Уве-Йорген заметно приуныл.

Остальные двое, Георгий и Питек, должны были на катере отправиться в столицу. С собой они взяли одну из девушек – указывать дорогу, и тоже нарядились по здешней моде. Их было трое, и пришлось дать им большой катер. В столице им было приказано, прежде замаскировав катер где-нибудь за городом, пошататься около правительственной резиденции, поглядеть, легко ли туда попасть или трудно, и выяснить, не там ли находится Шувалов. Если его там не окажется, к вечеру или на другой день они должны были вернуться, а если он там – попытаться освободить его и выполнять его указания. Ходить в город рекомендовалось по одному, чтобы не оставлять катер без присмотра: мы не могли позволить себе лишиться основного средства транспорта. Сам я решил еще задержаться: закрытый корабль не давал мне покоя.

Когда они отбыли, мы с Уве и оставшимися ребятами принялись за раскопки. Трое ребят в наших комбинезонах выглядели довольно-таки нелепо: длинные брюки и рукава с непривычки очень стесняли движения. Но скоро и они, и мы разделись почти до без ничего.

Люк мы разыскали только к вечеру. Пришлось изрядно повозиться, прежде чем удалось открыть его. Могу смело сказать, что мы с Рыцарем проявили недюжинную изобретательность, а также техническое остроумие. Было уже время ложиться, но мы не могли утерпеть и, отправив остальных спать, вооружились фонарями и полезли в корабль.

Против моих ожиданий, он не был набит землей. Древняя конструкция с честью выдержала многовековое испытание. Вместо земли корабль был набит тишиной. Мертвый воздух стоял в нем неподвижно, как в коридорах пирамид. Корабль этот не был приспособлен для горизонтального положения, и для нас все в нем перепуталось, мы не сразу могли понять, где пол, где потолок, тем более что привычная нам конструкция с автономной гравитацией в каждом помещении очень сильно отличалась от того, с чем мы встретились здесь. И мы бродили, угадывая и не угадывая, иногда обмениваясь словечком, но в основном молча. Ощущение было такое, что мы ходим среди мертвецов.

Казалось, мы вполне могли сэкономить два дня и не раскапывать этот памятник старины. Потому что в нем было пусто. Ничего удивительного: все, что люди везли с собой, должно было послужить им и на новом месте и, надо полагать, послужило. Так что раздет корабль был буквально до ребер. Сорвали даже внутреннюю облицовку, и везде виднелся один лишь металл, по которому, сливаясь и разбегаясь, струились силовые, информационные и прочие кабели.

Мы шли все дальше и дальше. Здесь, в отличие от нашего корабля, ближе к люку располагались жилые помещения, а управление было вынесено вперед – или вверх, как вам угодно. Когда нам стали попадаться не до конца демонтированные пульты с приборами – в основном ходовыми, а не энергетическими, – мы поняли, что идем уже по отсекам управления. Их оказалось совсем немного – это понятно, учитывая, что и энергетика, и двигатели машины, не умевшей покидать трехмерное пространство, были намного примитивнее наших. Зато сама машина, ее набор и переборки выглядели значительно массивнее: она была рассчитана на долгие десятилетия полета, и ее строили с солидным запасом.

Наконец мы дошли до конца – попали в отсек, из которого можно было идти только назад. Это был просто конический закуток, набитый проводами. Обшивка здесь была слегка вмята. Ничего интересного в отсеке не оказалось.

Мы возвратились в соседний с ним отсек, – видимо, когда-то тут стояли астрономические инструменты и приборы, я понял это по уцелевшим креплениям. Уве-Йорген осветил меня своим фонарем и сказал:

– Ну, надо полагать, ты доволен?

Тон его был в точности таким, чтобы я не обиделся – но и понял, что он обо всем этом думает. Я ответил:

– Фактам приходится верить – и все же я еще не убежден, что все зря. Просто мы не подумали как следует.

– Причину найти всегда можно, – сказал Уве.

– Я не оправдываюсь, – пояснил я. – Просто я всегда доверял интуиции.

– В конце концов ничего страшного, – утешил меня Рыцарь. – При случае эта лайба нам пригодится – в ней можно чудесно отсидеться, если нам придется туго.

Это мне не очень-то понравилось.

– Ты говоришь так, будто нам неизбежно придется драться со здешними.

– Как же иначе? – сказал Уве-Йорген. – Мы ведь уже начали.

– Ничего, – сказал я. – Договоримся.

– Дорогой капитан, – сказал он мне. – С кем договариваются? Договариваться надо с побежденным. С капитулировавшим. Безоговорочно капитулировавшим. А ведь мы хотим, чтобы они приняли наши условия безоговорочно, не так ли?

– Да какие уж тут компромиссы.

– Значит, прежде надо поставить их на колени.

Нет, все это мне никак не нравилось.

– Слушай, брось мыслить по образцу... Крестовых походов!

Он усмехнулся.

– Зачем же ты тогда ищешь... то, что ищешь?

Я задумался: в самом деле, зачем я это ищу?

– Видишь ли, – сказал я, – это совсем другое дело. Просто хочу обезопаситься от случайностей...

Тут он засмеялся.

– Ты дипломат, – сказал он. – Тебя сразу выдает привычка не называть вещи своими именами. Ладно, все равно мы оба понимаем, о чем идет речь. Только боюсь, что ищем мы все-таки напрасно. Все, что можно было снять и унести, с корабля снято и унесено. Почему же ты думаешь, что нужные нам вещи остались здесь? Я полагаю, что их-то взяли в самую первую очередь!

– Так, конечно, могло быть. Но думается – в таком случае нас вчера атаковали бы не с арбалетами...

– Ну, со временем все изнашивается.

– Однако, если вещь по-настоящему нужна, ее стараются воспроизвести. Хотя бы приблизительно, на уровне техники данной эпохи. Попроще, похуже – но воспроизвести.

– Мы можем долго спорить по этому поводу, но факты, капитан, против тебя: того, что ты надеялся увидеть – и я тоже, откровенно говоря, – тут нет.

– И тем не менее посмотрим еще раз.

– Посмотрим еще три раза, если тебе угодно.

И мы снова направились туда, где, по нашим представлениям, помещался центр управления кораблем.

Там действительно было пусто. Металл переборок и жгуты проводов. Осколки стекла. Обломки древнего, растрескавшегося пластика. Больше ничего.

– Ну, убедился?

– Обожди, – сказал я. – Обожди, пожалуйста.

Я стал соображать, как все это выглядело, когда корабль был жив. Главный пульт. Экраны – там, куда идут толстые пучки проводов. Я осветил другую переборку. Тут, похоже, стоял инженерский пульт. Хорошо. Третья переборка. В ней – ход в соседний отсек. Переборка гладкая, без приборов. И толстая, если поглядеть на дверной проем. Весьма толстая. Сантиметров двадцать! К чему? Это было бы понятно, если бы по соседству помещались ядерный реактор или двигатели. Но они – в другом конце корабля. Я подошел и постучал по переборке. Гулко. Нет, это не сплошной металл, разумеется. Я пошарил лучом. Уве-Йорген смотрел с интересом, потом приблизился, и мы стали светить в два фонаря.

– Тонко сделано, – сказал он с уважением.

Действительно, узкая щель замочной скважины – и больше ничего.

– Вот вторая, – сказал он.

– И вот еще.

– Три замка, – сказал он и чертыхнулся.

– И ключи наверняка у разных людей. Тройной контроль. Да, они относились к этому серьезно.

– Интересно, – сказал он, – что там?

– Думаю, – сказал он, – что-нибудь знакомое.

– Предполагаешь? Или надеешься?

– Исхожу из того, что эта техника достигла пика в двадцатом – двадцать первом веках.

И потом резко пошла на спад.

– Что ж, дай бог. – И голос его дрогнул. – Дай бог.

– Только как открыть? Тут и уцепиться не за что.

– Это мы откроем! – произнес он яростно. – Уж это-то мы откроем! Сейчас принесу инструменты.

Он вскоре вернулся с катерным набором.

– Что там? – спросил я.

– Все спят, – сказал он. – Кроме вахтенного.

– Ага, – сказал я.

– И она спит, – дополнил он. – Одна.

– Ну, знаешь ли... – сказал я.

– Виноват, капитан, – сказал я. – Ну, прикажешь начать?

Мы принялись за дело. При катере был хороший комплект инструментов, они уже помогли нам, когда мы вскрывали люк. Правда, тот замок был не столь сложен, сколь прочен, здесь же наоборот. Но мы и не заботились о целостности замков. Лязг и грохот стояли такие, что я испугался, как бы ребята не разбежались спросонья, предположив, что начинается землетрясение.

Когда мы раскромсали второй замок, Уве-Йорген спросил:

– А ты думаешь, это там сохранилось?

– А что ему могло сделаться? Особой сырости нет. А там все должно быть на консервации.

– Ну, посмотрим, – пробормотал Рыцарь взволнованно. – Посмотрим...

И третий замок продержался недолго. Правда, нам никто не мешал взламывать, а на это замки не были рассчитаны.

Мы сняли железную панель. Она оказалась тяжелой и чуть не отдала нам ноги. Мы едва удержали ее.

Все оказалось здесь. Блестя консервационной смазкой, они стояли в пирамиде, надежно закрепленные. Ниже, в выдвижных ящиках, оказались патроны.

Уве-Йорген схватил автомат и прижал к себе, как ребенка, не обращая внимания на жирный слой оружейного сала. Он баюкал автомат и пел песенку. В его глазах было вдохновение.

– Ну, – сказал он, – теперь-то мы наверняка спасем их, захотят они того или нет!

А я подумал: Земля, мы получили твой привет сквозь столетия, получили в целостности и сохранности. Но до чего же странен этот твой привет, и мне не понять сразу, благословение это или же проклятие...

Уве-Йорген оттянул затвор и громко щелкнул им. Железные переборки глухо отразили лязг, как будто прозвучал отдаленный раскат грома.

Наутро Уве-Йорген сразу же занялся приведением оружия в боевую готовность. Ребят он заставил помогать.

– Пусть привыкают к оружию! – сказал он мне.

Пусть привыкают, подумал я. Большой беды от этого не будет. Если выйдет по-нашему и мы эвакуируем планету, то им никогда больше не придется иметь дела с этими штуками. А если наша затея сорвется – тогда все равно. Тогда они не успеют...

Все же мне было не по себе. Но больше медлить я не мог.

– Отправляюсь на поиски того, настоящего леса, – сказал я Рыцарю.

– Лети, – не отвлекаясь от дела, согласился он. – А куда, ты знаешь?

– Ребята говорили, что знают направление и город, в котором вроде бы начинается тайная тропа.

– Возьми кого-нибудь из них, пусть покажет.

– Нет, – сказал я. – Мы ведь не знаем, что там за обстановка. Зачем впутывать ребят?

– Оружие возьмешь?

– Нет. Оно меня сразу демаскирует.

– Разумно, – согласился он.

– Так что пока командуй. И... знаешь что? – Я запнулся.

– Будь спокоен.
Собравшись, я подошел к Анне. Она с отвращением занималась стряпней.
– Я скоро вернусь.
– Да, – сказала она, словно бы мы сидели дома и я собрался на угол за сигаретами. – Только не задерживайся.
– Нет, – сказал я. – Туда и обратно.
Я сел в катер и поднял машину в воздух.

Глава тринадцатая

– Убийство! – сказал судья. – Покушение на убийство. В моем округе, в моем городе хотели убить человека! Мало тебе было прежних нарушений закона!

Судья постарел прямо на глазах. Шувалов смотрел на него и жалел; ученый и сам чувствовал себя до невозможности скверно, мелкая, подлая дрожь в руках никак не унималась. Ничто не могло сравниться по отвратительности с тем, что он сделал. Сейчас ему бы уже не решиться на это, но так было нужно. И надо довести начатое до конца: раз уж ты преступник, то и вести себя надо, как надлежит преступнику.

Беда была в том, что ни одного преступника Шувалов никогда не видел – лишь теперь он понял, что на Земле их, собственно, и не было, – и как должны они себя вести, не знал. Поэтому сейчас он лишь хмуро покосился на судью и, сделав над собой усилие, сказал:

– Молчи. Но то я убью и тебя тоже.

Но судья даже не обратил на его слова внимания. Он был слишком взволнован и занят своими мыслями. И бегал по комнате, размахивая руками.

– Ты сделал себе очень плохо! – воскликнул он, остановившись перед Шуваловым. – Ах, как плохо!

Ему было искренне жаль преступника.

– Я могу всех убить! – заявил преступник.

Судья отмахнулся.

– И мне ты сделал плохо, – уныло сказал он. – Что будет?

И в самом деле, какое скверное положение!

Если бы судья отправил преступника в столицу сразу же, когда тот был уличен в нарушении Уровня, все обошлось бы. Не было бы никакого покушения.

Теперь поздно. Покушения на убийство не замолчишь.

Если бы он еще оказался сумасшедшим!

Но врачи, столь уверенные прежде, теперь задумчиво покачивали головами. Да, конечно, есть много причин полагать так, говорили они. Но есть не меньше и поводов для сомнений, говорили они же.

Надо было что-то предпринять, пока негодный преступник не натворил чего-нибудь похуже. Хотя что может быть еще хуже, судья не знал и боялся об этом думать.

Судья категорически потребовал, чтобы врачи вынесли определенное суждение: да или нет. Спятил преступник или же здоров.

Но врачи хитрили, недоговаривали. Заявили, что не могут взять на себя такую ответственность. Надо, мол, показать в столице.

Это, как понимал судья, означало, что они в глубине души считают неизвестного здоровым, но не хотят ему зла. Это было естественно, но судье от этого легче не становилось.

Он едва удержался, чтобы не накричать на них.

В столицу-то можно было и сразу отправить!

И все же самое плохое было в другом.

Самое плохое было вот в чем: врачи, простодушные, поверили, что человек этот прибыл действительно оттуда, откуда говорил. Издалека. Откуда-то со звезд. Поверили потому, что он так рассвирепел.

Почему, ну почему в его округе должны начаться такие несусветные разговоры?

Судья снова остановился перед преступником.

– Зачем же это ты, а? – спросил он.

Шувалов подумал. Говорить правду было нельзя.

– Просто так, – сказал он и пожал плечами.

Теперь судья испугался по-настоящему.

– Придется везти тебя в столицу.

Шувалов кивнул и сказал:

– Вези.

Судья вздохнул и крикнул во двор, чтобы закладывали.

Вот это был город так город!..

Странно, если вдуматься. Что вызвало восторг? Гладкие, не булыжные, а тесаного камня мостовые, приподнятые тротуары, дома до пяти этажей – каменные, хотя встречались и деревянные в один и два этажа; это, что ли, восхитило? Или ладные экипажи на улицах, гладкие лошади? Или множество людей?

Как могло все это произвести хоть какое-то впечатление на прибывших с Земли, где стояла, вертелась, парила, летала могучая техника, где и дома стояли, висели, парили, погружались в океан, где по поверхности почти и не ездили больше, но летали по воздуху, потому что так было быстрее, спокойнее, приятнее, безопаснее... Ведь такая древность была тут по сравнению с планетой великой технической цивилизации!

Наверное, дело было в том, что они – те, кто восхищался, – сами к земной цивилизации не принадлежали, ее величие – если только оно действительно существовало, а не было придумано – ими не ощущалось, не воспринималось, как нельзя воспринять, оценить всю огромность башни, стоя вплотную к ее подножию. И другая причина заключалась, конечно, в том, что на Земле, современной Земле, они пробыли не так уж долго, не успели как следует осмотреться – и снова покинули ее, канули в пространство, и те, земные, впечатления подернулись уже дымкой, а эти, здешние, были свежими. Так что, пожалуй, не столь уж удивительно, что Георгий и Питек, идя по улице, украшенной вывесками и красивыми масляными фонарями, искренне восхищались тем, что видели окрест.

Особенно тронуло их одно событие: по тротуару шли детишки – совсем маленькие детишки, десятка два; их вели две серьезные, исполненные достоинства женщины, и прохожие добро смотрели на них, а дети болтали, а иные шли важно, солидно, а кто-то сосал – видно, конфету, но о конфетах эти двое землян не знали. Георгий и Питек остановились, пропуская детишек мимо, а потом обернулись и проводили их взглядами, и Георгий сказал:

– Здоровые дети. Только очень много говорят.

– Да, – согласился Питек. – Думаю, что отцы их промышляют не охотой. И им не приходится делать дальних переходов, когда женщины несут детей на спине или на боку.

И он засмеялся, но быстро перестал, и они посмотрели друг на друга.

– Дети, – хмуро сказал Георгий и взглянул наверх, и Питек тоже посмотрел туда, где находился податель света, тепла и жизни, ласковый и ни с кем не сравнимый в своем скрытом коварстве. После этого оба зашагали быстрее, спеша к центру города, в ту сторону, куда ехало больше экипажей и шло людей и где, как сказала девушка, и надо будет искать дом Хранителей Уровня. Девушку они с собой не взяли, а оставили в катере – велели защелкнуть люк изнутри и сидеть смирно. Чтобы ей не было скучно, включили тривизор, засыпали в приемник горсть кристаллов с записями, которых должно было хватить без малого на сутки. Ключ взяли с собой.

Эта сторона проблемы была решена ими быстро и хорошо. А пойти в город они решили все-таки вдвоем вопреки рекомендации. Потому что надо было сориентироваться так, чтобы потом можно было понимать друг друга с полуслова. И еще потому, что никто из них не соглашался ни оставить девушку с коллегой вдвоем в катере, ни отпустить ее с коллегой в город, опять-таки вдвоем. Потому что девушка нравилась им обоим – ну и так далее.

Они шли, мимоходом оглядывая дома, стоявшие не сплошняком вдоль тротуаров, а зигзагами, в изломах росли деревья и зеленела трава, кое-где паслись даже лошади; смотрели на небольшие зеркально-спокойные пруды, в которых плавали небольшие голубые и темно-розовые птицы, похожие на миниатюрных лебедей; и на другие пруды, где плескались пестрые рыбы, иногда выползавшие на берег и преодолевавшие несколько метров по суше; люди останавливались и смотрели на них, но не ловили, а улыбались, переглядывались, кивая головами, и шли дальше. Георгий и Питек тоже останавливались, и Питек вдруг сказал Георгию, что проголодался, после чего они пошли дальше.

Большой открытый стадион попался им на пути. Соревновались бегуны, и на трибунах было много людей; такое Питек и Георгий успели посмотреть и на Земле, но тут было иначе: люди сходили с трибун, снимали рубашки и выходили на дорожку, и бежали, и трибуны все так же волновались и шумели. Те, кто уже пробежал, одевались и снова поднимались на трибуны, и начинали кричать и махать руками вместе со всеми. Земляне посмотрели, и Питек сказал:

– Ну пойдем.

– Пойдем, – согласился Георгий. – Бегают они хорошо. Но я обогнал бы любого.

– И я тоже обогнал бы, – сказал Питек.

– Может быть. Но я – наверняка.

– Ну, меня тебе не обогнать, друг Георгий.

– Что ты, – сказал Георгий. – Я выше ростом, и ноги у меня длиннее, и я бегаю лучше, потому что умею бегать.

– Это все правда, – сказал Питек, – но тебе никогда меня не обогнать, и никого из нашего народа ты не обогнал бы. Я уже не говорю – на деревьях, но и на земле тоже.

– На деревьях ты, конечно, меня обгонишь, – согласился Георгий. – Но на земле лучше и не думай. Пойдем?

– Пойдем, – согласился Питек. И они пошли, только не прочь, а поближе к дорожке. Там они немного постояли, пока те, кто бежал, не закончили состязания, а когда стала готовиться новая группа, Питек и Георгий сняли рубашки и, как и все другие, положили их на траву; потом они встали в ряд со всеми, но не стали опускаться на колени, как те: Георгий согнулся и оперся локтем о колено, а Питек лишь наклонился слегка и выставил плечи вперед. Ударил гонг, и они побежали; горожане сразу ушли вперед – наверное, начинать бег с четверенек было все-таки выгоднее, – но Георгий быстро догнал их, и вырвался вперед, и уже до самого конца не выпускал вперед никого. Питек очень старался, но так и не смог обогнать его, и Георгий прибежал первым, а Питек – четвертым.

– Вот, – сказал Георгий, надевая рубашку и слушая, как кричат в его честь трибуны. – Я говорил, что обгоню тебя.

– Ладно, – неуступчиво сказал Питек, – это не настоящий бег. Я еще не успел даже начать как следует, и мы уже прибежали. На таком расстоянии, друг Георгий, оленя не догонишь, за ним надо бежать долго, не отставая, и он устанет раньше тебя, и тогда ты начнешь понемногу догонять его и наконец догонишь. Так, как бежишь ты, можно бегать за девушками, когда выбираешь жену, потому что та, которая хочет, чтобы ты ее выбрал, только поначалу будет бежать быстро, а потом ты ее нагонишь и схватишь, и она будет твоя. А на охоте так бегать нельзя.

– Мы не бегали на охоте, – сказал Георгий. – Наши овцы и свиньи вовсе не бегали так быстро, когда успевали нагулять хороший жир. И за девушками мы не бегали, у нас выбирали

жен иначе. Нет, мы быстро бегали, чтобы не дать врагу уйти. За врагом надо бежать вот так, как бегаю я.

Теперь они пошли наконец дальше, мимо скульптур на углах, глядя на встречавшихся женщин, чувствуя удовольствие от того, что одеты те были очень легко: смотрели доброжелательно, если женщины были одни, и хмуро – если шли с мужчинами. Они оба тоже чувствовали себя легко и удобно в чужих нарядах, потому что у себя на родине и тот и другой часто ходили вообще без ничего или же один накидывал легкую тунику, другой – наматывал вокруг бедер кожаную повязку. Впрочем, сейчас они привыкли уже и к брюкам, они быстро ко всему привыкли... Смотрели они и на лошадей; Георгий многозначительно косился на Питека, и тот согласно кивал, хотя в лошадях и не разбирался. Но лошади и в самом деле были хороши.

Так – не торопясь особенно, чтобы не выделяться из других, – вышли они на центральную площадь.

Она была прямоугольной, не очень обширной, и две длинные стороны ее занимали невысокие, непохожие друг на друга, но одинаково длинные здания. Одно было странным – просто громадный параллелепипед без окон и, казалось, даже без дверей; во всяком случае, с площади туда было не попасть. Второе такое же, во всю площадь, здание напротив было в четыре этажа и по высоте почти равнялось первому, но его фасад украшало множество больших окон, занавешенных изнутри белыми занавесями. В этом доме было целых три входа, и возле них стояли и к ним подъезжали экипажи, то и дело из дома выходил человек – чаще всего в руке у него была сумка или чемоданчик, – садился в экипаж и брал вожжи; или же возница погонял лошадей – если он был возница. Георгий посмотрел и сказал:

– Это не то что колесница. Колесница гораздо красивее.

Питек промолчал. Его народ не знал колеса.

Дом с окнами, судя по всему, и был обиталищем Хранителей; именно таким описала его девушка.

Они прошли мимо, приглядываясь. Не было охраны, никто их не останавливал, не смотрел на них. На углу площади они остановились.

– Кажется, войти туда просто, – сказал Питек.

– Может быть, только кажется, – усомнился Георгий.

Они еще постояли.

– Хорошая площадь, – сказал Георгий. – Но маленькая. Не знаю, можно ли собрать сюда всех граждан этого города.

– А зачем? – спросил Питек.

– В мое время, чтобы решить такой, например, вопрос, с каким прилетели мы, граждане собрались бы на площади и решали сообща.

– Наше племя тоже собиралось, – сказал Питек. – Только у нас не было ни городов, ни площадей. У нас было куда просторнее.

Они помолчали.

– Вообще-то, у нас был царь, – сказал Георгий.

– У нас – вождь. И старики. Они говорили. Мы слушали.

– Но сюда никак не собрать всех граждан, которых мы видели на улицах, – сказал Георгий.

– А зачем? – снова спросил Питек.

– Если со здешними вождями можно договориться, все хорошо. А если не удастся?

Питек поразмыслил.

– У нас, – сказал он, – в таком случае бывало так, что приходилось выбирать нового вождя.

– А старый соглашался?

– Ему, – сказал Питек, – в тот момент было уже все равно.

– Думаешь, и здесь можно так?

– Я думаю, – сказал Питек, – что нас и прислали затем, чтобы мы посмотрели: можно или нельзя.

– Ты прав, – согласился Георгий. – Но я думаю иначе. Если не удастся справиться с вождями, надо созвать народ. И обратиться к нему. У нас, правда, так не делали, так делали в Афинах. Но Афины тоже были большим городом. Можно без стыда перенять кое-что и у них.

– Хорошо бы, чтобы удалось, все равно как, – сказал Питек. – Потому что иначе от всего этого ничего не останется. А будет жалко. Они хорошо живут.

– Будет жалко детей, – сказал Георгий.

– Женщин тоже, – сказал Питек. – Ладно, пройдем еще раз мимо дома. Если нас не остановят, я войду, а ты станешь наблюдать с той стороны площади. Если я не выйду через час, иди к катеру. Но не улетай сразу, а жди до вечера.

– Хорошо, – согласился Георгий.

Они снова пошли к дому Хранителей, и их никто не остановил. Тогда Питек кивнул Георгию, повернулся и быстро взобрался на крыльцо.

Георгий пересек площадь и остановился на противоположной ее стороне, у странного фасада, лишённого окон и дверей.

Мимо проходили люди. Присмотревшись, Георгий заметил, что, выходя на площадь и поравнявшись с домом, у которого он стоял, они на миг наклоняли головы, словно отдавая короткий поклон. Он наблюдал несколько минут, стараясь одновременно не упустить из виду и дверь, за которой скрылся Питек. Ни один человек не прошел мимо, не сделав этого мимолетного движения.

Георгий стал прохаживаться вдоль здания взад и вперед, напевая про себя мотив, который человеку другой эпохи показался бы, наверное, слишком монотонным и унылым. Георгию так не казалось. Они, триста спартиотов, пели эту песню вечером, зная, что персы рядом и утром зазвонят мечи.

Питек все не выходил. Подъезжали и отъезжали экипажи. Иногда проносились верховые. Стук подкованных копыт был приятен. Вот один верховой остановился у подъезда (конь взвился на дыбы), соскочил, бросил поводья и бегом поднялся на крыльцо. Он тяжело дышал, одежда его местами была порвана и свисала клочьями.

Георгий проводил его равнодушным взглядом.

То, что произошло на месте первого приземления обоих катеров, иными словами – стычка со стражей или ополчением (трудно найти для них точное название), произошло в его представлении так давно и так близко отсюда – неполных два часа полета, – что ему и не пришло в голову: только сейчас весть об этом происшествии могла и должна была достигнуть – и достигла – столицы.

Продолжая наблюдать, Георгий, чтобы не мешать прохожим, посторонился, отступая к самой стене непонятного строения, и оперся о нее ладонью.

И тут же пристально взглянул на ладонь и потом на стену.

С виду стена была каменной. Но, прикоснувшись к ней, Георгий ощутил странную теплоту. Камень был бы намного холоднее, даже согретый солнцем. Нет, это был не камень, хотя внешне материал очень походил на него.

Это, несомненно, был пластик.

Открытие заставило Георгия насторожиться. И город, который только что казался ему мирным и простым, вдруг сделался непонятным и угрожающим. Георгий ощутил беспокойство.

Однако внешне это никак на нем не отразилось, и он продолжал стоять, опершись спиной о теплую стену и не спуская глаз с подъезда по ту сторону площади.

Только отсчет времени в его мозгу стал другим. Минуты вдруг начали растягиваться.

Но час еще не истек, и Георгий не сдвинулся с места.

Войдя в здание, Питек очутился в просторном вестибюле, стены его были отделаны резным деревом. Продолговатый вестибюль был параллелен фасаду, от него отходило несколько коридоров. Заглянув в один из них, Питек убедился в его неимоверной длине: конец коридора исчезал в полумраке. Здание, видимо, занимало площадь целого квартала.

По вестибюлю сновали люди. Питек остановился, чтобы как-то освоиться с обстановкой. Через несколько секунд к нему подошел человек.

– Что привело тебя сюда? – доброжелательно спросил он.

Питек немного подумал.

– У меня дело.

– Никто не приходит сюда без дела, – тем же тоном сказал человек. – И конечно, ты хочешь изложить свое дело самим Хранителям Уровня.

– Да, – сказал Питек. И добавил: – Если это возможно.

Человек улыбнулся.

– Мне нравится, что ты понял: дел очень много, Хранителей же Уровня, как ты знаешь, мало. И они могут заниматься только самыми важными делами.

– У меня как раз такое дело, – заверил Питек.

– Я верю тебе. Для каждого человека его дело – самое важное. Но позволь и нам убедиться, что дело твое действительно важно и не терпит отлагательств. Скажи, не изобрел ли ты машину, которая может работать постоянно, не требуя ни дров, ни водопада?

– Я не изобретаю машин.

– И делаешь правильно. Все машины уже изобретены, и ошибается тот, кто считает, что можно придумать что-то еще. На свете есть только один Уровень, и это – наш Уровень. Или, может быть, ты думаешь иначе?

– Нет, – сказал Питек. – Я думаю точно так же, как ты.

– Это очень хорошо. Но о чем же хочешь ты говорить с Хранителем Уровня?

Но Питек уже принял решение. В конце концов, вести переговоры он не был уполномочен, его дело было – разведать подступы.

– Знаешь, я сказал тебе неправду.

– Вот как? Я не уверен, что это хорошо...

– Нет, конечно. Но у меня нет никакого важного дела. Я просто хотел увидеть живого Хранителя Уровня. Я никогда не видел ни одного Хранителя Уровня.

– Ах, вот в чем дело, – сказал человек и улыбнулся. – Ну это понятно. Ты ошибаешься, если думаешь, что такое желание возникло только у тебя. Очень многие хотят увидеть Хранителя Уровня. Но согласись: если бы стали удовлетворять все эти желания, Хранителям пришлось бы только тем и заниматься, что показываться людям. Когда же они стали бы хранить Уровень?

– Да, ты прав, конечно, а я – глупец.

– Вовсе нет. Ты честный гражданин. И желания таких граждан мы должны удовлетворять. Для этого здесь нахожусь я. И вот...

Он умолк. В вестибюль вбежал человек. Дыхание его было затруднено, одежда висела ключьями, плечо левой руки было перевязано, и повязка порозовела. Оглядевшись, человек торопливо подошел к ним.

– Что привело тебя сюда?

На этот раз чиновник спросил быстро и деловито, не так, как у Питека.

– Тревожные вести из запретного района.

Питек отвернулся. Он узнал человека: это был тот, кто возглавлял стражу во время стычки.

- Что там?
- Кто-то. Там была схватка. Я ранен. И многие другие. Я сразу же бросился сюда.
- Где это? В городе?
- Нет. В лесу, подле того, что нельзя видеть.
- Иди. Иди прямо, минуя первое и второе звенья. Я сообщу.

Человек кивнул и почти побежал. Питек проследил за ним взглядом. Вестник свернул в средний коридор.

Чиновник снова повернулся к Питеку. На лице его была озабоченность, но через мгновение он уже снова улыбался.

– Так о чем мы с тобой?.. Ах да, ты хотел увидеть Хранителя. Пусть тебя не заботит то, что ты случайно услышал: это все безумства молодых людей, еще не нашедших себя в Уровне. И все же такие сообщения очень важны. Если ты тоже увидишь или услышишь что-то подобное...

– Тогда меня тоже допустят к самому Хранителю?

– О нет, этот человек не увидит Хранителя. Но он увидит одного из тех, кто вхож к людям, имеющим доступ.

– Я понял. Так ты покажешь мне?

– Конечно. Но только...

– Я должен что-нибудь сделать?

– Только одно. Ты будешь удивляться. Это неизбежно. Но знай: в том, что ты увидишь, нет никакого зла. И нет нарушения Уровня. Все это тоже входит в Уровень. Ты понял?

– Понял. Не бояться. И не удивляться.

– Не бояться. Пойдем.

Чиновник повел его не в коридор, а к одному из простенков между ними. Ключом отпер дверь.

– Войди.

Питек вошел. Чиновник вошел за ним и затворил дверь.

Здесь было темно. Но щелкнул выключатель, и зажегся свет.

Чиновник посмотрел на Питека.

– Я вижу, ты изумлен. Ты никогда не видел такого света?

– Я... конечно же нет. Где бы я мог увидеть его?

– Ты прав: больше нигде. Но взгляни сюда. Как ты полагаешь, на что это похоже?

Питек замаялся. Больше всего этот предмет был похож на видеоэкран, но вряд ли стоило говорить чиновнику такие вещи.

– Право же, не знаю... Не приходит на ум.

– Ты прав. Ну допустим, это похоже на маленькое темное окошко. И это на самом деле окно, только особое: в нем сейчас ты увидишь Хранителя!

И снова послышался щелчок выключателя.

– Вот, я открываю оконце...

Экран засветился.

– Смотри же!

В большой комнате, спиной к окну, сидел человек. Окно было завешено плотной белой занавесью.

Человек сидел за столом. Перед ним лежали какие-то бумаги. Он встал и сделал несколько шагов. Подошел к чему-то стоявшему у стены.

Это был пульт. Питек мог бы поклясться: пульт вычислителя, хотя и не очень мощного, явно устарелого.

Глядя на лист бумаги, что он держал в руке, Хранитель нажал на пульте несколько клавиш. После этого он возвратился к столу, но сел не сразу. Он подошел к окну, приоткрыл занавесь и несколько секунд глядел наружу.

В открывшемся уголке окна Питек увидел серую стену здания без окон. Значит, окно кабинета выходило на площадь.

Человек опустил занавесь и повернулся. Было видно его лицо. Человек выглядел задумчивым и усталым.

Он сел и снова углубился в бумаги.

Экран погас.

– Ты видел очень многое, человек! – сказал чиновник.

– О, я даже не знаю, как благодарить тебя...

– Будь честным гражданином – больше ничего не нужно ни Хранителям, ни мне, ни тебе самому. И еще одно: не спрашивай меня больше ни о чем.

– Не стану. Скажи только: наверное, быть Хранителем – очень трудно!

– Очень, очень трудно! Недаром же они готовятся много лет, постигая все тайны Уровня. Но достаточно, человек: ты увидел, что хотел, а у меня ведь есть и другие дела.

– Ты прав. Я бесконечно благодарен тебе...

Они вошли в вестибюль. Свет за спиной погас.

В вестибюле Питек едва не столкнулся со стражником, прискакавшим с вестью о стычке. Стражник только что вышел из коридора.

Взгляды их встретились, и Питек понял, что его узнали.

Стражнику и в самом деле трудно было забыть дикий взгляд продолговатых зеленых глаз, глаз охотника и кочевника. Во время схватки они уже смотрели друг на друга.

Питек поклонился чиновнику и поспешно зашагал к выходу.

Затворяя за собой дверь, он увидел, как стражник указывает в его сторону рукой и как меняется выражение лица чиновника.

Питек выбежал на крыльцо. Георгий с той стороны площади махнул ему.

Питек кивнул и побежал вдоль фасада.

Георгий поспешно пошел в ту же сторону.

Он был спокоен. Он заранее чувствовал, когда придется биться и когда дело кончится миром. Сейчас ощущения боя не было.

И в самом деле, никто не погнался за Питеком. Может быть, чиновник не поверил стражнику. А может быть, просто некому было броситься в погоню. В вестибюле не было стражи, да она и не была здесь нужна.

За углом Георгий нагнал Питека, и они не торопясь пошли по городу в том направлении, где в диком парке был оставлен катер с девушкой у экрана тривизора.

Город продолжал неспешно жить. Шли люди, ехали экипажи. Навстречу разведчикам попало несколько тяжелых возов. Каждый тянула пара сильных тяжеловесов. Колеса тяжело рокотали.

– Тяжелый груз, – заметил Георгий.

– Да. Но малый по объему.

– Железо.

– Пожалуй. Не слишком ли много сопровождающих?

Они проводили телеги взглядом.

– Что это может быть за железо?

Они переглянулись и одновременно кивнули.

И Георгий ощутил, что бой недалек.

– Ну, что ты успел? Видел Хранителя?

– Представь – да.

– Ого!

– И еще кое-что. В доме электричество и электроника.

Они остановились.

– Вот оно как... А я удивился, что здание напротив облицовано пластиком.
– Тоже интересно.
– Электричество... А силовая установка?
– Никаких следов.
– Она в здании или ток подводится по кабелю? Воздушной линии я не заметил.
Помедлив, они двинулись в путь, чтобы обойти весь квартал. Линии не оказалось.
– Значит, не простой городок...
– Что еще ты увидел?
– Я сообразил примерно, где помещается хотя бы один из Хранителей.
– Идем к катеру. Начинаю сомневаться, что мы найдем его там.
– Ты лети к нашим. А я останусь. Послежу за Хранителями. Может быть, узнаю что-нибудь о Шувалове. Если каждый прохожий может увидеть Хранителя, неужели Шувалов не добьется встречи с ним? Я буду ждать тебя ровно через сутки – местные – на месте посадки.

Уве-Йорген стоял подбоченившись. Автомат висел на его груди. Честный, добрый автомат.

– На месте! Раз, два, три!.. Вперед – марш!
«Музыка! – подумал он, прислушиваясь к глухому топоту. – Что все симфонии! Вот – музыка!»

– Взвод – стой! Раз, два!
Бетховен!
– Слева по одному, перебежками, вперед – марш!
Он полюбовался. Да дайте ему последних ублюдков – он и из них через неделю сделает... рыцарей, усмехнулся он краешком рта.

– Как держишь автомат, ты! Как же ты сейчас станешь из него стрелять? Что это тебе – дубина?

«Нет, – подумал он, – люди и на этой планете останутся людьми. И стоит дать им в руки настоящее оружие, как они...»

Как это говорилось у врагов: Господь создал одних людей сильными, других – слабыми. Но мистер Кольт изобрел свой сорок пятый калибр и тем уравнил возможности...

– Внимание! По пехоте... В пояс... Длинными очередями.

Защелкали затворы. Пока что впустую. Пока.

Спешившись, Никодим привязывал лошадь к коновязи. Входил. Говорил: «Доброго здоровья». Просил напиться. Ему давали. Если был голоден – кормили. Расспрашивали о новостях. Он тоже расспрашивал. Отвечал – по возможности. Ему было привычно и легко. Вот бы и всю жизнь так. Люди были простые, добрые, работающие. Хорошие. На девушек он старался не глядеть. Все же обет был дан. Конечно, обет этот во все времена нет-нет да и нарушался: человек слаб и грешен. Но не настолько, чтобы уж и чести не знать. Да и отпустить грехи тут не мог никто.

Потом, переночевав в доме или на сеновале, ехал дальше. Прямая дорога пролегла меж широких полей. Коренастые волы – их предков тоже, видно, привезли с Земли – парами, а то и четверкой тянули тяжелые плуги. Отваливались темно-коричневые пласты. Птицы выклевывали червей. Здесь снимали в год по два урожая. Тепло и земля хорошая. Все перло в рост прямо бегом.

Иеромонах ехал и вздыхал: пора дождю. Но и дождь пошел, как по заказу.

В одном месте он не выдержал и сказал:

– Дай я.

Не удивились и перечить не стали. Хочешь – паши.

Полдня проходил за плугом. Устал. Думал потом: тренировка – тренировкой, а пахать – это тебе не тренировка. Это труд основной... И взмолился вдруг:

– Господи, когда призовешь, дай хоть на том свете попахать вволю!

И снова велись разговоры.

– Земля-то чья?

Не понимали: как – чья? Земля есть земля. Сама своя.

– А так, чтобы – твоя, моя – у вас нет?

– Почему же: есть. Вот одежда – моя. Ношу ее.

– А хлеб вырастет – чей будет?

– Есть все будут. Значит – ничей. Людской.

– Ага... – вздыхал Иеромонах. – Насчет Бога у вас плохо. Понятия Бога нету.

– Это, может быть, в городе. Там люди не так живут. Не просто.

– Эх... – вздыхал Иеромонах. – А солнышко вас как – не беспокоит?

– Не муха, чтобы беспокоить. И погода славная. Все растет...

– Так ведь это – пока оно спокойно. А вдруг?

– Что вдруг?

– Да говорят...

– Это в городе, надо думать, говорят, – улыбались. – Мы на солнце глядим, как полагаются. У нас все основательно, нам слухи ни к чему.

И верно: земля – основательно. Солнце – тоже. Ах, солнце ты, солнышко, нет на тебя управы...

А то бы взял и остался здесь. Не его это дело – летать. Тут жизнь легкая, земля – мирская, все – мирское. Живут миром. И вечерами, бывает, действия разыгрывают. Не божественные. Ближе. Но интересно. Сами разыгрывают, или приезжают другие. Специальные дома для этого. Тривизоров, правда, нет. И не надо.

Избы ладные, удобные. Чисто.

– Скотину не держите, что ли?

– Скотина на лугах.

Мясо, однако, ели каждый день. Не все: многие мяса не признавали.

Бога не знают – это вот плохо. Но, значит, так Богу угодно.

– Ну, будьте здоровы.

– Живи в красоте!

Ехал дальше. И трудно думал.

Не уйдут отсюда. Не поверят. Да и легкое ли дело – от такой земли, от легкой жизни, ровной, трудовой – и вдруг бросай поля, дома, скот, набивайся в железный сарай, лети куда-то через черную пустоту... Лети от такой красоты, которая не просто сама по себе, а с людьми. Сама по себе – значит, красота есть, а ее не замечают люди, и жить им от нее не легче. Тут красота с людьми: они ее видят, хранят, друг другу ее желают.

Не потому ли так спокойны они, уверенны, добры? Понимают, видно: раз в мире красота, значит мир этот правильный.

Не того ли когда-то хотелось и самому Никодиму? На Земле тогда не обрел. Далеко пришлось залететь, чтобы встретить.

С ними бы он хорошо жил. Работал бы, как все. И с легкой душой желал бы всем: живите в красоте! И никуда бы отсюда не ушел.

Вот и они, вернее всего, останутся.

Силой не заставишь уйти: народ основательный. Твердый.

Если только такой указ выйдет? Да выйдет ли?

Поднять бы проповедью, закрутить, завертеть... Но, проповедуя, самому веровать надо, а ты еще сам до конца не уверовал. Думаешь: ученые, конечно, умудрены, да ведь и на старуху бывает проруха...

– Доброго здоровья!

– Вам того же.

Ужинали.

– Вот проезжал, заметил неподалеку: наискось поля идет полоса непаханая. Все кругом засеяно, а эта – пустая. И на дорогу непохоже. Что так?

Пожимали плечами.

– Не пашем. Никогда не пахали.

– Отчего же?

– Нельзя.

– Да почему?

Этого не знали. Но полосу эту никогда не пахали, ни при отцах, ни при дедах, да и теперь каждый год напоминают – не трогать! Если на ней проклянется деревце – срубать. Трава пускай растет. Но скотину и близко не подпускать.

– И далеко она идет? Конца-то не видно.

– Говорят, до самой столицы.

– А в обратную сторону?

– Так и идет. Все прямо. Потом вроде уходит в лес.

– На диво прямая полоса.

– Уж это верно.

– Ехать по ней, значит, нельзя?

– Никак нельзя.

– Ну, спасибо за угощение. Живите в красоте.

– В красоте живите...

Выходил. Седлал лошадь – отдохнувшую, поевшую, напоенную.

– А сам ты откуда – от Уровня?

– Путник я. Вот езжу, гляжу – как живете. Поручение такое.

– Хорошо живем.

Тут бы сказать – слава Богу. Не говорили.

Кланялся, садился в седло. И снова пускался в путь.

Глава четырнадцатая

Я сделал несколько кругов и не увидел внизу ничего такого, что говорило бы о людских поселениях. Опыта воздушной разведки мне явно не доставало. Много лет назад я, пятнадцатилетний, стоял перед начальником училища штурманов бомбардировочной авиации; шла война, и за девять, помнится, месяцев из парня делали штурмана, способного вывести машину на цель, – но даже в то время начальник не решился зачислить мальчишку, которому не хватало самое малое двух лет. Начальник штаба училища, майор, пожилой, тощий, с лицом в крупных морщинах, посмотрел на меня и сказал: «Ничего, если человеку суждено летать, он будет летать». И меня выпроводили. Летать я потом научился, прыгать тоже, но сейчас это мне никак не помогало, тем более что наблюдать приходилось с большой высоты, чтобы не действовать на нервы здешним обитателям.

Тогда я стал решать задачу с другого конца. Несомненно, был какой-то путь, какая-то тропа, по которой люди попадали в лесные поселения. Как говорили ребята, тропа эта начиналась где-то в районе ближайшего к лесу населенного пункта. А найти его было не так уж трудно.

Я посмотрел записи курсографа и выбрал направление. Как у нас на Земле в тех местах, где я жил, тут желтели поля, и вились речки, и синели озерца, и линии дорог казались проведенными по специально подобранным лекалам. Городок я увидел издалека. Это была уже окраина страны – не та, где мы приземлились, а противоположная. Небольшая страна, подумал я: и как им не одиноко на целой планете? Но тут же я сообразил, как это хорошо: задача эвакуации становилась вполне реальной, наши действия приобретали четкий смысл, и можно было думать об этой стране и ее людях без хинного привкуса обреченности. Теперь городок был подо мной, замысловатый и красивый, как начертание старого японского стихотворения в оригинале. Я миновал городок и посадил катер в ближайшей же роще, там, где едва можно было протиснуть машину сквозь густые кроны.

Целый день ушел, чтобы надежно укрыть катер от случайных прохожих – или не случайных, мало ли. Потом я поел и отдохнул, даже вздремнул немного, и проснулся свежим и готовым к действиям.

Стояла ночь. Сильно пахло землей, она была тепла на ощупь. Вдалеке лаяли псы. Звезды теснились в небе. В той стороне, где лежал городок, мерцали редкие огоньки.

И снова мне почудилось, что не было ни времени, ни пространства, отделявших меня от молодости, словно все, происходящее на самом деле, придумалось или приснилось мне только что, когда я, усталый, спал на теплой и пахучей траве: но вот я встал и иду, огни родного дома ждут меня и беззвучно, но явственно говорят: поспеши, не теряй времени, торопись настичь то лучшее, что, несомненно, ждет тебя впереди.

Не теряй времени, подумал я и вспомнил старинное: «Время стоит, это ты уходишь...» Как мы быстро уходим, подумал я и невольно замедлил шаг.

Через полчаса я вошел в городок. Улицы играли в догонялки, неожиданно поворачивая и останавливаясь. Окна не светились. Я шел мимо спящих домиков, тусклых фонарей, в которых горели свечи, водяных колонок с примитивными ручными насосами и незаметно пересек город и вышел на окраину с противоположной его стороны.

Тут кончались домики, окруженные густыми садами, и начиналось открытое пространство, поросшее густой травой, неторопливо уходящее к самому горизонту, пересеченное лишь одной темной неширокой полоской деревьев. Возможно, то была большая дорога, но вряд ли она вела в тот лес, куда мне нужно было попасть.

Я остановился. Дальше идти было, пожалуй, незачем. Шла ли эта дорога в лес или нет, но он лежал именно в этом направлении, где-то за кромкой горизонта. Теперь следовало набраться терпения и обождать, наблюдая и запоминая. Я сел на траву и, чтобы не скучать, стал представлять, что я не один и что течет медленный, полный скрытого смысла, а внешне поверхностный разговор; было легко придумывать свои слова и трудно – те, что отвечала бы Анна, будь она и на самом деле здесь. Даже в моих мыслях она не очень-то хотела соглашаться со мной в вещах, казавшихся мне исполненными глубокого значения, а когда я все-таки заставлял ее согласиться (в воображении это возможно), вдруг оказывалось, что это уже не она, а какой-то другой человек.

Прошел примерно час, когда мне почудилось, что впереди промелькнула тень. Это мог быть человек. Я приподнялся и, стоя на коленях, стал вглядываться.

Ночной прохожий явно не хотел быть замеченным. Но он был отчетливо виден в рассеянном свете звезд. Через несколько секунд тень его снова мелькнула – теперь чуть дальше. Его поведение обрадовало меня. С таким, без сомнения, можно будет говорить откровенно. И он наверняка знает, где находится то, что я искал.

Дав ночному прохожему отдалиться, я направился за ним, держась метрах в тридцати, и я не хотел приближаться, пока мы не отойдем подальше от города.

Через несколько секунд человек оглянулся. Я в это мгновение думал о вещах, не имевших отношения к делу, и он заметил меня. Но не пустился наутек, а спокойно пошел дальше, и

я последовал за ним, дав себе обещание больше не отвлекаться. Это показалось мне хорошим признаком: люди, уходящие в лес, должны быть достаточно смелыми. А куда еще мог направиться человек, покидающий город ночью в стороне от большой дороги?

Человек впереди меня ускорил шаг. Я оглянулся. Позади, в отдалении, мелькала еще одна тень. Вряд ли ее появление можно было объяснить случайностью. Вскоре еще один человек появился. И еще.

Они шли, видимо, по хорошо известному им маршруту. Шли легкой, летящей походкой, держась в метрах десяти-двенадцати друг от друга.

Когда-то я много и быстро ходил, и теперь приноровился к их шагу, и сократил расстояние до шедшего впереди тоже примерно до десяти метров.

Люди шли в полном безмолвии, но раз или два я слышал, как приглушенно звякнул металл.

Чем дальше оставался город, тем короче становились интервалы между идущими – теперь они составляли метр-полтора. Люди шли прямо к той полосе растительности, за которой, как я думал, проходит дорога. Вскоре наша колонна нагнала другую, вышедшую, видимо, раньше, но из другого места в городе. Когда мы пристроились вплотную, в голове первой колонны началось какое-то новое движение. Оно приближалось, и вот шедший передо мной человек, полуобернувшись на ходу, негромко спросил:

– Что в лесу?

– Деревья, – не очень умно ответил я, не успев подумать.

В следующее мгновение раздался тихий свист – и люди исчезли, слились с травой. Осталось только двое: тот, что спрашивал, и другой, шедший вслед за мной. Они крепко схватили меня под руки.

– Кто ты? – спросил один, приблизив лицо и вглядываясь.

– Ульдемир, – сказал я, не зная, что другое можно сказать.

– Мы тебя не знаем. Куда ты идешь?

– В лес.

– Зачем?

Я ответил не сразу:

– Об этом я скажу, когда мы придем.

– Что ты несешь в лес – своего?

Теперь я стал уже немного соображать, что к чему, и, не колеблясь, достал из кармана блок. Включил, чтобы они слышали музыку.

– Как ты это сделал?

– Долго рассказывать. Потом.

– Что ты умеешь, что нужно в лесу?

В самом деле, подумал я: что я умею?

– Я знаю – как.

– Как – что?

– Как делать многое.

– Откуда ты?

Ну, рано или поздно все равно придется сказать...

– Я со звезд.

Теперь уже и остальные – десятка полтора – поднялись с земли и обступили нас, слушая.

– Непонятно. Ты предатель? Ты выслеживал нас?

– Нет.

– Как же ты узнал о нас, если мы тебя не знаем? Говори. Если ты предатель, мы, наверное, убьем тебя.

Впрочем, в голосе говорившего не было уверенности.

– Я со звезд, – сказал я. – Вы должны мне верить.

– Почему должны? Ты такой же, как мы.

– Потому что я тоже человек. И я не один. У меня был спутник. В день, когда мы прилетели, его задержали в запретном городе.

– Это правда, – сказал кто-то. – На большой дороге наши люди встретили возчиков. Они везли человека, который тоже говорит, что он со звезд. Они везли его в столицу.

– Это мой друг, – сказал я. – Я должен его найти.

– Почему же ты пошел за нами, вместо того чтобы искать его?

– Чтобы вы помогли мне.

– А что нам до людей со звезд?

– Это не разговор на ходу, – сказал я. – Потому что речь пойдет о серьезных и очень важных делах.

– Трудно поверить, что на звездах живут люди. Хотя говорят... Но почему вас прилетело так мало?

– Нас больше.

– Где же остальные?

Я поднял руку к небу, хотя корабль сейчас мог находиться и где-то под ногами.

– На звезде? – усмехнулся тот, что вел расспросы.

– На корабле. На той машине, что принесла нас.

– Машины не возят. Они стоят на месте. Где же то, что привезло тебя?

– На орбите. Это не просто объяснить так, сразу.

– Хорошо. Объяснишь потом. Ночь коротка. Глаз Пахаря уже в зените. Мы могли бы показать тебе, в какой стороне столица, куда повезли твоего друга. Но мы не отпустим тебя. А вдруг ты побежишь к судье и скажешь, кого ты видел здесь? Мы не хотим. Ты пойдешь с нами. Согласен? А то мы заставим силой.

– Я пойду с вами. Это далеко?

– Увидишь. Надо спешить, много времени ушло. Ты пойдешь в середине, а вы приглядывайте за ним. Все слышали? А когда тебя спрашивают «что в лесу?», не давай глупых ответов. В лесу – воля.

– Я понял.

– В путь!

Они снова тронулись – той же летящей походкой. Я шел в ногу с ними, не отставая, испытывая и волнение, и удовлетворение от того, что сейчас мне не приходилось ничего выбирать и решать.

Через сорок минут мы вышли к полосе деревьев. Но за ними оказалась не дорога, а река. Я видел ее с высоты, но мне почему-то казалось, что, пока я бродил по городу, она осталась совсем в другой стороне. Два узких плота были спрятаны в камышах. Мы разместились на скользких бревнах. По двое на каждом плоту встали с шестами.

– Вперед! – скомандовал старший.

Плоты отошли от берега, и течение подхватило их.

Вперед, подумал я про себя. И хотя мне вовсе не ясно было, что ждет меня и всех нас – удача или поражение, и как обойдутся со мной те, к кому я хотел попасть, – но сейчас мне было хорошо, и я пожалел, что я один, и некому сказать, как мне хорошо, и не от кого услышать в ответ, что и ей хорошо тоже.

Звезды еще светили вовсю, и я попытался отыскать среди них наше, настоящее солнце, хотя и знал, что оно находится на дневной половине неба и мне его не увидеть. Но все равно было здорово знать, что оно есть.

День уже начался, когда плоты уткнулись в берег. Их вытащили на песок, и старший сказал:

– Пусть лежат. Ночью их отведут обратно.

Снова мы двинулись колонной по одному, но теперь уже шли свободно, без напряжения, переговариваясь. Вошли в лес. Лучи пробивались сквозь листву. Перекликались птицы. Воздух еще не успел нагреться и был прохладен. Дышалось легко.

Прошли километра три. Никто не мешал мне оглядываться по сторонам. Лес был веселый. Большие деревья росли аккуратно, словно их кто-то посадил. Местами они теснились возле невысоких бугров, местами росли реже. Бугорки тоже возвышались не как попало, а в порядке. Заинтересовавшись, я замедлил шаг. Шедший сзади едва не налетел на меня.

– Ты что? Надо идти, не отставая.

– Слушай-ка, что это за бугорки?

– Не знаю, я тут впервые. Потом узнаешь, если захочешь.

Прошли еще с километр, и деревья расступились. На обширной поляне был разбит лагерь – вернее, целый городок. Легкие деревянные домики выстроились рядами. Между ними виднелись постройки побольше, подлиннее. Из них доносился стук, лязг металла, голоса.

Мы остановились.

– Ну вот, – сказал возглавлявший колонну. – Добрались благополучно.

– Что здесь такое? – спросил я.

– Не видишь? Лес.

– Понимаю, что не море, – усмехнулся я.

– Понимаешь. Только, наверное, не все. Это не просто лес, а тот самый лес, куда люди уходят от Уровня. Как ушли все мы.

– Ты не забудь: о вашей жизни я знаю очень мало. Как здесь живут? Что делают?

– Делают? Что хотят.

– Ну вот, например, чего хочешь ты?

– Я кузнец. Умею делать из железа разные вещи. Но может быть, их можно делать лучше и быстрее? Я много раз ударяю молотом, другим, третьим, и получается то, что мне нужно. Потому что я знаю, как и куда надо ударять. Но это долго. А если сделать другой молот, такой, с углублением – таким, как та вещь, которую мне надо сделать. И если этим молотом ударить очень сильно, но только один раз – не получится ли такая вещь, которая мне нужна, с одного удара?

Я улыбнулся: было приятно за него.

– Получится.

– Думаешь?

– Знаю. Получится. Ты молодец.

– Мне нравится, как ты говоришь. Но когда я хотел попробовать в кузнице, мастер сказал... Он, в общем, сказал так: «Сакс, ты хороший кузнец. Ты устаешь на работе?» Я сказал: «Устаю, как все, не больше и не меньше». Тогда он спросил: «Ты делаешь хорошие вещи?» Я ответил: «Это знают все». Дальше он спросил: «Тебе хватает еды, одежды, у тебя остается время смотреть на солнце, говорить с детьми, любить красоту, отдохнуть, посмотреть представление, бегать, играть в мячи, петь и прочее?» Я честно сказал: «Хватает, потому что я не трачу времени зря». Тогда он сказал: «Кузнец Сакс, чего же тебе еще? Зачем надо делать что-то иначе, если ты и так делаешь хорошо? Допустим, ты сделаешь свой молот. Но ты не сможешь ударить им так сильно, как нужно». Я сказал: «Мне, конечно, так не ударить, но это сможет сделать водяная или паровая машина, только молот надо делать немного иначе, без длинной ручки...» Мастер сказал: «Хорошо, машина будет ковать, а что станешь делать ты? Подкладывать железо? Но разве это интереснее, чем самому делать из железа полезную вещь? И еще: машина будет работать быстрее твоего – а зачем? Нам хватает того, что мы делаем».

Я не знал, что ему ответить. И сказал так: «Хочу сделать такой молот, потому что мне очень хочется, просто не могу иначе». Но он предостерег. «Ты хороший кузнец, – сказал он, – зачем тебе рыть Горячие пески за нарушение Уровня?» И тогда я решил: уйду в лес и здесь сделаю молот. А что хочешь делать здесь ты?

– Я хочу сперва поговорить с теми, кто тут главные.

– В лесу говорить мало, тут надо что-то делать. Погоди, вот идет к нам один их старших – поговори с ним, раз тебе нужно.

Старший был вовсе не стар, у него были широкие плечи и мускулистые руки лесоруба. Слушал он меня не очень внимательно.

– Старший, я пришел сюда по очень важному делу...

– Как и все, – сказал он. – Те, у кого нет важных дел, сидят дома.

– Послушай меня: планета в опасности! И от вас во многом зависит, удастся ли предотвратить ее.

Он бросил на меня короткий взгляд.

– Мы тут судим так, – сказал он. – Чем важнее твое дело, тем больше тебе должны доверять, верно?

– Правильно, – сказал я.

– Да, правильно. А как доверять человеку, которого мы не знаем?

Я пожал плечами.

– Не знаешь. А мы знаем. Мы даем человеку работу, если у него нет своей, и смотрим, как он ее делает. Если хорошо, мы ему верим и с ним считаемся. Если плохо...

– Ясно, – сказал я, хотя такой поворот мне не нравился. – И долго надо работать, чтобы вы поверили?

– Как кому удастся. Иногда можно понять и за три дня.

Три дня, подумал я. Много.

– А может, ты все же сперва выслушаешь?

– Почему делать для тебя исключение? Иди работай. Если нет ничего другого, раскапывай бугры. Там есть какие-то вещи, которых мы не можем понять. Развалины домов; там кто-то когда-то жил, мы не знаем кто. Кости... Человеческие. Плохо, когда валяются кости людей.

– Может быть, там было кладбище?

– Нет, когда хоронят, кости лежат не так.

– Странно.

– Не странно, а плохо. Очень плохо, когда кости людей валяются как попало. Смотри не испугайся, когда будешь копать.

Чем-то известным, но, как я думал, уже забытым потянуло от его слов, забытым и нехорошим. Но сейчас я не хотел размышлять о плохом, пока обстоятельства не заставляли делать это.

Несколько часов я просто бродил по городку, меня никто не останавливал и ни о чем не спрашивал; так же слонялись и другие, пришедшие одновременно со мной. Я подумал, что такую возможность давали нам намеренно: люди могли приглядеться, встретить знакомых и вообще прийти в себя после такого значительного события, как разрыв с Уровнем и уход в лес. И я бродил и глядел, как другие.

Дома здесь были попроще, чем в городах, и люди одеты похуже; выцветшие, заплатанные рубашки не были редкостью, а на лицах читалась привычная, уже неощутимая для самих людей озабоченность, какой не страдали, например, ни Анна, ни ее друзья. Но в глазах лесного племени виднелось и другое: выражение самостоятельности и большого достоинства, что ли. Особенно когда человек был занят работой. А работали здесь все. Один, например, сидел и вырезал из дерева ложки: прекрасные ложки, красивее, тоньше, элегантнее, чем те, что в

мое время продавали как сувениры; но это дело было понятным, и хотя ложка, конечно, вещь необходимая, особого удивления не вызывало. И тут же, в соседнем дворике, возле кое-как построенного сарайчика, молодой, с неделю не брившийся парень возился над какой-то конструкцией, назначение которой я понял не сразу, а когда понял, то не знал, плакать или смеяться: Дедал, полуголый и лохматый, ладил крылья, а Икар, лет этак трех, возился около него, помогая и мешая; а та, чьего имени миф до нас не донес, – та, что полюбила Дедала, и варила ему обед, и понесла от него, и родила Икара, и вырастила, но не удостоилась упоминания, потому что не удосужились сделать третью пару крыльев, – совсем еще юная, маленькая, хрупкая, с тяжелым даже на вид узлом волос на голове, стояла в дверях домика, опершись рукой о притолоку, и смотрела на них, пока над очагом, сложенным во дворе, вскипел котел, – смотрела, и в глазах ее было счастье, потому что она еще не знала, что третьих крыльев не будет, и она не полетит, и поэтому Икар заберется слишком близко к светилу; и потом до конца дней своих будет она думать, что, окажись она там, рядом, она бы уберегла мальчика – хотя матерям не всегда бывает дано уберечь, и женам тоже. Так думал я, остановившись и глядя на них, – я, владевший крыльями, пригодными для куда более долгих и опасных перелетов, чем простой подскок к солнцу; но эти крылья сделал не я, меня просто натаскали, научили владеть ими, и я был капитаном, но Дедалом я не был... Я пошел дальше, пока семейство еще не обратило на меня внимания, – зашагал, представляя, как я в таком вот дворике провожу техобслуживание катера, и портативный хозяйственный комбайн шипит там, где у Дедала очаг, и Анна стоит в дверях и смотрит на кого-то, кого еще нет, но кто будет вот так же вертеться около и совать нос куда надо и куда не надо... Я грезил на ходу, и немало интересного, наверное, прошло мимо внимания, пока я не обрел снова возможность замечать и запоминать.

Тут были кузнецы, и столяры, и ткачи, ухитрявшиеся делать что-то из местного сырья, и охотники (Питека бы сюда, подумал я), и хлебопеки (хлеб был нехороший, но я видел, как его тут делили, и понял, почему на моей планете в древние времена, преломляя хлеб, обязательно возносили молитвы); потом, решив, что для первого раза увидел достаточно, я присел под деревом и стал думать, как же мне все-таки убедить людей в том, что меня не стоит определять в землекопы, не выслушав предварительно.

Пока я сидел задумавшись, мальчишка подошел и остановился в трех шагах; обыкновенный мальчишка лет десяти. Он смотрел на меня внимательно и строго. Я тоже взглянул на него и отвел глаза в сторону, но тут же снова посмотрел, и мне стало странно.

Нет, он вовсе не был похож на моего сына – ни лицом, ни цветом глаз и волос... Но какое-то неуловимое сходство было; есть что-то общее у всех мальчишек одного возраста. И я почувствовал вдруг, как застучало сердце, набирая обороты. Мне захотелось провести ладонью по его (жестким, наверное) волосам, и похлопать по плечу, и спросить с напускной суровостью: «Ну, как дела, старик?» – одним словом, сделать все, что обычно делают мужчины, любящие детей, но не умеющие выразить свою любовь. Я смотрел на парня, а он на меня; я улыбнулся, и он (не сразу, правда) улыбнулся тоже, потом застеснялся, повернулся и пошел, а я сидел и смотрел ему вслед и думал: не знаю – как, но мы должны спасти их, иначе просто нельзя, невозможно предавать детей!

А потом я встал и пошел раскапывать старые курганы.

Я быстро убедился в справедливости и своего первого ощущения, и слов здешнего старшины: это место обживалось не впервые, когда-то, очень давно, здесь стоял город.

И умер он не своей смертью. Правда, мало что можно было понять теперь: ржавчина изъела железо и превратила предметы в кашу; иногда попадались куски пластика, но и они были в таком виде, что невозможно было определить их назначение. Не было обломков постарше и поновее; видимо, город погиб сразу. Но до гибели он был совсем непохожим на те города,

в которых я уже успел побывать на этой планете. Он куда больше напоминал земные города моего времени – не старые, а возникавшие тогда на новых местах.

Мне попадались остатки одежды. Они были из дышащего синтетика, а не из грубой кустарной ткани.

Встречались черепки посуды. Из таких тарелок я ел дома. На одном обломке явственно различался вензель древней звездной экспедиции и тонкая золотая каемка.

Попадались кристаллики информатора. Я бережно собирал их, просеивая песок. Может быть, удастся прочесть на корабле.

Нашлась фотография. Она была залита твердым прозрачным пластиком, не пострадавшим от времени. На снимке были запечатлены люди, стоявшие перед домом, шесть человек, не позировавших – снимок был неожиданным. Люди смеялись, мужчина обнимал женщину, два парня разговаривали – один стоял боком, другой в тот миг обернулся и глядел в объектив, еще один парень указывал на что-то, находившееся за кадром, а девушка рядом с ним даже присела, хохоча, так ей было весело... В перспективе виднелась улица, совсем земная улица, с тротуарами и люминесцентными фонарями. Только деревья выдавали: с длинными, гибкими иглами. Деревья были здешними.

Такая улица была здесь. И погибла.

Почему? Я не знал. Но крепло интуитивное убеждение, что это может оказаться важным не для восстановления истории планеты, а для той задачи, которую должны были решить мы.

Мне удалось набросать примерный план города. Жило в нем несколько сот человек, вряд ли больше. Но это был вполне благоустроенный город.

Откуда-то он получал энергию. Откуда?

Если бы у меня были хоть самые примитивные приборы, искать источник энергии стало бы куда легче. Но портативная аппаратура, которой я мог бы воспользоваться, лежала в багажнике большого катера, а не моего – малого, надежно укрытого сейчас близ городка, где началось мое путешествие в лес. И я решил, что надо слетать в наш лагерь к старому кораблю, посмотреть, как дела у Рыцаря, и запастись нужной аппаратурой, а тогда уже вернуться сюда и довести дело до конца.

Кроме того, я уже почти двое суток не видал Анну.

Уйти было нелегко; если бы меня задержали, то, чего доброго, и в самом деле заподозрили бы во мне лазутчика Уровня.

Поэтому я на всякий случай предупредил, что отправляюсь на дальние раскопки и заночую там. Для убедительности я взял с собой немного еды (поворчав, ее мне дали) и грубое, остистое одеяло, которым меня снабдили в первый же день.

Я и в самом деле копал, потом лег и подремал до середины ночи. Я рассчитал, что если выйти после полуночи, то к середине следующего дня я доберусь до своего катера.

Когда настало время, я свернул одеяло, спрятал его вместе с лопатой и топором в раскопе и двинулся в путь.

Глава пятнадцатая

Ехали не так уж торопливо, на ночь располагались основательно и в столицу приехали только на третий день. Но уже в первые часы пути судья распорядился развязать Шувалову руки, поверив, видимо, что преступник его душить не станет: побоится сопровождающих.

В повозке их было двое, и кучер снаружи, на козлах; еще четверо верховых сопровождали выезд. В пути разговаривали мало, хотя Шувалов поговорил бы с удовольствием; судья был мрачен – визит в столицу, надо полагать, не сулил ему добра. Лишь изредка удавалось разговорить его.

– ...А дети у вас есть, судья?

– Дети? Да как же. Одного мне дали уже много лет назад, теперь вырос, а потом, недавно, еще одного.

– Как это понять – дали?

– Так, как говорится: дали, и все.

– Не понимаю...

– Выходит, ты даже не знаешь, откуда берутся дети?

Судья даже развеселился – захихикал.

– Гм... До сих пор я полагал, что знаю. Откуда взялись мои дети, это уж я знаю точно. Нам, судья, детей никто не дает: мы рожаем их сами – наши женщины, конечно. А у вас кто же рождает?

– Кто рождает? Я думаю, никто. У нас дети получают, и их дают тем, чья очередь наступила.

– То есть как это «получаются»? В капусте находите?

– Возникают в Сосуде, конечно, а как же еще?

– Ах, в сосу-уде...

Они помолчали. Судья вздохнул.

– Я уж и не знаю, странный ты человек, как с тобой разговаривать. Что ни слово – то новое преступление. Да так на тебя никаких законов не хватит!

– Что же я такого сказал на этот раз?

– Ты ведь признал, что у вас женщины рожают сами?

– Естественно!

– Что же тут может быть естественного, если закон этого не позволяет?

– Да почему же ему не позволять?

– Тут, по-моему, и думать нечего. Если все станут рожать, сколько их народится?

– Ну, не знаю... Много, наверное.

– Да уж побольше, чем сейчас.

– Что же в этом плохого?

– А Уровень? Чем ты их кормить станешь: воздухом?

– Опять этот ваш Уровень.

– Разве тебя не учили в школе, что Уровень может сохраниться лишь тогда, когда люди... – он подумал, вспоминая слово, – регулируются, так?

– Погодите, судья, что такое регулирование численности населения, я знаю. Но ведь это можно делать, и когда детей просто рожают женщины! У нас, например...

– У вас там все не как у людей. Но тут есть еще одна причина, погоди, слово вертится на языке... вырождение, вот что.

– Ах, вот оно в чем дело...

– Сообразил теперь?

– Теперь сообразил. Что такое вырождение, я тоже знаю. А скажи, как же получают дети там – в сосуде?

Но судья уже снова нахохлился.

– А ты вот спроси в столице. Может, тебе объяснят.

Он помолчал.

– Они тебе там все объяснят! Как людей убивать...

– Я уже сказал вам: я безмерно сожалею. Но что оставалось делать, если все вы тут...

– А ну-ка молчи давай!

Столицы Шувалов почти не увидел. Приехали они в сумерках, и вечером его никуда не повели; заперли в комнате, где стояла кровать и рядом – табуретка. Дали поужинать и велели спать.

Однако он улегся не сразу, а сидел на кровати, задумчиво глядя на узкое окошко под самым потолком.

– Вырождение... Придумано неплохо: при малом объеме начальной популяции оно наступило бы неизбежно. Но как же они избежали этого?

Он бормотал так, вспоминая, что люди здесь действительно ничем не отличаются от него самого, – а они непременно отличались бы, если бы на протяжении многих поколений дети рождались от браков в одном и том же узком кругу. Значит, невысокий уровень этой ветви земной цивилизации нельзя было объяснить снижением уровня способностей людей – а ведь Шувалов едва не пришел уже к такому выводу.

Значит, так было задумано с самого начала. Да и вообще все было спланировано основательно и неплохо. Но что-то где-то не сработало или, наоборот, переработало, и развитие пошло вперекос.

В том, что развитие пошло не в задуманном направлении, Шувалов не сомневался.

– Ах, сами не рожают... Стерилизация? Ну, вряд ли. Просто запрет – и соответствующий уровень предохранения. При их-то химии? Хотя – что известно об их химии? Мало информации, просто постыдно мало информации!

В конце концов он успокоил себя тем, что завтра, раз уж его привезли в столицу, он получит возможность увидеться с кем-то, кому можно будет изложить все, – и начать наконец сложную работу, результатом которой явится спасение всех живущих на двух планетах людей.

Но и назавтра он не увиделся с Хранителем, как в простоте душевной рассчитывал. Мало того: на следующий день Шувалов вообще не увидел ни одного нового лица. Казалось, его привезли в столицу только затем, чтобы сразу же выбросить из памяти. Против говорило лишь то, что его все же кормили. Хотя кормили невысокие чины, а высокие могли и забыть – кто знает.

На самом же деле о нем не забыли, но до высших инстанций весть о нем просто-напросто еще не дошла. Судопроизводство не терпит анархии, и, для того чтобы доложить о Шувалове выше, прежде всего надо было решить, как же о нем сообщить и, в зависимости от этого, по какому руслу направить его дело. А у тех, к кому, едва прибыв в город, пошел с докладом судья, возникли различные мнения.

За время, пока Шувалов пробыл под стражей, список его преступлений приобрел весьма внушительный вид. Были обвинения мелкие, которыми можно было и пренебречь, – например, обвинение в том, что он прикидывался сумасшедшим, пытаясь избежать наказания, или обвинение в том, что он находился в запретном городе. Но были и три значительных преступления. Первое из них состояло в серьезной попытке нарушить уровень: одежда, непонятные приборы, разговоры. Второе – убийство или, вернее, покушение (но это было ничем не лучше; наоборот, если бы человек был убит, виновный мог бы еще доказывать, что беда случилась нечаянно, а сейчас пострадавший показывал, что на него напали с умыслом). И третье серьезное преступление, в котором обвиняемый сознался сам, заключалось в том, что он, вкупе с лицом женского пола, пока не установленным, нарушал закон, называвшийся «Люди от Сосуда». Видимо, нарушение это было давним, но по этому преступлению срока давности не существовало, и оно должно было караться сегодня не менее строго, чем в самый день совершения. Собственно, судья сначала не собирался докладывать о третьем преступлении, но как-то так получилось, что доложил.

Так что теперь предстояло решать: положить ли в основу дела нарушение Уровня – тогда обвинение пошло бы в Собрание по охране Уровня, – или основным посчитать покушение – и тогда дело пошло бы по совсем другим каналам и к совсем другим людям. В первом случае оно обязательно дошло бы до кого-то из Хранителей, а во втором – скорее всего, не дошло бы. Об этом и разгорелись среди судей прения, продолжавшиеся целый день. Суть споров заклю-

чалась в том, что хотя нарушение Уровня было, безусловно, преступлением более опасным, зато покушение на убийство являлось значительно более сенсационным (давно уже не случилось такого, очень давно), и, во-вторых, сохранить случившееся в тайне было невозможно, да никто и не старался сделать это, и население о происшествии знало, и необходим был суд, и необходим был приговор.

После дня ожесточенных споров сведущие люди сошлись на том, что в основу дела надо все-таки положить покушение, а остальное пойдет уже в дополнение и по совокупности. А это означало, что если кто-то из Хранителей должен будет ознакомиться с делом, то не раньше чем при рассмотрении просьбы о помиловании.

Потому что, хотя смертной казни как таковой в законе не было, просто назначением на работу в Горячие пески ограничиться было нельзя, и речь могла идти только о посылке преступника к самому экватору – туда, где разворачивали полотнища. Для человека, не приспособленного для таких условий, такой приговор был бы равносителен смертному, и все знали это, и заранее жалели его, но пренебречь законом никак не могли.

Итак, тучи над головой Шувалова сгущались серьезные. Он же ни о чем не подозревал и, понервничав немного из-за бессмысленной потери времени, привел свои нервы в порядок и стал снова размышлять о странном начале и возможном ужасном конце культуры Даль.

Иеромонах ехал теперь, стараясь придерживаться полосы необработанной земли. Он ехал не в ту сторону, где должна была находиться столица, а в противоположную – к лесу, если только полоса действительно вела в лес.

Ржаные поля сменялись овощами, был и ячмень, и просо, иногда на целые десятины раскидывались фруктовые сады. Попадались речки в обрамлении широких лугов. Иеромонах пил прозрачную воду, кричал, рукавом вытирал губы, радостно вздыхал:

– Благодать Господня. Благодать. Нет иного слова.

По-прежнему заходил в дома.

– ...Ну, а вот вы соберете; сколько же оставите себе, сколько отдадите?

– Себе оставим, сколько нужно. Остальное отдадим, понятно.

– До нового хлеба доживете?

– То есть как?

Странно было это: не боялись голода.

– И платят вам за остальное?

– Платят? – удивлялись люди; взрослый мужик не понимал простых вещей.

– А если нет – откуда же все берете? Живете, я смотрю, не бедно... За что покупаете?

– Что надо, нам дают.

– И опять-таки хватает?

Тут уж они сами начинали сердиться.

– А ты как живешь – иначе? Тебе не хватает?

Воистину – дивны дела твои, Господи.

Ехал дальше. Удивлялся: чисто, аккуратно живут крестьяне, весело. Но чего-то не доставало. За все время ни одной чреватой бабы Иеромонах так и не увидел; прячут их, что ли, от сглаза? И детишек совсем малых не было. Побольше – были, годочков с трех, а младенцев – нет.

И все-таки хорошо было. Ехал, разговаривал с лошастью, когда не было никого другого.

Однажды все-таки увидел такую бабу. Совсем была молодая. На сносках уже. Везли ее куда-то на телеге, и по бокам ехали двое верхами. Была бабочка смутная, зареванная. Стонала тихо. Верховые ехали с неподвижными тяжелыми лицами. Завидев Иеромонаха, показали рукой и прикрикнули: посторонись, мол.

Остановился и долго глядел вслед, покачивая головой. Словно бы дитя никому и не в радость.

«Нехорошо. Дети – дар Божий», – подумал привычно и искренне.

Дальше селения стали попадаться реже. И нивы уже не подряд шли, перемежались длинными клиньями целины. Больше стало деревьев. Вспугнутые, убегали зверюшки вроде зайца, высоко подпрыгивая.

А полоса все шла, все уходила – дальше, дальше... Будоражила любопытство. Иеромонах погонял лошадь. В меру, правда: берег. Этому его учить не надо было.

Загорел – как встарь, до пострига еще, в деревне, загорал за лето. Привык. И ног своих – голых, волосатых, как у беса, – стыдиться перестал; а сперва стыдился. Здесь это не было зорно.

Сам и не заметил, как въехал в лес. Просто остановился раз, спешился, огляделся – а уже кругом деревья, и за спину зашли, опушку и не разглядеть. Но не смутился: понадобится – полоса и назад выведет. А пока что поедем дальше.

На всякий случай выломал, однако, дубину. Зверь, не приведи Господь, встретится или еще кто... Вез дубину поперек седла.

Вечерами разжигал костерок. Грелся. Пил кипяток. Заправлял его порошком из корабельных припасов, множившим силу. Вдыхал: кваску бы... Эти люди в нем не понимали, никто. Капитан, правда, еще помнил: да, была такая благодать – квас. Хлебный. Настоящий.

Перед сном представлял, будто сидит на корабле перед вычислителем или аналитом. Разговаривает про себя с машиной, нажимает клавиши, вводит программу, проверив предварительно. И пока жужжит машина, как пчела в колоде, снова будто сам напрягается, закрыв глаза, словно лошади помогает вытянуть воз из колдобины.

Легкое и хитроумное занятие. Другой мир. Цифры живут, любят друг друга, гnevаются, сходятся, расходятся, порой идут стенкой друг на друга. Умирают и воскресают – просто, конечно, Господи. Весело живут цифры, деятельно. А он за ними следит и при нужде помогает.

Утром просыпался легко, набирал воды в седельную флягу и дальше пускался по лесу – до новой воды.

Ехал таково по лесу четыре дня.

И вдруг просека кончилась.

Вывела на поляну, обширную, аккуратно круглую, и кончилась.

Приехал, значит. Куда только?

Спешился.

Земля тут была теплой. Как кострище, когда разгребаешь угли по сторонам, чтобы тут, на теплом, спать.

Иеромонах покачал головой, удивляясь.

Обошел полянку. Еще одна просека начиналась, видно, тут когда-то. Но за ней ухода не было – заросла. В лесу недолго. И, однако, отличить ее можно было сразу: деревья были помоложе, не вековые, как вокруг.

Что же тут такое было – что просека, и земля теплая?

Иеромонах пустил лошадь пастись и стал ходить по лужайке – не абы как, а по кругу, все приближаясь к середине. Нашел место, где земля как бы подрагивала едва заметно.

Лег, расчистил кружок, прижал ухо.

Жужжит. Тихо, потаенно жужжит.

Посидел, раздумывая.

Нет, понял, это не из той жизни, не из крестьянской. Там, если жужжало – знал, что простое что-нибудь. Ну, пчелы. На корабле разных жужжаний было много, и уже не сразу поймешь, что и почему. И здесь так же: жужжит, а что – непонятно.

Поэтому Иеромонах решил не копать и вообще ничего тут не трогать. Его дело – увидеть и потом рассказать...

И тут как раз застучало.

Подняв голову, он прислушался.

Стучало не под землей: стук доносился издалека. Словно собрались во множестве рыжие дятлы и колотят носами наперебой.

Иеромонах раздумывал, склоня голову. Вдохнул. Встал, взнуздal лошадь. Сел и поехал – туда, где стучало.

Дятлы долбили так, что кора летела в стороны клочьями. Долбили короткими очередями: три-пять патронов. чуть прижал спуск – уже отпуская. Но огонь веде прицельно.

– Прицельно! – кричал Уве-Йорген, сжимая кулаки. – Вы куда стреляете? Птицы вам мешают? Не по макушкам надо стрелять! Была команда – в пояс! Метр от земли. Поняли?

Стреляли парни с удовольствием и, в общем, не так уж скверно. Но как-то совсем не желали понимать, что оружие предназначается не для стрельбы по деревьям. По людям! И не только, чтобы их пугать. Для того чтобы уничтожить силу противника. Живую силу.

Иногда у Уве-Йоргена прямо-таки опускались руки. Ну как втолковать такие простые вещи, которые даже не знаешь, как объяснить, потому что тут, собственно говоря, и объяснять нечего!

– Да вы поймите! – убедительно говорил он ребятам. – Что значит – по людям? Против вас будет противник. Или вы его, или он вас.

А ребята, зеленая молодежь, слушали вежливо, но как будто со скрытой улыбкой недоверия и внутреннего превосходства.

– Ну почему, черт бы вас взял, вы не хотите понять...

Те переглядывались. И кто-нибудь из них отвечал:

– Да нет, мы все понимаем. Только откуда возьмутся те, кто захочет нас убить?

– Разве на вас не напали?

– Они же не хотели убить нас!

– Да вы откуда знаете?

– У нас никого не убивают...

В этом был корень зла: не было у них ни войн, ни армии, даже внутренних войск не было – за ненадобностью. А если – крайне редко – требовалось нести какую-то службу, ее несли все по очереди.

Это, между прочим, свидетельствовало об одном: других государств на планете нет. Если бы существовала еще хотя бы одна страна, возникла бы и регулярная армия. Но другой страны не было, армии не было, и ловкие, здоровые парни просто не верили, что есть настоящий противник, в которого придется стрелять.

Они во многое не верили.

Вечерами Уве-Йорген рассказывал им не только о битвах, в которых в свое время приходилось ему драться; рассказывал он и о Земле, и о судьбе, ожидающей звезду Даль.

О Земле слушали с интересом.

– Ну, хотели бы вы там побывать?

Побывать хотели все.

– А остаться насовсем?

Тут они умолкали, переглядывались. Потом снова кто-нибудь уверенно качал головой.

– Нет. Разве у нас плохо?

– Да стоит вам увидеть ту цивилизацию, технику... И потом, там все люди – от людей! Никаких Сосудов!

– Этого и мы хотим...

– Ну, так, значит...

– Мы хотим здесь. У нас.

– Да ведь здесь ничего не останется! – кричал Уве-Йорген, выходя из себя.

Самое смешное было, что они и этому не верили.

– Нет, Рыцарь, – говорили они. – О битвах ты рассказываешь хорошо, интересно. А о солнце не надо.

И объяснили:

– Понимаешь, о битвах мы слушаем и верим. Ты сам говоришь, что это было давно и очень далеко отсюда, – и мы верим. А когда ты говоришь о солнце, то говоришь о том, что здесь и сейчас. Но все, что есть здесь и сейчас, мы видим и знаем сами. И такие сказки у тебя не получаются. Расскажи лучше еще что-нибудь из вашей старины...

Свинячьи собаки, а! Гром и молния! Сказки!

Ну и черт с ними – пусть горят или замерзают...

Но они нравились Рыцарю, и он жалел их, как жалеют командиры своих солдат.

Может быть, он просто не умел как следует объяснить? Он ведь все-таки пилот, пусть бы объяснили ученые...

Но сейчас был не вечер, а ясный день. Сейчас Уве-Йорген был в себе уверен.

– Кончай отдых! Ста-ановись! Слушай команду! По пехоте...

И вдруг поспешно:

– От-ставить!

Потому что из леса показался всадник. Он махал рукой. И зоркий Уве-Йорген сразу узнал массивную фигуру Иеромонаха Никодима.

– Нет, Рыцарь. Крестьяне не пойдут. И не поверят. Им хорошо. И своему солнцу они верят, как мы своему. И у меня болит сердце; почему никто и никогда не хочет оставить в покое пахаря? Почему все – на их спины? Ты никогда не шел за плугом, Уве-Йорген, не знаешь, как вздрагивают ручки его в твоих пальцах, когда налегаешь всем телом...

– Не хватало еще, чтобы Риттер фон Экк ходил за плугом! Но и у меня болит сердце. Эти тоже не верят ни единому моему слову. Они не могут поверить, вот в чем беда. Не в силах. Мы ведь с тобой тоже не понимали очень многого. Но мы приспособились, потому что от рождения наделены такой способностью – приноравливаться. А им – не дано.

– Они хорошие люди. Добрые. Правдивые. Честные.

– Я не привык оценивать людей в первую очередь по этим качествам. Но мне их тоже жаль. И если бы у меня был хоть десяток настоящих солдат, я загнал бы этих людей в трюмы, даже не спрашивая их согласия. И потом они были бы мне благодарны. Но у меня нет солдат... У меня – дети. Здесь все – дети. Планета детей. Первый раз в жизни мой опыт солдата не может помочь мне, и я не знаю, что делать...

– У нас говорили: молись, и Господь вразумит.

– Это не для меня...

Уве-Йорген перевернулся на спину и стал глядеть в синее небо. Сперва безразлично, потом осмысленно. Приподнялся на локтях:

– Катер!

Он покосился на Анну: девушка хлопотала у костра, но, услышав это слово, бросила все и побежала. Глаза ее яростно блеснули.

– Ну пусть он только здесь покажется! Пусть только покажется! Ему будет плохо! Очень, очень плохо!

Уве-Йорген усмехнулся.

– Наверное, он не мог раньше, Анна...

– Я сейчас скажу, что не хочу его больше видеть!

Рыцарь взгляделся.

– Нет, это не он, Анна. Это большой катер – Георгий и Питек.

Девушка молча опустила руки, повернулась и медленно отошла к костру.

– Не хотел бы я, – сказал Уве-Йорген, – в ближайшем будущем оказаться на месте капитана.

Иеромонах помотал бородой.

– Ты не прав, Рыцарь. Им надо повздорить и помириться, чтобы они более не боялись дотронуться друг до друга.

– Много ты понимаешь, монах...

– Монахи как раз больше понимают. Размышляют больше.

Они смотрели на снижающийся катер.

– Георгий за пультом, – сказал Уве-Йорген. – Его почерк.

– Хоть бы все благополучно... – пробормотал монах.

Катер завис и медленно опустился, легко коснувшись грунта.

– Питек остался следить, ждать Шувалова. Я задержался, чтобы сделать хоть какую-то съемку местности. Теперь карта у нас есть. Новостей мало. Капитан тут? Жаль, что его нет... Главных новостей две. Питек был в доме Хранителей. В доме – электричество и электроника. Источник питания неизвестен.

– Та-ак... – пробормотал Рыцарь.

– И второе: в стране мобилизация.

– Ага!

– Я побывал еще в двух городах; собирают людей и раздают оружие.

– Арбалеты?

– Нет, Уве-Йорген. Я не знаю, с чем это можно сравнить...

Он огляделся, и взгляд его упал на лежавший рядом с Уве-Йоргеном автомат.

– Вот, пожалуй, похожий предмет. Что это?

Рыцарь медленно усмехнулся.

– Если бы в тот раз, когда вас было триста против целого войска, у вас оказались такие вот штуки, вы, пожалуй, уговорили бы их не лезть в Фермопилы.

– Может быть, – сказал Георгий. Он осторожно взял автомат, оглядел его. – Но тогда, в Фермопилах, нас было все-таки триста.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что сейчас нас тут самое большее пятеро – с капитаном.

– Ничего, – сказал Уве-Йорген. – Зато мы умеем драться. Так что игра будет на равных. Тем интереснее жить!

– Я уже давно умер, – сказал спартиот. – Но хочется, чтобы они, вот эти, все-таки выжили.

Дверь отворилась и затворилась в двенадцатый раз, и это означало, что пришел последний из тех, кого ждали, последний из Хранителей. Но начали не сразу. Старший из Хранителей Уровня глубоко задумался, и прошло несколько минут, пока он поднял голову и моргнул, словно пробуждаясь от сна. Он обвел собравшихся глазами.

– Мы переживаем тяжелое время, – сказал он негромко. – Нам известно, что нет пути правильнее того, которым мы следуем; но, может быть, в расчетах была ошибка? Может быть, зрелость нашего общества, время перехода его на более высокую ступень наступило раньше, чем предполагалось, наступило, когда мы еще не готовы к переходу? В лес уходит больше людей, чем предполагалось. Если до сих пор мы не препятствовали их уходу, зная, что уходят наиболее инициативные, самые способные, – иными словами, те, кто в первую очередь начнет реализовать новый Уровень, когда придет его пора, когда мы сможем дать нужную для него энергию, – то теперь мы вынуждены всерьез задуматься над необходимостью приостановить миграцию: мы можем не успеть, и последствия будут катастрофическими. Все, что было сделано за столетия, окажется напрасным. Я призвал граждан под ружье. Я не вижу иного выхода.

Он умолк. Никто не торопился продолжать. Хранители избегали смотреть друг на друга. Хранитель Времени закашлялся; все терпеливо ждали, пока он справится с дыханием. Потом он заговорил:

– То, что происходит, – естественно. Не забудьте: все мы – первое поколение; и те, кто умер, и те, кто жив, и те, кто еще не явился на свет. Первое поколение. Мы не выродились. Не устали. В наших жилах – свежая кровь Земли. Память жива в нас. Да, мы можем существовать лишь благодаря Уровню, но внутренне каждый житель планеты – против него. Пусть бессознательно. Наш творческий потенциал велик. Сколько можно искусственно удерживать его на месте? Взрыв неизбежен. А в таких случаях – и я знаю это лучше всех остальных, недаром моя область – прошлое, – в таких случаях гибнет не только то, чем можно пожертвовать. Гибнет многое. Гибнет все. Не слишком ли далеко зашли мы в охране Уровня?

– Нет, – не согласился старший. – Вы знаете, на чем основан Уровень. И знаете, что, пока нет сигнала, мы не должны предпринимать ничего. До сих пор мы строго следовали программе. И не погибли; напротив. Я не вижу другого пути и для будущего.

Они снова помолчали. Хранитель Сосуда сказал:

– Прислушайтесь.

Они прислушались. Ветерок едва слышно шелестел тяжелыми белыми гардинами, струйка фонтана во внутреннем дворе с мягким, прерывистым плеском спадала в бассейн, где-то радостно смеялись дети.

– Прекрасно, не правда ли? – сказал Хранитель Сосуда.

– Это прекрасно, – согласился Старший Хранитель, и остальные кивнули.

– Мы умеем ценить прекрасное, – снова заговорил Хранитель Времени. – Но если граждане встают под ружье... Помните ли вы первый критический период? Первый разрушенный город? Первую кровь, пролитую на нашей планете?

– Мы помним нашу историю, – сказал Хранитель Сосуда.

– Видимо, тогда нельзя было иначе, – проговорил Хранитель Природы. – То была первая серьезная попытка отойти от программы. Нарушить Уровень. Отвергнуть расчеты. Кто из нас отказался бы от жизни на уровне Земли? Но это невозможно и сегодня, что же говорить о тех временах?

– Я напомнил о прошлом потому, – сказал Хранитель Времени, – что боюсь: кровь прольется и сейчас. Я не хочу этого.

– Никто не хочет, – сказал Хранитель Пищи.

– Никто, – подтвердил Старший. – И поэтому я призвал граждан. Мы больше не можем позволить Лесу существовать самостоятельно. Не потому, что мы боялись их. Просто нам ясно: они не справятся. Не добьются развития: наоборот. И нам же придется спасать их. Но если позволить им, они за короткий срок размножатся, разрастутся больше, чем возможно. И тогда Уровень не выдержит. Сейчас крови может еще и не быть. Я уверен, что ее не будет. Но если не прервать процесс сейчас...

– Надо быть очень внимательными, – сказал Хранитель Солнца, массируя пальцами веки; глаза его были воспалены. – Не забывайте об одном, о главном: Солнце есть Солнце, и вы знаете, чего оно требует.

Хранители медленно склонили головы.

– И еще, – продолжал Хранитель Солнца. – Уже два дня нам известно, что на орбите возле нашей планеты находится, видимо, звездный корабль. До сих пор мы не сделали ничего... Но если корабль сядет... Мы запретили селиться рядом с тем местом, где опустился корабль экспедиции, давшей нам начало, как только разыскали эту точку. Но представьте, что завтра где-то неподалеку опустится не старый, ржавый, ни на что не пригодный, кроме... одним словом, не тот корабль, а новый, только что прилетевший с Земли. Как воспрянут духом все, кто

ушел в Лес или собирается сделать это! И как поколеблется Уровень, охранять который мы призваны! Как...

Старший Хранитель прервал его жестом:

– Мы думали об этом. И все мы были бы лишь счастливы, если бы к нам действительно прилетел корабль с Земли, посланец человечества, некогда отправившего наших предков сюда. Не предков, конечно: предтеч. Мы были бы счастливы, потому что ничего, кроме помощи, не могли бы ожидать от прилетевших. Ибо зачем еще Земля прислала бы корабль, как не для того, чтобы помочь нам? Я нисколько не сомневаюсь в том, что наша программа изучается на Земле не менее внимательно, чем здесь: не сомневаюсь, что в нужный момент Земля придет – и поможет; каким способом – им лучше знать. Если же этого не случится, как не случилось до сих пор... – Хранитель помолчал, провел ладонью по лицу и так же негромко продолжал: – Если не случится, значит на Земле произошло что-то, прежде не предусматривавшееся, – и тогда мы не дождемся экспедиции оттуда. Нет, я не думаю, что замеченный нашими астрономами корабль принадлежит Земле, слишком много аргументов против и, по сути, ни одного – за. А это говорит лишь о том, что нужно побыстрее справиться с Лесом, со всем, что ставит Уровень под угрозу. Что же касается корабля, то если он даже сядет, экипаж его – если на нем есть экипаж – вряд ли сможет объясниться с людьми с нашей планеты, ибо это сложнейшая задача; напротив, я думаю, что прилет каких-то иных существ позволит нам примирить тех, кто блюдет Уровень, с теми, кто не согласен с ним: внутренние распри чаще всего забываются или откладываются при угрозе извне.

– Не всегда, – возразил Хранитель Времени.

– Мы постараемся, чтобы это произошло именно так. Я думаю, что мы не должны медлить. Пора покончить с Лесом. А те, кто укрывается в нем, смогут оказать большую помощь тем, кто занят сейчас в Горячих песках. Мы только выиграем.

– Лес... – задумчиво проговорил Хранитель Пищи. – Распорядитель сказал мне, что доставили еще какие-то образцы вещей, изготовленных Нарушителями Уровня. Какую-то одежду и еще что-то...

– Посмотрим на досуге, – кивнул Старший. – Не знаю, правда, когда теперь у нас будет досуг... Да разве мы и сами не знаем, что уже сегодня могли бы делать очень и очень многое из того, что запрещаем... Но разве есть у нас иной выход? Разве можем мы, нарушив программу, кинуться в неопределенность? Нет, мы дождемся сигнала. А сейчас время решать практические вопросы. Я считаю, что мы должны разделить предстоящее на два этапа. Прежде всего – очистить район старого корабля. Как нас извещают, там обосновались какие-то люди. Необходимо прогнать их оттуда – лучше всего сразу отправить в Пески. А затем двинуться на Лес.

– И все же я опасаюсь... – пробормотал Хранитель Времени.

– Нет, – убежденно сказал Старший. – Много столетий на нашей планете не лилась кровь, не прольется она и сейчас. Можете ли вы представить, что кто-либо из наших граждан захочет пролить человеческую кровь?

Никто не ответил; потом Хранитель Солнца сказал:

– Время смотреть на солнце.

Они разом встали и направились к выходу.

Глава шестнадцатая

Мне показалось, что я приземлился в военном лагере. Автоматы стояли в крепко сколоченной пирамиде, и возле нее ходил дневальный. Дорожки, аккуратно обозначенные и соединявшие шалаши с погребенным кораблем, были очищены от хвои, и дерн с них сняли. Посредине занятой нами территории был врыт шест, на нем уже висел флаг. Я взгляделся и облегченно

вздыхнул: то был флаг экспедиции, а не что-нибудь другое. «И на том спасибо, Уве-Йорген», – подумал я.

Очень радостно было видеть наших живыми и невредимыми. Только Анны не было. Однако это никого не касалось, и я заставил себя задавать вопросы, выслушивать ответы, и в свою очередь отвечать, и не только играть роль, но и на самом деле быть деловым и целеустремленным капитаном, которому безразлично все, кроме службы. Через несколько минут я почувствовал, что злость душит меня – злость на нее. Ну ладно, можно обижаться, можно лезть в амбицию, но нельзя же заставлять взрослого человека... Девчонка, думал я, глупая девчонка... («Да, Монах, Рука пусть так и остается на орбите, и Аверов тоже, корабль все равно не посадить даже при желании...») Выдрать ремешком – вот чего она заслуживает своим поведением... («К сожалению, Уве, убедить тех людей, в лесу, будет тоже далеко не просто...») Ну, в конце концов, пусть пеняет на себя! («Я вижу, ты успел уже сформировать войсковую часть?») Пусть пеняет на себя. В конце концов, я нормальный и самостоятельный человек. Я давно уже привык к мысли об одиночестве – и отлично обойдусь без этой сумасбродки, вот как! («А ты уверен, Георгий, что у них были действительно автоматы? Похоже? Ну да, ты не специалист... Ладно, не переживай, думаю, мы очень скоро получим возможность разобраться в этом...») Да, обойдусь без нее. Даже лучше, что так: нельзя же, в самом деле, в такой обстановке отвлекаться на какую-то лирику! («Никодим, а ты сможешь показать то место, где дрожит земля? Потому что мне вспоминаются помехи, что мешают нам держать связь с кораблем, и у меня возникают некоторые предположения...») Да, а вот она, став постарше, поймет, что так любить, как я, ее больше никто не будет! А, да провались она пропадом, в конце концов! («Нет, Уве, они говорят, что Шувалова повезли в столицу, и очень хорошо, что Питек остался там...») Ну ладно, хватит о ней, забудем. Словно никогда и не было. Так или иначе – должна же быть у меня своя гордость!.. («Кстати, Уве: молодежь вся здесь?»)

Этот последний вопрос я задал как можно небрежнее.

– Кое-кого я отпустил в лес по грибы. И ягод им захотелось. Пока тебя не было, к нам присоединилось еще десятка полтора.

– Прямо партизанский отряд, – усмехнулся я. – Значит, в лес?

– Не тревожься, капитан. Посты выставлены. Врасплох нас не застанут.

– Это хорошо. Ладно, друзья, – с облегчением почувствовал, что начинаю успокаиваться. Если ей нравится бродить по лесу черт знает с кем и искать там грибы – ну пусть, ее дело. У нее свои заботы, у нас – свои. – Давайте-ка пораскинем мозгами...

Пораскинуть мозгами было над чем.

Во-первых, на нас собирались наступать. Мобилизацию не объявляют просто так. Она должна либо произвести моральное, устрашающее воздействие на предполагаемого противника, либо люди действительно собрались воевать. Первое исключалось: мы не были враждующей державой, и устрашать нас таким образом не имело смысла. Оставалось второе: они собирались всерьез драться – видимо, с нами, потому что больше не с кем было. И вот это-то и являлось самым интересным.

– Давайте разберемся. Если все обращено против нас, – а наверное, так оно и есть, – то почему мы вдруг удостоены такого внимания и уважения?

– Потому что мы – здесь, – кратко ответил Уве-Йорген. – Мы забрались туда, куда не следовало, и нашли...

– Неужели они стали бы поднимать столько шума из-за старого корабля?

– Ну, их взгляды на их собственную историю...

– Но ведь мы не пытаемся опровергать их, не выходим на площади и не кричим, что их предки не зародились в бутылке, а прибыли сюда на этом самом корабле...

– Откуда им знать, что мы этого не сделаем?

– Они не дураки и понимают: стоит нам выйти отсюда и пойти по городам, как они тут же скрутят нас по рукам и ногам. Они понимают: для нас единственное средство уцелеть – это сидеть здесь.

– Почему ты считаешь, что они думают именно так?

– Да они же люди, такие же, как и мы. И разум их – того же корня и устройства. Будь они какими-нибудь членистоногими... Но они – это мы.

– Допустим, известная логика в этом есть, – признал Рыцарь. – Тогда зачем же они готовят свое войско – ополчение, фольксштурм, национальную гвардию – называй, как хочешь.

Нахал ты, Уве, подумал я. Просто нахал. Да ладно, сейчас не в этом главное...

– Не в названии суть. Зачем они это делают? Пока могу предположить лишь одно: мы, сами не зная, сели на что-то куда более существенное, чем железный лом, – пусть даже в нем хранилась дюжина автоматов, о которых они, кстати, не знали, – иначе не оставили бы.

– Значит, – задумчиво проговорил Рыцарь, – мы что-то держим в руках, что-то важное – жаль только, не знаем, что же это такое. Может быть, объявим конкурс на лучшую догадку?

Мы немного посмеялись. Потом я сказал:

– Лучшая догадка сейчас заключается вот в чем: время догадок истекло. Надо начинать что-то делать.

– Знаешь что? – сказал Уве-Йорген с усмешкой. – Прикажи мне вступить с ними в контакт. Я это сделаю, слово рыцаря.

– Интересно... Какой твой расчет?

– Я не дипломат, рассуждаю просто. Я доберусь до этих Хранителей, хотя бы они того или нет, и заставлю их выслушать Шувалова. Потом они издадут закон, по которому все должны будут встать и полезть в трюмы или куда прикажут. А мы уж постараемся, чтобы закон дошел до каждого.

– А если они не издадут такого закона? – усомнился я.

– Ты нам говорил: они такие же люди, как мы...

– А ты издал бы – на их месте?

– А что бы мне оставалось? – Рыцарь снова ухмыльнулся и прищурил глаз.

– Ну а я вот еще подумал бы. Видишь ли, у нас несколько разное воспитание.

– Для них будет намного лучше, если они окажутся похожими на меня, – очень серьезно сказал Уве-Йорген.

– Откуда же им набраться опыта? Не забудь: они – не только суверенное государство, но и вообще единственное здесь. Их до сих пор никто еще не завоевывал. Они просто еще не умеют капитулировать.

– Вспомни Кортеса. С горсткой воинов он покорил империю именно потому, что до этого ее никто не завоевывал! А в нашей многострадальной Европе он не заполучил бы и ничтожного графства: у нас издавна привыкли отбиваться когтями и зубами.

Так мы переговаривались, а остальные члены экипажа молчаливо и внимательно слушали, и лица их оставались спокойными.

– А если они все-таки откажутся, Рыцарь?

– А что делали в старые добрые времена, если правительство не соглашалось? Создавали новое правительство. Любым методом.

– За любые методы – благодарю покорно, – сказал я. – Да и потом, мне кажется, ты в корне ошибаешься. Не те это люди, чтобы повиноваться любому приказу. Если ты даже вот этих твоих воинов не можешь заставить стрелять в людей... Здесь никто не станет делать ничего такого, чего не понимает, во что не верит.

Иеромонах негромко прогудел:

– Вера могла бы спасти. Но чтобы уверовать, человеку должно проникнуться...

– Новыми идеями люди легче всего проникаются, когда они голодны и неустроены, – задумчиво проговорил Уве-Йорген. – Это я очень хорошо помню.

– Они, насколько мы можем судить, не голодны. Изобилия нет, но на жизнь хватает.

Рыцарь выпятил губу.

– Изобилие организовать трудно, а вот голод... Хлеб имеет свойство гореть.

Иеромонах вытянул вперед свои тяжелые руки.

– А вот я тебя, – сказал он. – Этими самыми руками... И простится мне.

Он не шутил, все поняли это сразу. Ах, подумал я, наш пластичный, наш гибкий, наш дружный экипаж!

– Ладно, Никодим, – успокоительно сказал я. – Он же шутит.

– На больших дорогах этак-то шучивали, – гневно сказал инок.

Георгий молвил:

– Не знаю, зачем так много разговоров и размышлений. Все очень просто. Тех, кто захочет, – увезти. Кто не захочет – оставить. Пусть спасаются, как знают.

Он сказал это совершенно спокойно.

– Просто так – взять и оставить на гибель?

Он кивнул.

– И ты сможешь потом спокойно спать?

Он сказал:

– Если только не съем перед сном слишком много мяса.

Заря человечества, подумал я. Милая Эллада, компанейские боги. И вообще – золотой век!

– Хайль Ликург! – сказал Уве-Йорген и, сощурился, покосился на меня.

Но сейчас мне было не до Рыцаря.

– Ты не переедай, – посоветовал я спартиоту вроде бы в шутку, хотя мне стало очень не по себе. Но обижаться на него не было смысла, а негодовать – тем более; он принес бы в жертву всех – такова была этика его времени, и хотя с тех пор его научили читать галактические карты и точно приводить машину туда, куда требовалось, иным он не стал: знание даже вершин современной науки не делает человека гуманным, и это было известно задолго до меня.

– Ладно, капитан, – сказал Уве-Йорген. – Не грусти: лучшие решения всегда приходят экспромтом. Если, конечно, сначала над ними как следует подумать.

– Погоди, – сказал я. – Я ведь не зря пропадал в лесу. Может быть, нам пригодится то, что я там видел: следы иной цивилизации. Тоже нашей, земной: потомков той же экспедиции.

– Не выжили?

– Похоже, их разгромили.

– Была война? – насторожился Георгий.

– Мы внимательно слушаем, – произнес Рыцарь.

Я рассказал им, что знал.

Выслушав, Уве-Йорген вскочил.

– Ты жаловался, что у тебя нечем поднять людей! – сказал он. – Они тут такие порядочные... Но оказывается – еще не так давно они прекрасно умели убивать! Чем это не повод, чтобы скovyрнуть правительство?

– Да понимаешь ли, – сказал я и хотел объяснить, что сама мысль о свержении законного правительства мне претит, но тут же подавился всеми своими словами.

Потому что из леса показались грибки, и Анна была среди них. Я увидел ее, и у меня перехватило дыхание, так что я сразу понял, что все мои рассуждения относительно нее – от глупости и что даже самой строгой логикой нельзя убить любовь, так же как самой строгой логикой нельзя ее вызвать.

– Ладно, кончили, – сказал я, встал и пошел ей навстречу.

Мы встретились как ни в чем не бывало, – во всяком случае, со стороны это должно было так выглядеть, но я не уверен, удалось ли мне добиться желаемого эффекта. Анна улыбнулась, но я сразу почувствовал: что-то не так. Все, может статься, вышло бы хорошо, если бы мы сумели сразу, не замедляя шага, броситься на шею друг другу, поцеловаться, прошептать на ухо какую-то бессмыслицу. Но никто из нас в первый миг не был уверен, как отнесется к этому другой, да и все глазели на нас – и мы чинно поздоровались, а момент был упущен.

– Ну как ты? – спросила она вежливо, и я ответил:

– Да все нормально, как видишь. А ты? Устала?

– Устала, – сказала она.

Мы еще постояли, потом она кивнула:

– Ну я пойду.

Я шагнул в сторону, чтобы пропустить ее, повернулся и пошел рядом: не хотелось показывать, что у нас что-то разладилось.

Около шалаша я спросил:

– Обедом накормишь?

– Да, – деловито сказала она, – в лесу много грибов. Вот посмотри. – Она приоткрыла корзинку, висевшую у нее на локте, и я заглянул и убедился, что грибов действительно много. Мы еще постояли, затем я сказал:

– Ну тогда ладно... – повернулся и пошел к своим.

Мне надо было что-то делать, и я сказал им:

– Время еще есть. Слушай, Монах: это далеко отсюда?

– Поляна? С полчаса – если шагом.

– Пошли.

Он поднялся с земли. Уве-Йорген заявил:

– Нет, хватит шататься по лесу без охраны.

– Почетный караул не нужен, – возразил я. – Это не официальный визит.

– Не забудь, – ответил он, – что войны нам не объявляли и мы не знаем, когда на нас нападут.

– Чего ты хочешь?

– Во-первых, пойти с вами. А во-вторых, четверо автоматчиков нам не помешают.

Мне не хотелось спорить, и я сказал:

– Ну давай.

Уве-Йорген скомандовал, и четверо мальчишек, донельзя гордых, мигом схватили свои автоматы.

– Только попроси, чтобы они ненароком не подстрелили нас, – предупредил я.

– Не беспокойся. У здешних ребят крепкие нервы.

– Это хуже всего, – сказал я. – Людей с крепкими нервами бывает труднее всего переубедить.

– Зато они легко переубеждают других, – серьезно сказал он, повесил автомат на грудь и положил на него ладони. – Ну идем?

Когда мы отошли от лагеря, я сказал:

– Ну как тебе лес? Благодать, правда?

И правда было хорошо, если только отвлечься от наших забот. Птицы, вспугнутые нашими шагами, вспархивали и галдели наверху, какая-то четвероногая мелочь шебуршала в кустах – напуганная выстрелами, она затихла было, но теперь приободрилась.

– Я понимаю, что им не до того, – ответил Уве-Йорген, – но я назначил бы сюда хорошего лесника.

Я сначала рассердился, а потом подумал, что лесник и в самом деле не повредил бы.

Дальше шли молча. Валежник хрустел под ногами. Иеромонах что-то бурчал под нос, отыскивая оставленные им знаки.

Минут через сорок вышли на поляну.

– Добре́ли, – сказал Никодим. – Вот просека, а та, другая, заросла.

Мы убедились, что так оно и было.

– Теперь посередке послушайте...

Земля тут не то чтобы дрожала, но была ощутимо теплее, чем вокруг, и, если прильнуть к ней ухом, можно было услышать басовитое жужжание.

– Что станем делать? – озабоченно спросил Иеромонах.

– Какое-то устройство на ходу, – прикинул я вслух. – Наверное, того же возраста, что сам корабль, но работает. А раз тут бывали беспокойные времена, думаю, что его не оставили без страховки.

– Шкатулка с секретом, – сказал Уве-Йорген, – нажмешь кнопку, выскочит чертик. И хорошо еще, если просто чертик...

– Посмотрим, – согласился я, – со вниманием.

Мы принялись чуть ли не ползать по поляне – вдвоем, потому что остальные все равно ничего не понимали; мы принюхивались минут двадцать, потом Уве сказал:

– Нет, видимо, пусто.

– Считаешь?

– Рассуждаю. Даже подстраховка здесь должна быть устроена на недолго; значит, не в траве.

– Да, пожалуй.

– Поищем на опушке, а?

– Знаешь, Рыцарь, деревья тоже умирают.

– Значит, не дерево. Что-то внешне похожее на дерево. На пень. На... что угодно.

Мы поискали, и безуспешно.

– Наверное, – мрачно проговорил Рыцарь, – у них была своя логика, наизнанку. Придется копать. Но никто не отдал приказания взять лопаты, и никто их, естественно, не взял. Возвращаемся?

– Ничего другого не остается, – согласился я.

В лагере после обеда парни ушли сменять посты. Остальные улеглись поспать. Жизнь была как на курорте, и не хотелось думать об уходящем времени, как на курорте стараешься не думать об этом.

– Анна, – сказала я. – Пойдем поговорим?

Она сразу согласилась.

– Пойдем.

Мы шли по лесу, и я не знал, с чего начать. Она тоже молчала.

– Слушай, – сказал я наконец таким голосом, что слова можно было принять и в шутку, и всерьез. – Что за мода – бродить с ребятами по лесу?

Она покосилась на меня:

– Это не опасно.

– Почему?

– Несерьезно.

– А со мной – серьезно?

Она помолчала, потом сказала – тоже как бы в шутку:

– Смотри – проспичь. Прозеваешь.

– Тебя?

– Меня.

– Анна...

– Не надо, – сказала она.

– Что, значит – конец?

– Нет, – сразу же ответила она. – Мне с тобой интересно.

– Ну тогда...

– Нет. Так – не надо.

У меня опустились руки. Потом я сказал ей:

– Знаешь, в дядюшки я не гожусь.

– Дурак, – сказала она.

– Я?

– Ты.

– А-а! – сказал я.

Мы еще помолчали.

– Может, ты объяснишь, в чем дело?

– Ни в чем, – сказала она. – Просто так.

– Да почему... – начал было я, но тут же сообразил, что спрашивать об этом и в самом деле не очень-то умно.

– Ладно, – сказал я невесело. – Погуляем еще?

– Да.

Мы пошли дальше.

– Ты просто не представляешь, какое было множество дел...

– Я ведь тебя не спрашиваю.

– Неужели ты думаешь, что я...

– Я думаю, что я тебе не нужна, – сказала она холодно.

– Ну как ты можешь...

– Ты что – не мог даже поговорить оттуда?

– Не мог! Не мог я выйти на связь. Я был далеко от катера!

– Нет, мог, – сказала она упрямо.

Продолжать я не стал, потому что продолжать было нечего. Мы прошли еще немного.

– Пойдем назад? – предложил я.

Она без слов повернула назад.

И тогда мы услышали выстрелы в той стороне, где были посты.

Я глянул и на миг оцепенел: по просеке двигались люди.

Они были вооружены неказистыми, увесистыми ружьями. Некоторые держали пики.

Раздумывать было некогда. Я схватил Анну за руку.

– К лагерю! Быстрее!

Мы бежали что было сил, отступая под натиском превосходящих сил противника. В лагере все были уже на ногах. Уве-Йорген все же успел научить парней чему-то; во всяком случае, залегли они быстро и, я бы сказал, толково. И оружие изготовили. Но стволы всех автоматов были направлены в небо.

Наступавшие теперь перебегали меж деревьев со всех сторон. Впечатление было такое, что нас окружали.

Я достал пистолет, достал патрон и вытянул руку.

Люди с ружьями приближались. Они были пока что метрах в шестидесяти, а я знал, что из моего пугача можно вести действенный огонь метров на двадцать пять – тридцать. Иначе это будет трата патронов. Я ждал, пока они подойдут поближе, и не спеша выбирал цель.

Подошла Анна. Остановилась. Я схватил ее за руку и дернул:

– Не изображай неподвижную цель!

Она неспешно прилегла и с любопытством спросила:

– Что вы будете теперь делать?

«В самом деле, что же?» – подумал я.

Я лежу тут, на песке чужой планеты, и собираюсь стрелять в людей, населяющих ее. Я считаю, что прилетел спасти их, и вот лежу и собираюсь стрелять в них. И убивать. Потому что, когда я был солдатом, меня учили: стрелять надо не мимо, а в цель. Надо убивать врага, потому что иначе он убьет тебя.

Но были ли эти люди моими врагами?

Я был чужой им, они – чужими мне.

Может быть, их вина в том, что они мешают нам спасти их?

Но надо ли спасать человека любой ценой – даже ценой его собственной жизни?

Пусть погибнет мир – лишь бы торжествовала справедливость?

Или все-таки как-нибудь иначе?

Они были метрах в сорока, когда я встал.

Встал, сунул пистолет в карман и с полминуты смотрел на них, а они – на меня. Они не остановились, не замедлили шага.

Я оглянулся и на лицах наших парней увидел облегчение. Здешних парней, воинов Рыцаря. Люди из экипажа лежали спокойно. Иеромонах отложил автомат и подпер подбородок ладонями, словно загорал, а остальные продолжали держать оружие на изготовку.

Я ждал. Наконец от наступавших отделился человек и, убыстрив шаг и размахивая руками над головой, направился ко мне. Он был без оружия. Парламентер, понял я. Просто они не знают, что в таких случаях полагается нести белый флаг.

– Дай-ка автомат, – сказал я Никодиму.

Не вставая, он протянул мне свой. Я закинул оружие за спину.

– Я с тобой, – сказала Анна. На лице ее было любопытство.

– Попробуй только, – пригрозил я и двинулся навстречу парламентеру.

Мы встретились недалеко от наших позиций.

– Думаю, – сказал я ему, – нам надо поговорить, пока не началась серьезная стрельба.

Он, кажется, немало удивился.

– О чем говорить? Вам надо сдаваться.

– Да неужели? – удивился я.

– Конечно, – сказал парламентер. – Ты умеешь воевать? Тогда смотри: мы вас окружили. Вы проиграли. Значит, надо сдаваться. Ведь иного выхода нет?

– Это как сказать, – произнес я, сомневаясь.

Он описал рукой круг, потом наставительно поднял палец:

– Ты же видишь: мы вокруг вас. Это и есть окружение. В таких случаях полагается сдаваться.

Я вздохнул.

«Бедные люди, – подумал я. – Что для вас война? Что-то вроде игры в шахматы. Все строго по правилам. Ходы, сделанные с нарушением правил, не считаются. В безнадежной позиции полагается сдаваться, а не тянуть до момента, когда тебе объявят мат. Чемпионат на солидном уровне. Очень хорошо. Вы ни с кем не воевали. Вам не с кем воевать. И не надо. Но почему те, кто послал вас теперь, не объяснили вам, что драка – не шахматы и ведется она по тем правилам, какие изобретаются в ходе игры?»

– Ага, – сказал я вслух. – Значит, нам полагается сдать. Что же тогда с нами будет?

Он пожал плечами.

– Да уж, наверное, придется вам всем повозиться в Горячих песках, – сообщил он почти весело. – Будете строить там башни, и не иначе. Наверное, там вы быстрее поймете, что нельзя забираться туда, куда не разрешено.

– Может, тогда и пойдем, – согласился я. – Однако в этой позиции еще можно играть. Предлагаю ничью.

Он не понял, и я повторил:

– Предлагаю ничью. Ты заберешь свое войско и отправишься восвояси.

– А вы?

– А мы останемся здесь. Нам тут очень нравится, понимаешь? И мы собираемся здесь побывать – ну, допустим, еще два дня. Потом можешь приходить и поднимать свой флаг: нас здесь уже не будет. Договорились?

– Вам нельзя здесь оставаться, – сказал он. – Это не разрешено, разве я непонятно объяснил?

– Ну ладно, – сказал я хмуро, уразумев, что сквозь его логику мне не пробиться. – В последний раз спрашиваю: смаетесь вы отсюда или придется выгонять вас силой?

Тут он понял, что я говорю серьезно.

– Ты на самом деле не хочешь сдаваться?

– Не вижу повода.

– Но тогда... тогда вам будет куда хуже! Тогда вы, может, не отделаетесь даже Горячими песками, тогда... ну, вам будет очень плохо.

– Тем, кто доживет, – сказал я.

Пока мы с ним перебрасывались этими необязательными словечками, я думал: а почему? Почему надо мне удерживать позицию, раз я не знаю, что в ней ценного? Почему не прекратить войну, не начиная? Зачем я лезу со своими правилами в этот симпатичный, хотя и обреченный монастырь?

«А вот зачем, – ответил я сам себе. – Тут находится что-то такое, что для них очень важно. Не для этих мужиков с самопалами – им известно только, что тут нельзя находиться, и они спешат убедить нас в том, что игра проиграна, чтобы и самим поскорее убраться с запретной территории. Нет, не для них, а для тех, кто послал их. Мы нечаянно нащупали болевую точку в их организме. И те, кто послал сюда дружину, ощущают боль и хотят от нее избавиться.

Но боль бывает и полезна. Что, если мы все же со здешними властями не поладим? Ничего не докажем, ни в чем не убедим? В таком случае – Уве-Йорген прав – нам придется спастись их силой, то есть вынудить правительство сотрудничать с нами. Нет, мы никак не должны убирать пальцы оттуда, где, может быть, случайно прижали их артерию... Мы останемся здесь».

– Слушай, – недовольно сказал парламентар. – Ты не видишь, что я жду? Сколько я могу стоять так, по-твоему?

– Ладно, – сказал я. – Теперь запомни как следует то, что я скажу, и ничего не перепутай. Мы отсюда не уйдем. А ты отправляйся к своему командованию и скажи, что переговоры мы станем вести только на самом высоком государственном уровне. Понял?

– Нет, – искренне ответил он. – Вам надо сдаваться – почему же ты еще ставишь какие-то условия?

Я махнул рукой: втолковать ему что-нибудь было невозможно.

– Тогда так, – сказал я. – Ты все-таки запомни то, что я говорю. Я постараюсь, чтобы ты унес отсюда ноги живым и по возможности здоровым. А ты передашь мои слова своему начальству. Усек? Тогда мотай отсюда.

Не ругаюсь, что он понял все буквально, но тон мой был недвусмысленным. Однако в ответ он только улыбнулся.

– Что ты говоришь! – сказал он. – Оглянись: твои уже готовы сдать! Они-то знают, что вы проиграли!

Я внял совету и оглянулся.

И в самом деле, наша гвардия уже покинула свои укрытия, оставив автоматы на песке. Молодцы и вправду решили сдаваться – по тем правилам, какие были у них приняты; парни

стояли кучкой, безоружные и унылые. Уве-Йорген глядел на них свирепо. Георгий – презрительно, а привыкший прощать Иеромонах был, кажется, даже рад тому, что молодые люди не впадут во грех смертоубийства.

– Никодим! – крикнул я. – Подбери оружие!

Он кивнул.

Я обождал, пока он собрал автоматы. И снова повернулся к ожидавшему парламентарю. Тот улыбнулся.

– Ну? – сказал я. – Убедился? Несите все оружие сюда. И ты отдай свое тоже.

– Просят не беспокоиться, – ответил я ему языком объявлений. Медленно снял автомат с плеча и двинул прикладом ему под вздох.

Он не ждал этого, оглянулся, и упал, и стал корчиться на песке, откусывая большие куски воздуха. А я повернулся и неторопливо пошел к кораблю. Я уже знал: в спину они стрелять не станут. И вообще вряд ли станут стрелять.

Мои капитулянты стояли, оторопело глядя на меня.

– А ну пошли отсюда! – сказал я сердито.

Они глядели, как побитые песики.

– Как же... – пробормотал один из них. – Они ведь выиграли...

– Повезло вам, мальчики и девочки, – сказал я невесело. – Вы не знаете, что такое война, – и не надо вам знать этого. Бегите куда глаза глядят и постарайтесь не попадаться в руки войску.

– А вы? – нерешительно спросил другой.

– А мы играем по своим правилам. Но они – не для вас. Ну – кругом марш!

Они поплелись прочь.

– Да не туда! – крикнул я им вдогонку. – Шагайте вглубь леса и обойдите их стороной!

После этого они задвигались побыстрее.

Я поглядел в сторону противника. Четыре стрелца тащили нокаутированного мною парламентаря в свой тыл. Остальные клацали фузеями, снова изготавливая их к бою.

Мы с Иеромонахом залегли так, чтобы защищать ход, ведущий к кораблю; возможно, нам придется отступить туда и отсиживаться в этом доте.

– Ну, отче, – сказал я.

Инок не услышал; он бормотал что-то, и мне показалось, что я расслышал слова вроде «Одоления на супостаты...». Я даже не улыбнулся: каждый настраивается на игру по-своему. Мне вот достаточно подумать об Анне.

Я покосился на нее: она, конечно, не усидела в корабле и теперь лежала рядом со мной.

– Что вы собираетесь делать? – спросила она с любопытством.

– Хотим доказать, что еще не вечер.

– Но их ведь больше?

– Ничего, – сказал я. – Зато мы в тельняшках.

Я и не ожидал, что она поймет это. Но она не поняла и многого другого.

– Они ведь с вами не согласятся...

– Поглядим, – сказал я, изготавливаясь, потому что противник, оправившись от удивления, стал строиться для новой атаки. Они строились очень красиво и убедительно и собирались наступать тремя плотными колоннами. Мечта пулеметчика, подумал я. Но это будет просто мясорубка.

Я вскочил на ноги.

– Рассредоточьтесь, идиоты! – крикнул я им. – Цепью! Перебежками! Кто же атакует колонной, когда у нас авто...

Но окончания они не услышали, потому что грянул залп и на меня посыпалась хвоя. Тут же последовал второй – точно так же поверх голов, – и они, не вняв доброму совету, двинулись вперед, а в тылу их даже засвистела какая-то пронзительная дудка.

Я вздохнул; мне было тяжело.

– Спрячься, ребенок, и не гляди, – сказал я Анне. – Это не для тебя.

– Нет, – сказала она. – Я хочу посмотреть.

– Если ты увидишь, ты меня больше никогда не...

– Что ж ты не стреляешь? – возбужденно подтолкнула она меня. – Они стреляли уже два раза, а вы молчите. Ваша очередь!

Я повернулся к ней. Глаза ее горели, ей было весело.

«Вот так, – подумал я. – Мы, значит, спасаем это бедное, маленькое, неразумное человечество. Своеобразным способом спасаем мы его! С нами приходит страх! – вспомнил я „Маугли“. Вот он, страх, страх добротной земной выделки – вот он, в моих руках. Вот прорезь, вот мушка. Длинными очередями, с рассеиванием по фронту...»

Я целился не в макушки деревьев. Я целился в пояс, как и полагается на войне.

Но перед тем как мягко, плавно нажать спуск, я все-таки поднял ствол чуть ли не к самому небу, словно хотел обстрелять проклятую звезду, из-за которой все и заварилось.

Нет, нельзя, нельзя стрелять в людей, которые смыслят в военном деле столько же, сколько и малые дети, а то и куда меньше, если сравнивать с детьми моего времени, и к тому же совершенно не собираются убивать меня.

Мы играли на чужой площадке, и надо было – если мы хотели и впредь считать себя порядочными людьми – играть по их правилам.

И я крикнул своим:

– Только не по людям! Ясно?

Они удивленно посмотрели на меня; Уве-Йорген скривился, а Никодим улыбнулся.

– Нет, – сказал он. – Я их только переполошу.

Он прицелился в макушки деревьев и дал очередь.

Шишки так и посыпались на них. Но шишки не убивают.

Как только мы приняли их правила, стало ясно, что это будет игра в одни ворота: их было слишком много, а мы играли все время одним составом, и патронов у нас было в обрез. К тому же – я заранее знал, что так и получится, – нападавшие стали постепенно входить в азарт, и пули жужжали все ближе к нам, глухо стучаясь в стволы или плюхаясь на песок. Сдуру они могли и ранить – случайно, конечно, но нас было слишком мало, чтобы терять людей даже по недоразумению.

– Оставайся здесь, – сказал я Никодиму. – А ты ползи за мной.

Анна послушалась, хотя вряд ли это было ей приятно. Я подполз к Уве-Йоргену.

– Пожалуй, Рыцарь, пора заключить перемирие.

– Если ты собираешься воевать таким способом, – ответил он, не отводя взгляда от наступавших, – то лучше капитулируй сразу. Но скажу тебе откровенно: такая война не по мне.

– Я говорю не о капитуляции, а о перемирии. Нам надо решить, что делать.

– Попробуй, – согласился он нехотя. – Дипломатия – твоя стихия.

– Иди в корабль, позаботься хотя бы об ужине, – сказал я Анне. – Не бездельничай.

Это подействовало, и она не стала возражать. А я улучил миг, когда стрельба чуть ослабела, встал и пошел им навстречу, так же размахивая руками над головой, как их парламентар.

Удалось добиться перемирия на час, поскольку я втолковал им, что такие действия целиком входят в правила той войны, которую вели они. Наступавшие с облегчением прекратили палить и тут же занялись ужином. А мы сели в кружок и принялись совещаться.

– Они не отвяжутся, – сказал Уве-Йорген. – Они всерьез обеспокоены чем-то. И значит, говорить о мирном, деловом контакте больше нельзя.

– Как бы они ни вели себя, – сказал я, – наша задача не меняется.

– Прости им, ибо не ведают, что творят, – произнес инок.

– Пусть цель и не меняется, – сказал Рыцарь, – но должны измениться средства. Ульдемир, ты еще надеешься, что Шувалов сможет чего-то добиться?

– Знать бы хоть, что с ним...

– Ладно, – сказал Уве. – В таком случае у нас остаются еще две возможности. И ты должен попытаться использовать обе.

– Слушаем тебя.

– Твои лесные люди. Надо поднимать их и вести на город. Надо прийти к власти и показать ей, что за нами – сила.

– Ну а вторая? – спросил я.

– Я останусь тут. Хочу все-таки разобраться, чего ради они выпустили столько патронов. А потом надо будет еще слетать за Питеком.

– Они намного сильнее. У тебя кончатся патроны, что тогда?

– Будь спокоен, – сказал Уве-Йорген, – гибнуть я не собираюсь и загорать на их Горячих песках – тоже. К тому же оставь со мной Георгия. А Иеромонах пусть летит с тобой. И девушку заberi: ей тут делать будет нечего.

Мне не очень понравилось предложение Рыцаря, но, пожалуй, оно было все-таки самым разумным. Конечно, мы могли уйти все. Но тогда так и осталось бы неизвестным, что же столь важное для властей скрывалось здесь.

– А потом? – спросил я. – Когда ты выяснишь, что здесь кроется – или когда тебя заставят уйти отсюда?

Уве-Йорген подумал.

– Тогда заберем Питека и постараемся присоединиться к вам, – ответил он наконец. – Да и обстановка подскажет...

– Пусть будет так, – согласился я.

– И еще одно. Мы вступаем в войну. На войне иногда убивают.

– Тут, кажется, нет.

– Пока нет. Но в цель иногда попадаешь, даже не желая. Шальные пули... И если мы двое так и не сможем присоединиться к вам, не забывай при всем твоим широкодушием и любви к малым сим: время уходит, а Гибкая Рука не из тех, кто медлит выполнять приказ.

– Это как-никак мой приказ, – сказал я. – Так что не забуду.

Мы с Никодимом и Анной втроем кое-как втиснулись в малый катер, чтобы долететь до леса. Большой оставили Уве-Йоргену. На прощание я сказал ему:

– Надеюсь, ты будешь действовать как достойный представитель высокой цивилизации.

– Не беспокойся, капитан, – сказал он, – и не спрашивай.

Но я не был спокоен. Я знал, что есть вещи, которые Уве-Йорген умеет делать лучше, чем я, но всей душой надеялся, что ему не придется пустить в ход все его умение.

Глава семнадцатая

– Рука, неужели до сих пор нет никаких сообщений?

– Я и не жду их, доктор. Там, на планете, что-то создает такие помехи, что для связи катер должен выйти в космос. Думаю, у наших нет для этого времени.

– Знаете, я очень волнуюсь... Пойдите, а это что? – Аверов смотрел на приборы. – Батареи стоят под зарядкой?

– Да. Я заряжаю их до полного.

– Но почему? Если не было никаких новых распоряжений...

– То выполняются старые, доктор. И время выполнения все приближается.

– То есть вы хотите сказать, что, если срок истечет и никто из наших не подаст никаких признаков жизни, вы... включите установку и начнете воздействовать на звезду?

– Нет, доктор. Этого я вовсе не хочу сказать.

– Зачем же в таком случае батареи?

– Чтобы вы, доктор, в нужный момент смогли начать воздействие. А моим делом будет лишь вывести корабль в нужную для этого точку.

Аверов сделал шаг назад, скрестил руки на груди. Рука, не вставая, спокойно смотрел на него и дымил трубкой.

– Можете быть уверены, что я этого не сделаю! – сказал ученый.

– Вот тогда это придется сделать мне, – сказал Рука.

– Ха! Хотел бы я посмотреть...

– А вот посмотреть вы уже не сможете, – сказал индеец, не сводя с ученого неподвижных глаз. Аверов понял смысл слов не сразу.

– Вы что... Вы сможете?..

– Да, доктор. Я смогу. И то и другое. Это в моих силах.

Аверов хотел еще что-то сказать, но почувствовал, что нет сил.

Шувалов полагал – и, по-видимому, справедливо, – что люди, находящиеся у руководства, могут обладать многими недостатками, в том числе (как показывала история) порой очень неприятными, но быть глупыми они просто не имеют права. И в данном случае, поскольку опасность, грозившая планете, была равной для всего ее населения, независимо от его возраста, здоровья, социального уровня и прочего, – руководство, по мнению Шувалова, не должно было пренебречь ни одной возможностью спасения и обязано было с радостью пойти навстречу любому, кто такое спасение предложит. Но сам он до сих пор никакого предложения сделать не мог – просто не мог.

Его просьбы и требования встречи с кем-либо из Хранителей Уровня оставались безрезультатными. Ему каждый раз отвечали одно и то же:

– После приговора сможешь просить о смягчении участи. Тогда Хранители рассмотрят твою просьбу. Пока же им не о чем с тобой разговаривать.

– Но простите! – возражал Шувалов. – Мне лучше знать!

– Закон не позволяет Хранителям выслушивать преступников, пока суд не вынес приговора.

С законом спорить было невозможно.

Время уходило стремительно. И когда настала пора предстать перед судом, Шувалов решил прибегнуть к последнему, видимо, средству, какое оставалось в его распоряжении.

Его судили в большом зале, заполненном народом. Стены и потолок зала были покрыты странной росписью, мрачные, резкие тона которой, начинаясь от пола, чем выше, тем больше переходили в мягкие, умиротворяющие. Возможно, эта роспись заменяла символы правосудия, принятые на Земле, – повязку и весы богини.

Судей было пятеро, и они находились на возвышении, однако не за столом – стола не было, они просто сидели в глубоких креслах, стоявших полукругом, а в центре полукруга находился табурет, на который и усадили Шувалова. Судьи оказались пожилыми, сдержанными в словах и жестах людьми. Зато публика проявляла эмоции открыто, и выражаемые ею чувства были – это стало понятно сразу – не в пользу Шувалова. Люди были искренне возмущены и встревожены, и написанная на их лицах тревога порой вытеснялась выражением если не ненависти, то холодного отчуждения, целиком относившегося к подсудимому.

Ритуал оказался несложным. Публике объявили, кого будут судить и за что. Потом еще раз объяснили Шувалову, что судить будут именно его, и подробно объяснили, в чем его обви-

няют. Затем стали давать показания возчики, врачи, судья и пострадавший астроном. Он, говоря, то и дело поворачивался к Шувалову, хотя должен был смотреть на судей, и в глазах астронома были недоумение и сожаление.

– Итак, признаешь ли ты себя виновным в том, что хотел и пытался совершить убийство?

Кажется, настал момент. Шувалов встал.

– Высокий суд...

– Ты говори просто: судьи.

– Судьи! Я признаю себя виновным.

Легкий гул прошел по залу.

– Но это – лишь малая часть преступлений, в которых можно обвинить меня.

Зал замер.

– Я, систематически нарушая Уровень...

Снова гул.

– ...нашел способ совершить воистину страшное и жестокое преступление!

И снова – мертвое безмолвие.

– Последствия преступления были бы неисчислимы. Они привели бы к тому, что Уровень рухнул, а затем и сама жизнь всех людей сделалась невозможной. Сейчас я в ваших руках, но помните: я не один! И если совершится задуманное мною – вы погибнете!

В зале кто-то слабо вскрикнул. Кто-то заплакал. Шувалов перевел дыхание.

– Я еще не знаю, какой способ мы применим. Потому что их два.

Шувалов умолк. Он сделал это намеренно.

– Говори! – чуть хриплым голосом сказал судья, сидевший в середине. Но другой, сидевший справа, перебил его:

– Но ведь ты погибнешь и сам, подсудимый! И твои товарищи тоже погибнут!

– Да, – сказал Шувалов. – В том-то и дело. Ведь каждый человек должен умереть. И мы решили: раз мы должны умереть, то пусть умрут все.

– Неужели ты так ненавидишь людей?

Шувалов ответил не сразу. «Я слишком люблю людей, – думал он, – мы все слишком любим людей, даже дураков – потому что они ведь не виноваты в том, что существует знание, слишком тяжелое для их нетренированных мозгов...»

– Да! – сказал он. – Я ненавижу людей.

– И все-таки... То, что ты сказал, звучит страшно, но как нам поверить? Нам трудно поверить в такую меру жестокости... Ведь ты человек, как и мы...

– Неужели вы не понимаете, что тот, кто спокойно и хладнокровно пытался убить человека, может убить сразу множество людей?

Судьи переговаривались вполголоса. Гул в зале нарастал.

– Подсудимый! – обратился к нему сидевший в середине. – Скажи, нет ли способа отвлечь тебя от преступлений? Чего ты хочешь? Может быть, если мы предоставим тебе свободу и позволим жить, где ты пожелаешь...

Шувалов покачал головой.

– Я должен сообщить вам, судьи, – сказал он, – что уже начал раскаиваться в задуманном и подготовленном великом преступлении. Я скажу вам почему. Я хотел прославиться, совершив его; но потом понял, что если не останется людей, то некому будет и помнить, и говорить обо мне...

Судьи утвердительно кивнули.

– То, что я задумал и начал, еще можно предотвратить.

Средний судья встал.

– Мы требуем, чтобы ты сказал нам – как! Сказав, ты во многом искупишь свою вину.

– Да! Да! – кричали в зале.

– Я согласен, судьи!

– Говори! Говори же!

Шувалов снова сделал паузу.

«Смешно, – думал он, – как же несложно было все это придумать! Начни я им говорить о грозящей вспышке Сверхновой – ни один не поверил бы, хотя то была бы святая истина. А вот поверить в сверхпреступление – вы в состоянии, вы готовы. Милые, простодушные, необразованные люди...»

– Я скажу, судья. Но не тебе и никому из вас.

– Почему же?

– Потому что дело ведь касается всех людей и всего Уровня, не так ли? И будет справедливо, если я скажу все тем, кто хранит Уровень.

Судьи снова негромко перемолвились. Потом сидевший справа объявил:

– Обо всем, что сказал подсудимый, мы сообщим Хранителям, и они вынесут свое решение. Да пребудет Уровень!

По залу прошелестел вздох облегчения. Искреннее всех вздохнул Шувалов. Вот и сделано дело, подумал он. Наконец-то можно будет начать работать, спасти людей... Он снова обвел глазами собравшихся в зале. И они тоже, не спеша расходиться, смотрели на него – кто со страхом, кто с интересом, некоторые – спокойно, иные со злобой. А один смотрел с веселой улыбкой. Шувалов удивился: уж очень неуместно было здесь выражение симпатии. Он поднял брови. Тот человек, встретив его взгляд, улыбнулся еще шире и прищурил глаз – и тогда Шувалов узнал Питека, на душе у него стало совсем хорошо, и захотелось петь.

– ...Впрочем, – сказал старший Хранитель Уровня, – у вас и не было возможности составить о нас правильное представление. Так уж глупо получилось... но согласитесь – ваш визит был для нас по меньшей мере неожиданным. Кто мог подумать, что вы – с Земли?

Шувалов охотно кивнул. Наконец-то он разговаривал с человеком – сразу ощущалось – своего круга. С поправкой, разумеется, на уровень знаний – и все же с человеком, мыслящим, видимо, достаточно широко и масштабно.

Хранитель устало потер лоб.

– Да, неверное представление... Вам, видимо, многое показалось произвольным, непонятным... неприемлемым. Наверное, так. Мне трудно судить об уровне вашей сегодняшней цивилизации, однако я понимаю, что все эти столетия она не стояла на месте и развивалась, как я теперь понимаю, не совсем в тех направлениях, что до экспедиции наших предков... впрочем, нашими предками они как раз не были.

– В общем, – согласился Шувалов, – Земля несколько изменила цели и методы.

– Ну а у нас выбора не было: характер нашего развития был предопределен заранее... На Земле еще помнят о нашей экспедиции?

– Мм... Специалисты и историки – безусловно. Помним, что было несколько экспедиций. Но о результатах нам ничего не известно.

– Один из результатов – перед вами. Попробуйте представить себе, как все это происходило, – и поймете, что ничем иным дело не могло закончиться.

Представьте себе, что крайне ограниченное количество людей – не более двухсот – покидает Землю, чтобы никогда более на нее не вернуться. Чтобы осесть на одной из планет, существование которых в данной звездной системе было установлено, но об условиях на которых можно было лишь предполагать. Люди летят, по сути дела, наугад. На карту поставлена жизнь. Потому что, если им не повезет и годных для обитания планет не окажется, они, возможно, и сумеют вернуться, но прилетят уже глубокими стариками – и неизвестно в какую эпоху.

– Потому-то люди потом и отказались... – пробормотал Шувалов.

– Вы, конечно, понимаете: летевшие были энтузиастами, людьми в какой-то степени не от мира сего – хотя, разумеется, упорными, выносливыми и умелыми. Такие сочетания встречаются. Ну и безусловно, с авантюристической жилкой. Они летели, надеясь. И, как вы видите, надежда оправдалась.

Шувалов кивнул.

– Они летели, чтобы обосноваться и жить. Но еще до старта вступили в силу те закономерности, с которыми раньше, при освоении территорий Солнечной системы, люди не встречались.

Люди понимали, что им придется рассчитывать только на самих себя. Заранее было ясно, что сообщение и связь между человечеством и его новыми поселениями в космосе будут практически невозможны: слишком много сил требовало снаряжение такой экспедиции, и о регулярных рейсах хотя бы раз в столетие нельзя было и думать всерьез.

– Это стало возможным лишь недавно, – сказал Шувалов. – Но...

– Одним словом, тем, кто летел, рассчитывать на чью-то опеку не приходилось. И предстоящая оторванность от материнской цивилизации заставила задуматься: какую же часть ее можно взять с собой и что из взятого можно будет сохранить и укоренить на новом месте?

– Понимаю.

– Всякая техническая цивилизация, как вы знаете, является сложнейшим комплексом взаимосвязанных явлений. И чтобы захватить с собой, скажем, такое примитивное достижение техники, как... как электрическая бритва, надо было взять и все необходимое для постройки на новом месте электростанции, пусть простейшей, урановой, то есть материалы, генераторы, строительную технику, транспорт, топливо, запасные части – и так далее.

– Да, в наше время этими проблемами начали серьезно интересоваться: все-таки от вопроса о диаспоре никуда не уйти.

– А тогда только начинали соображать. Итак, взять с собой нельзя, изготовить на месте – практически едва ли не голыми руками – тоже. Не знаю, каков по размерам ваш корабль...

– О, вы сможете детально ознакомиться с ним...

– Заранее благодарю. Но, во всяком случае, вы вряд ли представляете, как мало можно было взять с собой в то время. Учитывался каждый грамм массы и каждый кубический сантиметр объема.

– Не хотел бы я быть на их месте.

– Да и я тоже. Итак, им предстояло решить: что является важнейшим при создании колонии на пустом месте и без притока сил извне. Что является жизненно важным.

– Судя по тому, что колония прижилась, решение удалось найти?

– Да. Это были люди.

– Люди?

– Вот именно. Было известно, что, для того чтобы не вымереть, не захиреть, не вырождаться, наконец, такая колония должна прежде всего обладать определенным количеством людей – не ниже критического уровня, который тогда оценивался приблизительно в несколько тысяч человек. Но выполнить такое условие было невозможно: корабль вмещал двести человек – и самое необходимое для них. Не более того.

– Воистину, задача не из самых простых.

– И все понимали, что если начинать от первичного количества в двести человек, – предположим, сто пар, – то, по естественным условиям, население колонии смогло бы достичь нужной величины слишком поздно. Вернее, оно не успело бы ее достичь – колония угасла бы значительно раньше: счет ведь шел на поколения!

– Сложно, сложно.

– Тем не менее выход был найден. Та аппаратура, которую улетающие взяли с собой, то небольшое, что они смогли увезти, предназначалось не для производства энергии, не для обра-

ботки земли или резания металлов, но для производства... людей. Клоны! Миллионы клеток! Установка, взятая экспедицией с собой, обладала достаточной мощностью, чтобы в первый же год произвести на свет тысячу младенцев, на второй – столько же, а при желании производство можно было и расширить. Этим устранялась и опасность вырождения людей, которая непременно возникла бы в столь узкой популяции.

– Люди от Сосуда! – пробормотал Шувалов. – Вот оно что...

В его голосе звучала неприязнь.

Хранитель посмотрел на него.

– Это претит вам?

– Н-ну... я даже не уверен, что это люди – те, о ком вы говорите. Может быть, честнее назвать их биологическими роботами?

– Можете называть меня так, – с улыбкой согласился Хранитель Уровня, – если такой термин кажется вам более приятным.

– И вы тоже?..

– Как и все остальные. Возможно, и не все – иногда люди рождаются у нас и обычным порядком, – но, вообще-то, роды у нас под запретом.

– А это еще почему?

– Мы считаем, что еще не достигли численности, при которой опасность вырождения исчезла бы.

– Какой же численности вы хотели достигнуть?

– Порядка десяти миллионов. А сейчас нас несколько более миллиона.

– Так много? – хмуро удивился Шувалов.

– Мы считаем, что очень мало.

– Зависит, конечно, от точки зрения. Миллион... Немало.

– Может быть, оставим эмоциональные оценки?..

– Да, извините... Но постойте, ведь для всего, что я тут вижу, – Шувалов развел руками, словно обнимая все, что находилось в помещении – в длинной комнате без окон, отделанной пластиком, который и через столько лет все еще оставался белым. Скрытые светильники давали рассеянный, мягкий свет. Вдоль стен стояли стеллажи, уставленные одинаковыми аппаратами, к которым тянулись жгуты проводов. – Ведь для всего этого нужна энергия – и обойтись без нее вы никак не могли!

– Она нужна и сейчас. Поэтому небольшую силовую установку – ядерную, прямого преобразования – и топливо для нее экспедиция взяла с собой. Однако энергии могло хватить на производство людей и еще на некоторые нужды – но никак не для того, чтобы развивать промышленность.

– Понимаю. Но неужели эта станция...

– Да, действует и сейчас. Впрочем... Но не стоит о деталях.

– Что же еще взяла с собой экспедиция?

– Разумеется, достаточно мощный компьютер. Прежде всего для управления производством: оно требует строжайшего программирования и точнейших режимов, если вы хотите, чтобы рождались люди, а не монстры.

– Рождались, вы говорите?

– А как мне еще сказать? Человек рождается, иного пути у него нет. Его не собирают из деталей. Среда, в которой он развивается, – вопрос достаточно важный, но не принципиальный.

– Н-ну хорошо, не станем спорить...

– Я тоже так думаю. Таким образом, первая задача – создание численности – была решена. Но мало родить людей: их ведь еще нужно кормить, и вообще – жить надо!

– Безусловно.

– И вот тут начинать приходилось действительно с самого начала. Хорошо, что психологически люди были подготовлены.

– К жизни в каменном веке?

– Не совсем так, конечно, но, во всяком случае, к тому, что землю придется вспахивать плугами, да и то не сразу: первые два-три года, пока подрастет тягловый скот, – лопатами...

– Вы и скот тоже... запасли подобным образом?

– Нельзя же было всерьез ожидать, что природа случайно подбросит на планету лошадей и быков! Конечно, все было привезено с собой и вызвано к жизни таким же способом – тут же, в другой части здания. Правда, теми установками мы уже давно не пользуемся.

– Доверяете скоту больше, чем людям?

– Просто мы больше заботимся о людях... Итак, люди еще на Земле научились выполнять все необходимые работы, владеть всем первобытным инструментарием. И тут им пришлось сразу взяться за дело.

– И вот минули столетия – а уровень вашей техники остался, похоже, неизменным – и вы не очень-то стремитесь повышать его.

– Вы правы: не очень стараемся.

– И даже противитесь, не так ли?

– Вряд ли есть смысл скрывать это.

– А почему?

– Видите ли, еще до старта было ясно, какой технический уровень будет иметь новая колония. Но оставалось неясным – какие психологические и социальные изменения вызовет переход к такой жизни.

– Вы опасались регресса?

– «Мы» – не совсем по адресу: не забудьте, что я-то если и прилетел на том корабле, то лишь в виде законсервированной клетки.

– Простите, я все время забываю об этом. Ну, не вы, а «они».

– Они предполагали, что некоторый регресс неотвратим, но не принципиален. Ведь можно лишить человека техники – но уровень знаний и мышления у него останется прежним, и он не только не одичает, но сможет удержаться от социального отступления вообще – в принципе, разумеется.

– И это удалось?

– Безусловно. У нас не было и нет частной собственности. Это понятие отсутствует в нашем обществе.

– Однако вы вот его знаете...

– Мы – те, кого называют Хранителями Уровня, – в процессе подготовки весьма тщательно изучаем нашу историю. Вплоть до мелочей. Иначе я не мог бы рассказать вам все так обстоятельно.

– Но вы все же не ответили на мой вопрос: почему ваш уровень не растет, напротив – объявлен постоянным?

– Мне кажется, понять это нетрудно. Вам и самому ясно, что уровень производства – при условии, что не будет чрезмерной перегрузки людей на работе, – требовал весьма, весьма и весьма рационального ведения хозяйства. В каждую вещь, в каждую горсть зерна у нас вложено очень много труда...

– Естественно.

– И с самого начала не представлялось иной возможности, как все руководство и производством, и распределением поручить тому же компьютеру. Людям оставалось снабжать его актуальной информацией и в случае крайней необходимости, в основном морального характера, вносить в его рекомендации небольшие коррективы. Но это приходилось делать крайне редко.

– И машина справлялась?

– Безусловно. Только так наше общество и могло не только существовать, но и развиваться. Однако... – Хранитель Уровня вздохнул и развел руками, – возможности компьютера не являлись неограниченными. И в один прекрасный день стало ясно: всякие изменения – в характере ли производительных сил или в характере потребления, да чего бы то ни было – приведут к тому, что машина перестанет справляться с задачей.

– И вы решили...

– Можно было, конечно, пойти на риск: выключить машину и взять дело в свои руки.

– Но вы не пошли на это.

– Для того чтобы не допустить при такой перемене ошибок и путаницы, нужно было иметь множество специалистов. А у нас их не было. И, кроме того...

– Почему же вы их не подготовили?

– Вы не дали мне договорить: и, кроме того, при такой производительности труда мы не смогли бы прокормить большой аппарат. Прокормить, одевать, обувать, содержать. Вы ведь могли заметить: люди у нас – на девяносто девять процентов производители. Один судья на город с прилегающим районом – вот и вся власть. Тут, в столице, больше, но ненамного. Армии нет. Специальных сил по охране порядка – нет. Обходимся – благодаря тому, что нравственный уровень тогдашней Земли нам удалось удержать, и еще, вероятно, по той причине, что у нас нет неравенства. Кстати, способ увеличения или поддержания численности населения, каким мы пользуемся, тоже дает нам возможность строго дозировать и даже консервировать прирост – а с другой стороны, спасет нас от потерь рабочего времени, неизбежных, когда людей рожают люди, и, что очень важно, избавляет людей от стремления получить побольше, чтобы лучше обеспечить своих детей.

– Логика в этом, конечно, есть, хотя мне лично... Да, итак – вы дошли до уровня, который при данной системе является оптимальным?

– Да, если вы имеете в виду уровень потребления. Но если говорить о развитии вообще, то оно вовсе не прекратилось, просто для него нам нужно время.

– Интересно, как же вам представляется дальнейшее развитие?

– Оно запрограммировано заранее. Прежде всего население планеты должно все же достичь определенного уровня. Затем начнется подготовка специалистов, необходимых на следующей ступени развития. Мы движемся постепенно, но без срывов, равномерно, не желая забегать вперед.

– Пусть так. Но надолго ли хватит топлива для вашей силовой установки? И что вы предпримете, когда оно кончится и компьютер остановится?

– Топлива хватит ненадолго. Но это не страшит нас, и компьютер не остановится. У нас есть другой источник энергии: солнечные батареи. Источник практически вечный. Во всяком случае, его хватит до тех пор, пока мы не создадим свою энергетику.

– Батареи вы привезли с собой? Почему же не использовали их с самого начала?

– Мы не могли селиться в пустынях: нам нужны были оптимальные климатические условия. А у батарей другие вкусы. Как я уже говорил, лишних людей у нас нет. И не сразу можно было отправить группы на поиски удобных мест в экваториальных пустынях. Но даже когда место нашли, требовалось построить линии передачи, разместить батареи надлежащим образом... Над этим мы сейчас и работаем. И закончим прежде, чем наша станция остановится.

– Ах, вот что означают те Горячие пески, которыми мне грозили, – усмехнулся Шува-лов. – Да, интересная перспектива, и было бы интересно посмотреть... Очень жаль, что она не осуществится.

– Она осуществится.

– Увы, нет. Солнце, которое должно помочь вам, на самом деле ваш враг. Грозит страшная беда. Вспышка, взрыв...

Хранитель выставил ладонь, как бы загораживаясь:

– Не надо, нам передали все, что вы говорили. Нет, солнце не грозит нам, нам ничто не грозит.

– Но послушайте! По данным науки...

– Наука есть и у нас.

Шувалов не то засмеялся, не то застонал.

– Да неужели после всего, что вы о нас узнали, – сказал он, – вы можете всерьез сравнивать уровни вашей и нашей науки!

– Мы не собираемся сравнивать, но уверен, что наши ученые могли бы объяснить вам...

– Пустая трата времени! Позвольте лучше мне объяснить вам всю глубину опасности...

– Вот это действительно будет потерей времени.

– Ну неужели мне не удастся убедить вас... Подумайте о вашем народе!

– Ему не грозит ничего. Наше солнце и столетия, и тысячелетия спустя останется таким, каким вы видите его сегодня.

– Хорошо, – сказал Шувалов после паузы и махнул рукой. – Тогда позвольте сказать о другом. Пусть ваше солнце... пусть. Но подумайте: не лучше ли, не подвергая испытаниям ни наши выводы, ни ваш народ, сразу поднять его уровень на неизмеримую высоту?

– Что вы имеете в виду?

– Я предлагаю вам возвратиться туда, откуда стартовали основатели вашей цивилизации. Миллион с небольшим человек... Мы там даже не почувствуем увеличения: нас ведь миллиарды! Зато насколько увереннее почувствуете себя вы! Совершенно другой уровень! Комфорт! Изобилие! Высокая культура! Широта мысли! Представьте, какая жизнь для вас начнется!

Хранитель слушал его, глядя в сторону. Ответил он не сразу.

– Чтобы люди, пришедшие из архаичного, тихого, неторопливого, простого, размеренного – из ясного мира, вдруг почувствовали себя как дома в вашей сложной, многоплановой, спешащей, орущей, громяющей, самой себя не понимающей цивилизации? Возможно ли такое?

– Простите, ваше представление о земной цивилизации...

– Мне она представляется именно такой – после того, что вы рассказали... да и в нашей памяти сохранилось кое-что о той цивилизации, которую покинули основатели нашего мира. Так вот: зачем она нам?

– Вы знаете, право же, сама постановка вопроса...

– Я чувствую, что она вас смущает.

– Не скрою. Потому что наша цивилизация, хороша она или нет, есть закономерное явление, результат определенного развития, прогресса – и исходная позиция для дальнейшего развития и прогресса. Да, она закономерна; такой и надо принимать ее. А ваш мир в этом плане – досадная аномалия, боковая, бесперспективная ветвь, тупик.

– А нам какое дело до того, что, с вашей точки зрения, мы является аномалией? Это наша жизнь, и нас она устраивает! Вам она не нравится – но никто ведь не принуждает вас принять ее... Что же касается нас... Скажите откровенно: много ли счастья принесла вам ваша цивилизация? Вся техника, весь комфорт, все то, чем вы так гордитесь?

– Счастья? Простите, но я не знаю, можно ли оперировать такими понятиями. Отсутствие точной терминологии, невозможность выразить на языке математики...

– Счастье, почтенный наш гость, счастье – категория, которой можно и нужно оперировать везде, даже если она не описывается уравнениями. Скажите: живя в потоке информации, на небывалых скоростях, в самых необычных средах, на иных планетах и так далее, – живя во всем этом, стали ли вы душевно упорядоченнее? Может быть, вы живете богаче, слов нет; и что же? Вы съедаете больше нас – но и мы не голодны; у нас меньше информации – но и меньше поводов для стрессов и для духовного пресыщения и отупения... У вас искусство –

но и у нас тоже, посмотрите наши скульптуры, наши полотна, – возможно, они покажутся вам устарелыми, а может быть – наоборот... Ваши ткани тоньше – но и наши греют в стужу; ваши дома выше – но и в наших уютно и тепло. Мы не столь многогранны – но тем больше остается у нас времени, чтобы думать о жизни и друг о друге, и видеть то, что вокруг нас, и наслаждаться цветением яблонь весной и золотом осенней листвы... Вы считаете, что мы должны завидовать вам, но подумайте – не обстоит ли дело как раз наоборот?

– Знаете, такой способ ведения дискуссии...

– Да о чем и зачем нам дискутировать? Вы сказали то, что хотели, я ответил то, что думал, и все.

– В конце концов то, что говорите вы, один из десятка диктаторов, вовсе не обязательно...

– Диктаторов?

Хранитель невесело улыбнулся.

– Нет, гость мой, мы не диктаторы, мы просто люди, обслуживающие компьютер, – всего лишь. Что можем мы диктовать? Только то, что появляется на выходе машины; какие же мы диктаторы? Скорее уж компьютер – но и он не диктатор: бессмысленно давать такие определения комбинации кристаллов и плат... Нет, здесь нет ни диктаторов, ни угнетателей, ни самодержцев, ни даже особо привилегированных граждан... Есть не очень высоко, с вашей точки зрения, но логично организованное общество, в котором нет богатства, но нет и излишеств, в котором немного благ – но распределяются они справедливо. Это было бы невозможно в обществе с менее высокими моральными устоями, но ведь наше – запомните: наше никогда не знало и не представляет другой возможности! Мы приходим не от дикарей, а от людей, рискнувших выйти к звездам куда раньше вас. Скажу откровенно: вы ушли намного дальше, но и потеряли, мне кажется, неизмеримо больше... Не верите мне – поговорите с остальными Хранителями, с любым прохожим по улице, послушайте, что ответят они...

– Мне достаточно будет сказать: я предлагаю жизнь взамен смерти – и вопрос будет решен сразу же.

– Жизнь, какой мы не хотим, – взамен смерти, в которую мы не верим. Вопрос решен, но не в вашу пользу.

Шувалов сидел опустив голову. Дипломатия оказалась бессильной. Увы. Но если обезумевший отказывается покинуть горящий дом, разве его не вытаскивают насильно?

– Что же. – Он поднял голову. – Пеняйте на себя. Вижу, что мне придется покинуть вас, не добившись успеха.

– Видимо, вы правы.

– Я передам моим товарищам...

– Вы им ничего не передадите, – сухо сказал Хранитель. – Вы совершили преступление и будете наказаны согласно закону. Думаю, вам самому придется убедиться в том, что прокладка линий от солнечных батарей идет успешно... Безусловно, так обращаться с гостем – крайняя мера; но, во-первых, закон у нас одинаков для всех, а во-вторых, мы не можем допустить, чтобы люди начали сомневаться в правильности нашего пути. А ведь вы не угомонитесь и попытаетесь распространять ваши необоснованные страхи и разбрасывать ваши приманки, которые кому-то могут показаться соблазнительными. Все это заставляет меня идти на крайние меры. Во всяком случае, на какое-то время. Потом... Когда-нибудь потом мы встретимся снова и поговорим. А сейчас я должен извиниться: мне пора. Не бойтесь: мы не хотим вам зла, и с вами не случится ничего плохого.

Уже в дверях он обернулся:

– И с нами тоже.

Питеку не пришло в голову нарвать цветов, чтобы с ними встретить Шувалова: в его эпоху такие знаки внимания не ценились – цветов повсюду росло множество, но их не ели.

Он проявил всю свою ловкость и достал все-таки немалый кусок жареного мяса, – по его мнению, это как раз подходило к случаю. Потом он занял наблюдательную позицию напротив дома Хранителей и стал ждать, держа мясо так, чтобы его выразительный запах не щекотал ноздри. Питек не сомневался о том, что Шувалов выйдет из дома свободным и торжествующим, а если и не выйдет, принявшись сразу за дело, то непременно выпшет кого-нибудь за Питekom, чтобы через него передать экипажу указания: вряд ли Шувалов сомневается в том, что Питек находится поблизости.

Но время шло. Шувалов не показывался, и Питек стал уже опасаться, что руководителя освободили, пока он разыскивал еду. Поразмыслив, он решил все же ждать до победного конца и оказался прав: еще через сорок минут Шувалов показался наконец на площади. К удивлению Питека, вышел он не из дома Хранителей, появился с противоположной стороны из отделанного пластиком здания без окон. Но это в конце концов не имело большого значения. Куда важнее было то, что вышел Шувалов не один.

Он медленно ступал опустив голову, сразу, кажется, постарев, а перед ним, и позади него, и по сторонам шли вооруженные люди. Лица их были суровы, и они повелительными жестами отстраняли прохожих, что останавливались или же пытались подойти поближе к процессии.

Питек сжал кулаки: пахучий сок закапал из жареного мяса, но пилот даже не заметил этого. По выражению лиц Шувалова и тех, кто сопровождал его, Питек понял, что ученого стерегли, чтобы он не убежал. Вооруженных было шестеро. Питек пошел вслед за процессией, держась шагах в двадцати, не нагоняя и не отставая. Справиться с ними он, пожалуй, сможет. Будь катер где-нибудь поблизости, все было бы очень просто: пока охрана приходила бы в себя, Питек с Шуваловым оказались бы уже высоко в воздухе. Но до условленного с Георгием срока оставалось еще более двух часов, да и приземлится он, разумеется, не здесь, а за городом. А без катера трудно было рассчитывать на успех: в плохо знакомом городе далеко не убежишь, да и неизвестно еще, каков бегун Шувалов, – а охрана, опомнившись, чего доброго, начнет стрелять, и тогда все закончится далеко не лучшим образом.

Нет, нападать сейчас не следовало. Оставалось проследить, куда отведут Шувалова, и потом попытаться освободить его без большого шума. Вряд ли все шестеро будут караулить старика – один, самое большое двое останутся с ним. А с двумя всегда можно справиться тихо.

Пожалуй, надо только передать ученому, что Питек по-прежнему рядом. Решив так, пилот прибавил шаг. Догнать конвой не составляло труда: Шувалов шел медленно, и спутники его не торопили – может быть, даже жалели по-своему. Питек обогнал идущих, держась на таком расстоянии, чтобы не вызвать подозрений. Он вспомнил наконец о мясе и с удовольствием откусил. Так было легче обратить на себя внимание: невольно оглянешься на человека, который идет по улице и уплетает за обе щеки что-то заманчивое. Охрана оглянется: а тогда и Шувалов, может быть, посмотрит.

Так и получилось. Шувалов поднял голову и на мгновение сбился с шага. Питек прищурил глаз и остановился, словно бы облик преступника так сильно его заинтересовал. Охранявшие не обратили на него внимания: от человека с набитым ртом не станешь ожидать коварных действий. Шувалов воспользовался этим. Он повернул голову в другую сторону и крикнул – словно всему миру, но на самом деле слова предназначались только Питеку:

– Они не верят! Ничего делать не станут! Ждать нельзя!

– Молчи! – тут же прозвучал оклик охранника. Но Шувалов уже сказал все, что хотел.

Сделав вид, что не обратил на слова преступника никакого внимания, Питек, внутренне сожалея, уронил мясо и задержался, поднимая его и пытаясь отчистить от пыли. Процессия отдалилась, и Питек снова двинулся за ней, чтобы узнать, где будут теперь содержать Шувалова. Они прошли квартал, свернули в боковую улицу. Там ждала телега с высокими бортами, запряженная парой, и верховые лошади. Задний борт откинули, Шувалову помогли подняться, двое вошли вместе с ним, потом борт закрыли, а остальные четверо сели на лошадей. Возница

разобрал вожжи, прикрикнул – лошади тронули, и телега покатила. Питек, остановившись, провожал ее глазами, потом побежал, обгоняя прохожих. Бежать пришлось долго. Хорошо, что верховые не оглядывались, а сидящим в телеге заметить преследующего мешали высокие борты. Наконец телега выехала из города, кучер взмахнул кнутом, и лошади прибавили. Дорога уходила на юг. Питек понял, что больше ничего на этот раз он не узнает.

Тогда он швырнул грязный кусок мяса, вздохнул, повернулся и быстрым шагом направился к условленному месту, где должен был приземлиться катер.

Глава восемнадцатая

Я привел катер не туда, где оставлял его в прошлый раз (возле городка, близ тайной тропы в лес), но после недолгих маневров разыскал то место, где проводил раскопки и где спрятал одеяло и лопату. Там мы и приземлились: прежде чем лететь в лесное поселение, мне надо было все как следует обдумать, а главное – решиться на то, что мне предстояло сделать. Никогда, даже теряя контроль над фантазией, я не воображал себя народным предводителем: и честолюбие мое, и стремления имели другую основу. Но тебя не всегда спрашивают, чего ты хочешь, обстоятельства часто диктуют нам свою волю; так что сейчас я хотел представить, пусть хоть приблизительно, что у меня получится.

Я сказал Анне и Никодиму, что мы пробудем здесь часок-другой. Они обрадовались: после стычки всем хотелось расслабиться и подышать сухим хвойным воздухом, чтобы выветрить из легких кисловатый пороховой дым. Иеромонах огляделся, прошелся туда-сюда, потом взял мою лопату, прыгнул в вырытую мною раньше траншею (я подбирался ко входу в очередную развалину), поплевал на руки и стал копать. Он умел находить утешение в тяжелой работе, в ее незамысловатом ритме, в игре мускулов, в медленном, шаг за шагом, движении вперед. Мне, наоборот, не хотелось двигаться, напрягаться, и я неторопливо побрел между деревьями, чтобы найти местечко поуютнее, присесть и поразмышлять. Анна, подумав немного, догнала меня и пошла рядом, не заговаривая, но время от времени поглядывая на меня; я не пытался угадать, о чем она думала, мне надо было сосредоточиться на моей задаче и тех людях, которых мне нужно будет поднять и повести: и в то же время я рад был всему, что не давало мне сконцентрироваться, помогало не думать, и я был благодарен Анне за то, что она шла рядом.

Мы медленно шли, и вдруг странное ощущение нереальности происходящего овладело мною. Рассудком я понимал, что все это есть на самом деле – звезда Даль, планета, ее странное маленькое человечество, наш корабль на орбите – адская машина со взведенным механизмом – и угроза гибели, нависшая надо всем. Понимал – и все же не мог заставить себя поверить в подлинность фактов и необходимость действий. Сейчас подлинным было другое: летний день, запах леса, пересвист птиц, листья папоротника, бьющиеся о колени, и томление духа, и Анна, шедшая рядом.

Мысли, как вода, копившаяся в лужице, все поднимались и поднимались, и нашли местечко пониже, перелились и побежали не туда, куда было бы нужно, а туда, куда вел уклон. Я вдруг поймал себя на том, что привычно думаю о себе и Анне, и о нашей жизни, совместной и долгой – все равно, здесь или на Земле; я видел нас в разных ситуациях, они были когда-то пережиты мною, только не с ней, а вот теперь я брал эти готовые положения и подставлял в них Анну и пытался представить, как будет она в них выглядеть. Это походило на сцену, когда ты распакиваешь гардероб и начинаешь примерять на пришедшего с тобой человека платья и шубки, оставшиеся от кого-то другого, не думая о том, что человек хочет вовсе не этого, он хочет своего, что никогда не было чьим-то чужим, и не понимает, что разница тут чисто воображаемая... И может быть, поэтому наши с Анной разговоры могли течь бесконечно – но как только я пытался свернуть в нужную мне сторону, она мгновенно уходила в себя, и я ничего не мог с ней поделать. Если бы у меня было время и не было других забот, я, наверное, успел и

сумел бы понять, о чем думает Анна и что чувствует, и почему на одни темы разговаривает, а на другие – молчит, и что мне надо сказать и сделать, а чего ни делать, ни говорить не надо. Тут трудно полагаться на интуицию, как это обычно делается, – любовь, мол, подскажет; любовь всегда занята сама собой настолько, что ничего подсказывать не собирается. Да, было бы время и не было бы забот – но никто не предоставляет нам отпусков для любви, не выключает на это время из жизни; и жаль.

Вот такие мысли булькали у меня в голове, и я, конечно, не сразу понял, о чем заговорила Анна, и не сразу стал внимательно слушать.

– ...Я бы хотела, чтобы у меня было много-много детей. Семеро. Ну пусть трое.

Я пожал плечами.

– Пожалуйста, – сказал я самоуверенно. – Это вовсе не самое трудное.

– Ты не понимаешь. Кто же даст мне семерых? У нас даже второго получают очень не скоро.

– У нас, на Земле, это происходит иначе. Правда, там тебе придется рожать их самой.

– Знаю, ты говорил уже... Ты думаешь, я попаду на Землю?

– Все должны попасть отсюда на Землю. Иначе – гибель.

Но я произнес это таким тоном, словно гибель, грозившая всем, была условной – чем-то вроде игры, в которой погибший через несколько секунд снова вскакивает, чтобы принять участие в очередном туре.

– Не знаю... На Земле... Не представляю, как там. Мне кажется, там нехорошо. У нас тут лучше. Не надо на Землю. Надо, чтобы тут, у нас, ребятам разрешили придумывать, что они хотят, а нам – иметь столько детей, сколько нужно каждой, чтобы она была счастлива. И не надо никуда ехать. Я не хочу на Землю.

– А как же я?

Анна нахмурилась.

– Ты? Ну если захочешь, сможешь остаться здесь...

– С тобой?

Но это в последние дни стало запретным направлением.

– Я сама не знаю. Не надо об этом.

– Нет, давай все-таки... Ты меня не любишь?

– Знаешь, что-то прошло, пока тебя не было... Нет, не хочу говорить.

– Тогда, может, мне лучше совсем уйти?

Я говорил это, словно действительно мог уйти – сесть на поезд и уехать куда-то. Но здесь не было поездов, и никуда я не мог уехать – от корабля, от товарищей, от нее...

– Нет! Мне с тобой хорошо.

– Но тогда почему же нам не...

– Хорошо так, как есть. Не хочу, чтобы было иначе.

– Так не может продолжаться долго.

– Ах, не знаю, я прошу – не надо об этом. Мне самой непонятно. Но если ты думаешь, что тебе надо уйти, – уходи. Мне будет горько, но – уходи...

Для продолжения разговора следовало бы сказать: и уйду. Сейчас возьму и уйду. И больше мы с тобой никогда не увидимся. Но уйти было некуда.

– Пойдем в лес?

– Пойдем...

Мы прошли метров триста и остановились.

– Не надо!

– Слушай...

– Ну не надо. Я обижусь.

– Но ведь раньше...

– А теперь нельзя. – И она отступила.

Я уныло сел на толстый, гниющий на земле ствол. Анна стояла вблизи, обрывая иглы со сломанной ветки. Потом подошла и села – не совсем рядом, но близко.

– Обиделся?

– Нет, – сказал я, и это было правдой. – Разве я могу на тебя обижаться?

– Расскажи что-нибудь. Ты ведь обещал о многом рассказать мне. Обо всем, чего я не знаю. Например, как ты жил на Земле. Что ты там делал? Пахал? Строил? Мастерил вещи? Или, может быть, рисовал картины? Писал стихи?

– Стихи я, конечно, писал – в молодости... Ну если говорить о последних годах, то я тренировался вместе с товарищами, готовился к этому вот полету.

– А раньше?

– Занимался многими вещами. Пытался найти самого себя. Но, видишь ли, я, видно, из тех людей, что могут найти себя только через другого человека, только отражаясь в другом.

– Разве можно столько лет искать самого себя? Какая от этого польза другим людям?

– Не знаю... Но, конечно, я все время что-то делал.

– Скажи, а то, что вы хотите сделать с нами... что это дает тебе? Ну вот именно тебе... Ты нас так любишь? Или тебе неприятно, что может погибнуть мир? Или еще что-то? Ведь если мы все-таки погибнем, ты все равно будешь жить, да?

Я ответил не сразу. Буду ли жить? Наверное... Это, конечно, будет неудачей, горем, но расхочется ли мне тогда жить?

– Здоровье у меня хоть куда, – сказал я как можно легкомысленнее. – Но к чему сомнения? Мы спасем вас.

– И если спасете, ты будешь считать, что сделал главное? То, ради чего стоило жить? Значит, вы спасаете нас ради самих себя?

– Ну, – сказал я, – всякое дело человек делает прежде всего для себя. Потому что иначе не может. А если и может, то не хочет. Он выполняет свою волю, свое желание. Для себя – и для других. Важно, чтобы не для себя одного. А тебе чего хотелось бы?

– Мне хочется, чтобы делали ради нас. Чтобы делали даже в том случае, если вам потом станет не лучше, а хуже. Чтобы была боль. Потому что тогда мы остались бы связанными надолго. Вот вы привезете нас на Землю или еще куда-нибудь. Вы ведь не останетесь с нами, снова приметесь за свои дела и будете считать, что сделали для нас все, что должны были. А мы...

– Вас не бросят. Будут люди, которые помогут вам.

– А ты?

– Я? Мы с тобой уедем куда-нибудь на несколько месяцев, на полгода... Уедем отдыхать, уедем жить.

– Ладно, – сказала она, помолчав. – Вернемся.

– Я так и не понял, что ты хотела узнать.

– Я и сама не понимаю, Уль. Наверное, я спрашивала не то, что нужно. В самом деле, чего мне еще? Ты меня любишь...

Она сказала это не тоном вопроса, а легко, просто, как тривиальную истину. Она была уверена – и не зря, потому что так оно и было.

– Ты меня любишь, и с тобой, наверное, было бы хорошо...

– Почему – «было бы»?

– Знаешь, потом я, наверное, буду жалеть, что не согласилась.

Тут я поспешно заявил:

– погоди, погоди! Не время сейчас ни соглашаться, ни отказываться. Еще подумай. Я пока не задавал тебе вопроса. Так что и не надо отвечать на него. Вот когда я прямо спрошу: да или нет – тогда ответишь. А пока не надо...

Мне стало страшно. Время, думал я, время – и обстановка. Позже, на корабле и на Земле, сами обстоятельства вынудят ее ухватиться за меня. Сейчас она сомневается, но со временем сомнения станут истолковываться в мою пользу...

– Хорошо, – сказала она. – Только я не люблю тебя, вот в чем беда. Если бы тогда, сразу...

– Нет, – сказал я. – Тогда, сразу – не надо было.

– Все равно, сейчас поздно говорить об этом. Хорошо, я пока буду молчать.

– А я все равно буду надеяться, – сказал я. – Может быть, пройдет время, и ты...

– Да, – послушно согласилась Анна. – Может быть. Пойдем?

Я взглянул на часы. Отдохнули достаточно. Нет, отпуска на любовь я не получу. Пора лететь.

Но лететь надо было мне одному. Иеромонах сейчас помочь не мог, а рисковать Анной – мало ли что могло там случиться – не стал бы и последний подонок. И когда мы с ней вернулись к катеру, я сказал небрежно:

– Ладно, раз так, я слетаю в лес. Вы оставайтесь. Ты, Никодим, поройся основательно. Я еще раньше подумал, что тут у них как раз была площадь, поищи что-нибудь на ней. – Я понизил голос: – И смотри... что бы ни было, с Анной ничего не должно случиться.

– Не бойся, – буркнул он. – Она за наши грехи не ответчица. Только не забывай: время-то идет...

– Постараюсь не забыть. Ну, Анна... – Я помолчал, чтобы сказать ей все, что хотел, – мысленно, разумеется. – Я ненадолго.

Она улыбнулась и помахала рукой.

Я посадил катер прямо в поселке, заранее представляя, как сбегутся люди, как будут удивляться, и качать головами, и осторожно дотрагиваться до катера, а потом разинув рты слушать меня. Но получилось не так. Я опустил, медленно откинул купол, неторопливо вылез. Никого не было, а ведь сверху я видел людей. Я обошел катер, похлопал ладонью по борту; однако прошло пять минут, пока наконец не появились первые зрители.

Но это были не те, кого я ждал. Это были мальчишки.

Побаиваясь, они подступили, зачарованные, не отрывая глаз от моего кораблика, покрытого тонкой пленочкой нагара, дышащего теплом и непонятными для них запахами, таинственного и неотразимого. Он был как питон, а они – словно кролики; сами того не желая, они делали шаг за шагом уже не шаги, а шажки, чем ближе, тем короче, – и подступали обреченно, боясь и не противясь. Я видел, как высоко поднималась грудь каждого, как блестели глаза, как ручонки вздрагивали, потому что им уж невтерпеж стало. Я пожалел их неутоленное любопытство и сказал:

– Ну что испугались, ребята? Он не кусается, налетайте!

И они сразу же облепили катер, бормоча и взвизгивая, и – откуда что взялось? – кто-то уже сидел на моем месте (тот мальчишка, что недавно подходил ко мне; я узнал его, хотя и сейчас он вовсе не был похож на моего сына), кто-то – рядом, и один уже гудел под нос (они слышали, как я садился), и я порадовался тому, что катер – крепкая и выносливая машина, и порадовался за них, и почему-то за себя тоже. Вскоре ребята уже забыли о моем существовании, катер занимал их, он был не такой, как все остальное, а я – такой, и со мной можно было поговорить, – а я смотрел на них, и в моих взболтанных мозгах постепенно наступал мир и порядок, возникала структура, главное поднималось на свои места, а прочее отступало.

Главным сейчас по-прежнему было как можно скорее убедить правительство планеты согласиться с нами и начать какие-то практические дела по спасению своего народа – чтобы мы получили наконец возможность ударить по звезде. Прошло уже много времени. Но никаких результатов мы пока не добились. Шувалов находился неизвестно где. Возможно, в эту минуту он уже вел переговоры. Но сейчас я понял, что, какими бы убедительными ни казались

его аргументы нам, его спутникам, здесь они не произведут должного впечатления – иначе даже здесь, в лесу, уже чувствовалась бы тревога, потому что связь с городами, как я понял еще раньше, была тут налажена неплохо. Значит, независимо от того, что происходило там, я должен был немедленно поднимать лес и вести его на столицу, чтобы оказать давление на правительство и заставить его прислушаться к нам, чтобы оно поняло, что нас лучше иметь в числе друзей, чем недругов... Наверное, эти мои рассуждения были целиком замешаны на психологии двадцатого века; возможно, сам Шувалов думал совершенно не так – но здесь мне приходилось решать самому и в одиночку.

Я снова посмотрел на ребят вокруг катера. Они по-прежнему не обращали на меня внимания. С этим надо было смириться: в жизни обязательно настанет день, когда ты пересташешь быть для детей главным, надолго, может быть – навсегда, но они вспомнят об этом лишь в день, когда будут обращаться к тебе, а ты уже не сможешь им ответить и даже не услышишь их. Все равно, пока жив, ты смотришь на них с любовью и вдруг понимаешь, что сделать задуманное тобою ты должен именно для них, а уж потом – для нее, а еще потом – для всех остальных и уж под конец, под самый конец – для самого себя. Я смотрел на них, на десяток или больше моих не-сыновей, и понимал, что они все равно – мои сыновья, и пусть даже сделать задуманное было невозможно в невозможной степени, все равно это нужно сделать. Как? Не знаю, и никто не знает, но сделать. Это было то самое состояние духа, в котором непосильное становится посильным, неосуществимое – осуществимым, сказочное – реальным; и странно, не боязнь за свое бессилие ощутил я, глядя на них, нестриженных, чумазных, загорелых, босоногих, ползавших по чуть качавшемуся на упругих амортизаторах катеру, – не боязнь, а спокойствие и уверенность.

– Ребята! – окликнул я их. – А где взрослые?

– Они на поляне, – ответил мне один. – Разве ты не заметил, что настал час смотреть на солнце? Спеши, иначе они уже закончат, и тебе будет стыдно...

Я попросил тех, кто сидел в катере, выйти, защелкнул купол, сказал им: «Играйте, только смотрите не поломайте чего-нибудь» – и побежал по запомнившейся дороге.

Но я опоздал. Они уже, вероятно, закончили смотреть на солнце (не знаю, зачем они это делали и каким образом – тут ведь и ослепнуть недолго), но еще не разошлись и стояли, о чем-то переговариваясь. Едва заметив меня, кузнец Сакс громко спросил:

– Ульдемир, почему ты не приходишь смотреть на солнце? Разве ты не знаешь, что таков долг каждого взрослого человека?

– Прости меня, Сакс, – сказал я ему, – но у меня были на то важные причины.

– Да? А может быть, все дело в том, что ты – один из тех, кто распространяет слухи о том, что наше солнце скоро погибнет и мы вместе с ним, и оттого ты не приходишь смотреть на него вместе со всеми?

Оказывается, какую-то информацию они уже получили, подумал я. Не знаю только, ко благу это или наоборот. Но сейчас главное – не отдавать инициативы...

– А разве есть такие люди, Сакс?

– К нам в лес, Ульдемир, – заговорил теперь уже тот человек, который послал меня вести раскопки, – пришли посланцы Хранителей Уровня. Впервые за все время, пока в лесу живут люди, они пришли к нам. И сообщили, что появились такие люди и что верить им ни в коем случае нельзя.

– Почему же, – спросил я, – им нельзя верить, а Хранителям Уровня можно?

– Потому, что они говорят неправду.

– А Хранители Уровня, выходит, всегда правдивы и чистосердечны?

Стоявший рядом со старшим человек в одежде горожанина, явно не прошедший еще испытания лесом, сделал шаг в мою сторону, как бы принимая ведение дискуссии на себя.

– А есть ли у тебя хоть один пример того, что Хранители лгали?

Он открылся, как начинающий боксер на ринге. Оставалось только точно ударить, и я незамедлительно сделал это.

– Да, человек. У меня есть такой пример.

Сразу вокруг стало очень тихо, так что каждое мое слово могло донестись до всякого, кто стоял на поляне и слушал, хотя голос у меня не очень зычный.

Горожанин, кажется, не ожидал такого ответа. Но не смутился, потому что и на самом деле был уверен, что Хранители всегда говорили одну только правду.

– Ну что же, – сказал он. – Говори, а мы слушаем.

– Люди! – сказал я. – Вы ведь живете в хорошем мире, правда?

– В хорошем мире, – медленно повторил кузнец. Он отвел взгляд от моего лица и посмотрел направо, потом налево, и все головы повернулись так же, все взгляды последовали за его взглядом.

И люди как будто заново, в первый раз увидели все, что было вокруг них.

Лес окружал их плотной стеной. Теплый, светлый, дружелюбный лес, где не было опасных хищников, не таились разбойники, не водилась нечистая сила, – лес, зелено-золотистый, щедрый на дрова и материал, на грибы и ягоды, на тень, на лекарственные почки и иглы; лес, ласково шелестящий и заставляющий дышать глубоко и радостно.

А за лесом – они знали – были поля, кормившие весь мир, дававшие по два урожая в год, – поля, сперва зеленые, потом золотистые, потом коричневые и черные, вспаханные – и снова покрывающиеся зеленым ежиком всходов... И пестрые луга, на которых тучнел скот и пахли цветы, и так приятно было лежать в свободные часы, размышляя о разных вещах. И там текли свободные реки, кое-где на них были устроены плотины, и вода, ниспадая, вращала огромные колеса водяных машин. Реки впадали в озера или – намного дальше – в моря; там, правда, люди еще не жили, но со временем они дойдут и до морей, расселяясь понемногу по планете.

И стояли города, мирные, уютные города, где дома тонули в деревьях, где было тепло и уютно, и женщины и дети, которые, приходя в семью, сразу становились своими и пользовались всею любовью, какую заслуживают дети. Города с их мастерскими, где работали много, но не до изнеможения, где работать было иногда скучновато, но всегда полезно, потому что твоя работа нужна была всем.

Все это было их миром, в котором они родились на свет, жили и знали, что в нем умрут – но другие будут продолжать жить.

Вот что увидели люди взглядом глаз и взором сердца за несколько безмолвных секунд.

Потом кузнец Сакс сказал:

– Да, Ульдемир, мы живем в хорошем мире. Он все равно хорош. Вот мы не захотели жить в городах, ушли в лес и живем, порой недоедая и не получая новой одежды. Мы сделали так потому, что нас обуревают мысли и желания, которым в Уровне нет места. Мы хотели уйти от Уровня – и ушли; но ведь Уровень ни в чем не лгал нам, и пусть мы не согласны с ним – но мы не враждуем с ним, ведь в мире хватает места для всех. А если кто-то начинает обвинять наше солнце, а значит, и весь наш мир, мы никак не можем поверить. В чем же, по-твоему, Хранители Уровня не были правдивы с нами?

– Говорили ли они когда-нибудь хотя бы кому-либо, – начал я свой ответ, – что этот прекрасный мир на самом деле построен на костях и крови других людей? Знаете ли вы, что стало с людьми, жившими тут до вас? Кто убил их? Кто разрушил их город, от которого остались развалины, погребенные теперь под землей?

– Откуда ты знаешь, что их убили? Может быть, это была болезнь, и они умерли...

– Здесь был не такой город, какие существуют сейчас при Уровне, – возразил я. – Здесь был город со множеством таких вещей, которые вы сейчас еще только пытаетесь придумать, хотя люди знали их задолго до вашего рождения! Кто убил людей и разрушил город? Не те

ли, кому был нужен тот самый Уровень, с которым вы не хотите согласиться? Ну а если завтра ваши дети снова построят тут такой город – что будет тогда?

Теперь на поляне поднялась настоящая буря. Гремели голоса. Взлетали кулаки.

– Не верим!

– Докажи!

– Я могу доказать! Но что толку доказывать вам – вы так уверены в безгрешности своего мира...

– Докажи нам! И если мы поверим...

– Ну что же будет тогда? – подзадорил я.

– Докажи нам! Сейчас же! Идем! И если ты прав, тогда... тогда мы будем говорить дальше. Тогда ты объяснишь нам, кто ты, зачем пришел к нам и зачем начал весь этот разговор.

– Тогда вы согласитесь пойти и сказать Хранителям Уровня, что не верите им? Но что в этом толку? Вас несколько сотен, а сколько всего людей на планете?

– Конечно, намного больше. Но тогда мы пойдем в столицу. Мы будем говорить людям, кричать им: Уровень построен на крови, это нечестный Уровень! Скажи, а ты знаешь, что мы должны будет делать дальше?

– Знаю, кузнец.

– Покажи нам тот город! Иди, мы за тобой!

Люди покинули лес.

Колонна двигалась на столицу, и я вел ее.

Это была странная колонна. Она двигалась с лязгом, скрипом. Нарушители Уровня, Конструкторы странных вещей, наступали на столицу во всеоружии.

Грохотали паровые телеги. Их было четыре, ни одна не походила на другую.

На одной из телег было установлено грозное оружие: в толстом цилиндре было высверлено множество отверстий – каналов, и в каждый был заложен пороховой заряд и забита пуля. На Земле в свое время из такой конструкции родился пулемет. Тогда люди сгоряча решили было, что войнам пришел конец...

Лесные жители несли ружья, что заряжались не круглыми, как до сих пор, но продолговатыми, заостренными пулями. В стволах ружей были сделаны нарезы, заставлявшие пулю вращаться в полете.

Человеческая мысль во второй раз шла однажды уже пройденным путем, и это не веселило меня, но другого выхода сейчас я найти не мог.

Другие люди были вооружены арбалетами, тетива которых натягивалась одним движением рычага.

Иные – пращами, при помощи которых можно было метать не камни, но пороховые заряды.

Еще какие-то шагали на высоких ходулях, на которых передвигались быстро и ловко, не оступаясь и не падая. Они были вооружены длинными, тонкими пиками с режущими наконечниками.

И еще. И еще...

Люди шли, чтобы низвергнуть Уровень, утаивший от них, что в прошлом уже существовала – здесь, на их планете – гораздо более искусная цивилизация, которая была предательски уничтожена, после чего жизнь повернула вспять, возвратилась в сухое русло и теперь впадала не в бескрайний океан, а в болото с тухлой водой.

Люди шли, исполненные гнева и решимости.

Я по праву шагал впереди колонны, оставив Анну в лесу, товарищей – под огнем, катер – мальчишкам...

Я призвал их идти, заставил их поверить мне, потому что, лишь поверив, они смогли бы принять все наши откровения о судьбе их звезды и всей планеты, принять наши планы спасения и заставить принять эти планы и всех остальных людей, начиная с правительства. Я призвал их – и теперь у меня не могло быть иной судьбы, чем та, что постигнет их.

Я не был уверен в своей правоте. Но твердо помнил, что победителей не судят. И спасителей тоже.

Или не всегда?

Так или иначе, победив, мы спасем их и вывезем на Землю. Как – это придумают ученые. На Земле люди с этой планеты не пропадут. Они быстро освоятся, вольются в жизнь многомиллиардного человечества – и там найдут наконец удовлетворение, найдут возможность ничем не ограниченного творчества.

Что-то они, конечно, при этом утратят. Например, таких лесов на великой Земле уже не найти. Их только сейчас восстанавливают. Что же, опыт маленького человечества пригодится.

Нет, нет, безусловно, горожане, которые так просто не поверили бы нам, пришельцам, поверят своим землякам.

В пору сообщать на Землю, что можно начинать постройку спасательной эскадры.

Я шел и даже напевал под нос.

Меня не смущало оружие в их руках. Я уже убедился в том, что оно играло роль скорее символическую; убивать было противно воззрениям жителей этого мира, потому-то их так и возмутила гибель ранее существовавшего города.

И я шел и напевал, и люди вокруг меня тоже пели, и я вдруг с удивлением и улыбкой узнал в их напевах мелодии песенок, какие сам пел в молодости; кое-что уцелело, значит?

Только теперь эти мелодии пелись торжественно, как гимны: они принадлежали истории нового народа.

Грело солнце. Над дорогой клубилась пыль.

Глава девятнадцатая

Когда катер с капитаном и его спутниками на борту скрылся за вершинами деревьев, Уве-Йорген сказал Георгию:

– Теперь твоя очередь. Лети в столицу и привези Питека. Перемирие заключено на час. Может быть, удастся потянуть время и еще немного, но переговоры, вообще-то, не моя стихия. А Питек нужен здесь.

– Мы вдвоем тоже можем защищаться.

– Согласен, мой доблестный воин. Но защищаться – этого мало, так не выигрывают войны. Нужно нападать. – Спартиот откинул голову. Рыцарь кивнул и улыбнулся. – Только нападать.

– Скажи, Рыцарь, ты еще веришь в то, что мы можем спасти их?

Уве-Йорген склонил голову набок.

– Не знаю, штурман. Этого сейчас никто не знает. Но солдат всегда должен быть уверен в конечной победе – иначе что заставит его рисковать жизнью?

– Любовь к своей земле, – сказал Георгий.

– А если он дерется не на своей земле? Как мы сейчас, например? Но не медли. Время уходит. Выполняй приказание.

– Хорошо, – ответил спартиот. Не скрываясь, он пересек поляну, миновал осаждающих и скрылся за деревьями. Никто не тронул его, только некоторые посмотрели вслед, но тут же отвернулись. Видимо, перемирие они воспринимали всерьез.

Потянулись минуты. Уве-Йорген плотно закусил и растянулся на траве, положив автомат рядом. Маленькое солдатское счастье: живот набит, не стреляют, и можно спокойно полежать.

Сколько этого счастья впереди? Минут сорок? Нет, всего полчаса. Что же, полчаса счастья – очень много...

Счастья оставалось десять минут, когда он впервые покосился вверх. Катера не было. Надо надеяться, что с Питеком в городе ничего не стряслось и он не очень опоздает на место встречи. Хотя с чувством времени у него, откровенно говоря, плоховато: тот факт, что в сутках двадцать четыре часа – ну, пусть здесь даже двадцать шесть, – до сих пор представлялся охотнику малозначительным – конечно, если он не сидел за пультом корабля... Чего доброго, через семь минут придется держать оборону в одиночку. Что ж, можно воевать и так... Хотя думать об атаке тогда будет уже сложно, да и спастись без катера вряд ли удастся. А, какая разница, подумал он с привычным фатализмом: чуть раньше, чуть позже...

Он перевернулся на живот, поудобнее примостил автомат. На этот раз играть придется по моим правилам, подумал он. Во всяком случае, я буду играть по моим, а они – как знают. Их дело. Ага, зашевелились. Нет, пусть начинают они. Я отвечу.

Один из осаждавших встал и направился к Уве-Йоргену, размахивая руками. Оставалось еще три минуты. Снова парламентар? Интересно... Рыцарь держал приближающегося на мушке – на всякий случай. Может быть, это военная хитрость? Они ведь наверняка знают, что он остался один. Бросок гранаты – и кампания будет закончена. Он усмехнулся: откуда у них гранаты? Впрочем... кто сказал, что гранат не может быть?

Парламентар остановился в десяти шагах.

– Послушай, – сказал он громко. – Встань, не то мне неудобно разговаривать.

– Говори так.

– Почему ты не хочешь подняться?

– Мне нравится лежать. Я устал.

Это, кажется, обрадовало противника.

– Перемирие кончается, – сообщил он.

– Мне это известно. Ты затем и пришел, чтобы напомнить?

– Не только. Видишь ли, мы не совсем правильно рассчитали время. Подошла пора смотреть на солнце. Если у нас есть хоть какая-то возможность смотреть на солнце, мы должны это сделать.

– Смотрите, – великодушно разрешил Уве-Йорген. – Смотрите на солнце, на звезды, можете смотреть друг на друга, пока вам не надоест. Я обожду.

– На звезды нам смотреть сейчас не надо, – серьезно ответил парламентар. – Только на солнце. А ты не хочешь присоединиться к нам? У тебя ведь нет ящика, да и ты только один, а это совсем не то. Продлим перемирие на полчаса, и ты сможешь посмотреть вместе с нами. Спешить нам некуда, мы ведь все равно выиграли, а ты все равно проиграл.

– Продлить перемирие я, пожалуй, соглашусь, – важно проговорил Рыцарь. – Но никуда не пойду. Лучше я отдохну еще немного.

Парламентар пожал плечами.

– Твоя воля. Значит, еще полчаса.

– Решено, – пообещал Уве-Йорген и проводил удалявшегося противника взглядом. Полчаса – прекрасно. Что же они будут делать – полчаса таращить глаза на светило? И не ослепнут? Присоединяться к ним, конечно, незачем, но понаблюдать, пожалуй, стоит...

Он вылез из своей отрытой по всем правилам ячейки для стрельбы лежа и последовал за парламентаром, переходя от дерева к дереву и стараясь оставаться незамеченным.

Осаждающие собрались на поляне – в том ее месте, где и в самом деле можно было увидеть солнце, не заслоненное вершинами деревьев. Установили треногу вроде штатива. На ней укрепили плоский ящик. Одну такую штуку, вспомнил Уве-Йорген, экипаж уже захватил в качестве трофея, но молодежь, дезертируя, наверное, прихватила ее с собой... Теперь можно будет хотя бы понять, для чего она служит. Люди расположились перед ящиком – с той сто-

роны, где было стекло, один из них возился, тщательно ориентируя ящик, прицеливаясь им – задней его стенкой – на солнце. Наконец он завершил свою работу и отошел к остальным. Все пристально смотрели на прозрачную стенку, лица людей были серьезными. Потом тот, кто возился с ящиком, коротко крикнул, словно скомандовал. Люди чуть пригнулись, прямо-таки впились глазами в экран – иначе не назвать было это стекло. Лица были ясно различимы, и Рыцарь с удивлением заметил, как менялось их выражение – теперь оно говорило о глубокой сосредоточенности и предельном напряжении; несколько минут они сидели неподвижно – и на лицах стала проступать усталость, как если бы они занимались тяжелой работой. Ящик, как показалось пилоту, чуть вибрировал – или это воздух колебался с тыльной его стороны, во всяком случае, было в этом что-то ненормальное. «Что бы все это могло означать? – подумал Уве-Йорген без особого, впрочем, интереса, потому что к предстоящему бою это не имело отношения. Или все-таки имело? И вдруг его осенило: – Да ведь они просто-напросто молятся! Солнцепоклонники – вот кто они! Молятся и наверняка испрашивают себе победы. Ну-ну, – подумал Рыцарь иронически, – посмотрим, чей бог сильнее...»

Но вот сеанс кончился – и сидевшие обмякли, расслабились. После такой молитвы стрелять они будут скверно, подумал Уве-Йорген. Хотя они и так не старались попасть, а шальная пуля может прилететь всегда...

Он услышал позади шорох и резко обернулся, не выпуская оружия.

– Все спокойно? – спросил Георгий.

– Ага! – сказал Рыцарь. – Где Питек?

– Я тут.

– Какие новости?

– Шувалов говорил с Хранителями. Его куда-то увезли. Сказал, что с ними не договориться. Надо действовать иначе.

Услышав это, Уве-Йорген почувствовал себя совсем хорошо.

– Он не договорился, но мы еще можем – по-своему, – усмехнулся он. – Как армия, а не как культурная миссия. Так, ребята? А сейчас рассредоточьтесь. Быстренько выroyте ячейки. Как у меня. Осталось еще семь минут мира. Кстати, Питек: вы там, у себя, не поклонялись солнцу?

– Нет, – сказал Питек. – А зачем?

– Ну кому-то ведь надо поклоняться...

– Не знаю, – сказал Питек, выбрасывая песок. – Обходились без этого.

– И правильно делали, – одобрил Уве-Йорген. – Ну, вон идет их парень, чтобы торжественно объявить о возобновлении военных действий. Дадим ему спокойно уйти назад.

И в самом деле, машущий руками парламентар приближался.

– Где катер? – спросил Рыцарь.

– В двухстах метрах, в кустарнике, – ответил Георгий. – Их пули не долетят.

– Прекрасно.

– Перемирие кончается! – объявил парламентар шагов с десяти. – Хотите сдаться?

– Завтра в это время, – усмехнувшись, ответил Уве-Йорген.

– Так долго ждать мы не станем, – серьезно ответил тот.

– Тогда иди. Не то мы начнем!

Парламентар торопливо ушел. Сейчас начнется, подумал Рыцарь. Мы будем стрелять прицельно. Ну а если и они, понеся потери, задумают ответить тем же? Мало нас, мало... Нет, это не совсем умно – лежать здесь, обмениваясь выстрелами, решил он вдруг.

– Укроемся в корабль! Ну-ка в люк – Питек, Георгий!

Соратники не заставили себя упрашивать. Они быстро отползли к траншее, по ней добрались до люка и оказались в тамбуре. Рыцарь вскочил последним, повис на маховике люка, и тяжелая пластина медленно затворилась.

– Вот теперь пусть попробуют, – сказал он.

– Ну и долго мы тут намерены сидеть? – поинтересовался Питек.

– Да, – сказал Георгий. – Это не похоже на открытый бой.

– Мне не верится, – сказал Уве-Йорген, – что из этой махины может быть только один выход. Если поискать, мы наверняка найдем грузовой люк или что-то подобное. Носовую часть мы с капитаном уже исследовали, теперь идемте в корму.

Они двинулись. Приходилось то идти, то ползти, временами – карабкаться: листы внутренней обшивки свисали с переборок, валялись какие-то громоздкие детали – наверное, части устройства, которые следовало смонтировать на новом месте и которые почему-то так и негодились. Ударяясь о выступы и углы, Рыцарь вполголоса чертыхался, остальные двое молчали. Иногда они останавливались, чтобы передохнуть, и их учащенное дыхание с шелестом отражалось от переборок.

Каждую палубу и отсек, каждый закоулок Рыцарь неспешно обшаривал лучом фонарика. Выхода здесь не было. Потом переборки ушли в сторону, стали реже. Под ногами глухо застучали ничем не прикрытые металлические плиты. Это были уже трюмы. Надо было смотреть повнимательнее: если выход был, то только здесь, и если удастся отворить люк, то сквозь слой земли они уж как-нибудь пробились бы. Рыцарь еще замедлил шаг, остальные – тоже. Справа и слева, сверху и снизу теперь тянулись конструкции из тонких труб – для крепления грузов. Приходилось пробираться сквозь них, как через железный кустарник. Потом открылось место поспокойнее. Рыцарь вытянул руку с фонарем, и все увидели черное пятно люка.

Люк был открыт, но земли не было, и вокруг было чисто и сухо, как если бы ход вел не в землю, а в какое-то другое помещение, как и корабль, изолированное от внешней среды. Уве-Йорген приблизился, не колеблясь вошел в люк, в пустоту, кивнул спутникам, и они послушно последовали за ним. Он переступил порог – и каблуки сухо ударили по пластику; Рыцарь не успел еще удивиться, как все вокруг ярко осветилось, и он зажмурился и от света, и от неожиданности.

Труба метров двух в поперечнике, судя по звуку – металлическая, облицованная пластиком, монолитная, уходила прочь; уже в десятке метров продолжение ее терялось во мгле, светло было только там, где стояли вошедшие. Нормальная экономичная система, необычного в ней было не больше, чем в вареной картошке, но видеть ее здесь было по меньшей мере странно.

Уве-Йорген скомандовал, и они зашагали; свет сопровождал их словно люди сами излучали его и освещали гладкие стены. Когда прошли метров двадцать, вспыхнул красный знак; они узнали его, он всегда означал одно и то же: излучение. Тут же стоял счетчик, он щелкал редко, как маятник старинных стоячих часов; значит, опасности не было. Пошли дальше; знаки и гейгеры попадались теперь через каждые несколько метров. Наконец туннель кончился; Уве-Йорген отворил замыкавшую его дверь – овальную в круглой торцовой стене, – и они оказались в зале ядерной электростанции.

– Стоять здесь! – скомандовал Уве-Йорген своей армии, а сам пошел в обход по залу.

Он был не очень велик; силовой отсек мертвого корабля, вынесенный конструкторами, как и полагалось, подальше от жилых помещений: корабль был, видимо, куда больше, чем люди предположили вначале. Не на это ли наткнулся сверху Иеромонах? Здесь стояла термоядерная установка и преобразователь прямого действия; шины от него шли к щиту, от которого отходили кабели – один к криогену, охлаждавшему резервуар с тритием, другой нырял в стену. Установка была надежная, автоматическая; Рыцарь поискал управляющий ею компьютер, но не нашел; видимо, команды на пульт шли из столицы, из той самой комнаты, которую видел на экране Питек. Однако в случае нужды можно было остановить станцию и отсюда: аварийная система была налицо. Вот, наверное, ради чего сюда послали ополченцев: ради станции, а не старой космической жестянки, служившей теперь всего лишь тамбуром.

Уве-Йорген стоял, задумчиво разглядывая установку, затем невольно вздрогнул из-за громкого щелчка: вспыхнули какие-то индикаторы, гудение установки стало чуть громче. Рыцарь повел взглядом по аппаратам, пытаясь понять, какой из них сработал. Вот он: регулятор мощности. Что-то подключилось, и расход энергии скачком увеличился. Какие-то события происходили под двойным дном бесхитростной вроде бы планеты с ее идиллическим населением... Рыцарь пожал плечами: разберемся, если понадобится. А пока надо выяснить... надо выяснить... Он снова пустился в обход отсека. Теперь он, пригибаясь, чуть ли не обнюхивал переборки. Питек подошел, несколько секунд следил за действиями Рыцаря.

– Что ты ищешь, Уве-Йорген?

– Думаю, здесь должен быть еще один выход.

– Конечно, он тут есть.

– Почему ты решил?

– Я не решил, – сказал Питек невозмутимо. – Я его вижу. Ты глядишь вниз. Смотри наверх, потому что он там.

Рыцарь поднял глаза. Нет, без Питека он, пожалуй, не заметил бы люка, если бы даже и разглядывал потолок так же внимательно, как переборки, – настолько тщательно была пригнана крышка.

– Ну-ка, подсади меня!

– Пожалуйста, – согласился Питек и подставил спину.

Едва заметная кнопка была рядом. Уве-Йорген нажал; крышка поползла вертикально вниз, не откидываясь на петлях, а опускаясь – как стало видно – на трех блестящих стержнях. Рыцарь поспешно соскочил со спины Питека; крышка едва не задела его. Круглая пластина остановилась в полуметре над полом. Рыцарь смотрел в открывшееся отверстие. Наверху было светло. Он уверенно встал на пластину, и она без команды начала подниматься.

– Ждать меня! – успел крикнуть он, прежде чем крышка, мягко щелкнув, отделила его от товарищей.

Здесь тоже начинался ход, только поуже первого. Уве-Йорген попытался представить, в каком направлении он сейчас двинется. Так и не придя к выводу, пошел вперед. Так же вспыхивали впереди и гасли за спиной невидимые лампы. Было тихо. Щелкали гейгеры – чем дальше от станции, тем реже. Этот туннель, в отличие от первого, шел не прямо, временами плавно сворачивал, порой уходил в глубину. Потом впереди послышалось низкое гуденье, не такое, как в силовом отсеке. Конец туннеля. Дверь. Открыть. Войти.

Он вошел. Посреди небольшого, круглого помещения стояла установка. Не силовая; для чего она предназначалась, Уве-Йорген не мог понять – что-то, отдаленно напоминавшее огромных размеров приемно-передающую радиостанцию из тех, что на Земле предназначались для связи с другими планетами Системы; им показали одну такую во время стажировки. Хранители Уровня поддерживают связь с инопланетянами?.. Уве-Йорген пожал плечами: чушь. Важнее сейчас то, что установка работает, индикаторы на стенах помещения мигают в сложном ритме, словно разыгрывая световую симфонию, написанную для сотен, для тысяч инструментов... Сотни и тысячи пришли в голову Рыцарю не случайно: именно тысячи тонких проводов выходили из последнего блока установки и, свившись в толстенный жгут, скрывались в потолке. Уве-Йорген вытер пот со лба, покачал головой; в следующий миг щелкнуло – индикаторы погасли, гудение смолкло – установка выключилась, непонятная, но, видимо, зачем-то нужная этому человечеству. Рыцарь взглянул на часы. Пожал плечами. Вышел, затворил за собой дверь. По туннелю шел быстро. Встал, не задумываясь, на пластину люка, и она послушно опустилась, возвращая пилота к его соратникам. Они ждали его, кажется, в тех же позах, в каких он их оставил.

Ну что же, кое-что становится понятным. Станция – энергетический центр правителей этой планеты, – и еще какая-то установка неизвестного назначения, действующая, видимо,

периодически. Да ее назначение и не важно: раз она действует и так надежно упрятана – значит важна, очень важна для тех же правителей. Прекрасно!

Уве-Йорген ощутил, как горло этой маленькой цивилизации пульсирует под его пальцами. Теперь можно было диктовать условия.

Он не подумал в тот миг, сохранился ли еще смысл диктовать условия. Это было не важно. Главным являлось то, что возможность диктовать условия была найдена. Уве-Йорген испытал глубокое удовлетворение. И почувствовал, что устал. Другой на его месте сказал бы даже, что – очень устал.

Он повернулся к соратникам и улыбнулся.

– Хочу спать, – сказал он. – А вы? Нам еще предстоит поработать на славу. Надо набраться сил. – Они кивнули. Он посмотрел на гладкий, чистый пол. – Честное слово, я готов уснуть прямо тут.

Он сел на пол, потом растянулся, положил автомат рядом, закинул руки за голову.

– Ложитесь, – сказал он. – Укрытие – лучше не придумать.

– Они могут добраться сюда, – предостерег Георгий.

– Тем хуже для них, – ответил Уве-Йорген.

И они уснули под ровное гудение станции, в маленькой камере которой бушевал солнечный жар.

Они проспали около часа, потом осаждавшие подорвали наружный люк корабля. Глухой, сильный звук и легкое сотрясение пола заставили Уве-Йоргена открыть глаза. Это мог быть только взрыв. Он покосился на своих. Они тоже подняли головы, но, видя, что он спокоен, сразу же заснули снова.

Он лежал неподвижно. В зале станции было по-прежнему светло. Георгий дышал рядом, положив голову на руки, лежа лицом вниз. Питек, свернувшись, лежал в сторонке. Станция успокоительно жужжала. Уве-Йорген поднес к глазам руку с часами. Шесть. Значит, взорвали все-таки. Дураки. Вот уж поистине – усердие не по разуму.

Он осторожно поднялся, подошел к овальной двери, приотворил ее, прислушался. Если затаять дыхание, можно было уловить отдаленный скрежет металла.

Значит, расчищают ход после взрыва.

Уве-Йорген вернулся в зал и разбудил своих. Они мгновенно вскочили, осмотрели автоматы и пересчитали запасные магазины.

Хотелось есть, но было нечего.

На всякий случай Рыцарь еще раз обошел станцию. Нет, другого выхода не было. Только через овальную дверь, а оттуда – через жилые отсеки корабля.

Тогда он кивнул остальным, чтоб сидели и ждали, и сам сел у двери, положив автомат на колени, и принялся ждать.

Приглушенный расстоянием лязг не утихал. Преследователи доберутся сюда через полчаса примерно. Войдут в туннель, прямой туннель. В нем вспыхнет свет. И они будут как на ладони...

– Что мы предпримем, Рыцарь?

– Отобьем у них охоту соваться сюда.

– Будем стрелять?

Уве-Йорген пожал плечами:

– На переговоры у нас больше не остается времени.

В глубине корабля гремело, как в железной бочке. Значит, вошли.

Слышно было, как вломившиеся в корабль люди понемногу приближались к трюмам, к грузовому люку, откуда начинался туннель.

Пробирались они медленно. Наверное, шли с факелами: свечи вряд ли могли тут помочь. Ничего, в туннеле будет светло и без них.

Уве-Йорген прикинул. Туннель узок. Куда ни стреляй – хоть в потолок, – не прямо, так рикошетом какая-нибудь да зацепит.

Так что игра действительно пойдет по другим правилам.

Значит, надо, пока еще есть время, обезопасить все что можно. Позицию занять в туннеле, подальше от входа в станцию. Прикрыться, правда, нечем. Гиблое дело. Но в зале станции обороняться нельзя.

Рыцарь не знал, что может и чего не может случиться, если пули противника станут попадать, скажем, в резервуар с тритием. Он не был физиком. Он был летчиком, и у него в крови сидело ощущение того, что, если пуля попадет в топливный бак, твое дело плохо. А если будет поражена установка, тоже хорошего мало: Рыцарю нужно было, чтобы она работала. Угроза беды всегда действует сильнее, чем сама беда, и в предстоящем разговоре с Хранителями он хотел применить именно угрозу.

Все было бы лучше, если бы удалось погасить свет в коридоре, послать по лампам парочку очередей. Тогда он стал бы невидимым, а бить по вспышкам противник вряд ли научен. Но светильников не было видно, и неясно было, куда стрелять.

Значит, придется подставлять себя под пули. Солдатское дело...

Он подозвал своих:

– Сюда, ребята. И постарайтесь попадать в них прежде, чем они в вас. Потому что пули у них такие, что дырки эти будет не залатать – да и нечем.

– Думаешь, они станут стрелять в нас?

Уве-Йорген усмехнулся:

– Здесь трудно будет выстрелить мимо.

Он подошел к двери в станцию, затворил ее, вернулся в туннель и улегся на пол, изготавливаясь к стрельбе. Запасные магазины положил справа, чтобы были под рукой. Покосился на своих:

– Георгий, продвинулся на пять шагов вперед. Так, Питек, держись правее, насколько можешь. Хорошо.

Теперь все было в порядке.

В том конце туннеля заметно посветлело. Люди приближались ко входу в него, и звуки их шагов доносились все явственнее.

«Вот бестолковые бедняги, – думал Уве-Йорген. – Ну куда они лезут и почему не понимают, что это – наша игра, а не их!»

Он держал на мушке первого, что приближался с факелом в руке, с ненужным более факелом. Можно было и не целиться – все равно тут не промахнешься, – но Уве-Йорген целился из уважения к своей профессии, требовавшей, чтобы все делалось по правилам, не кое-как, небрежно, а тщательно.

Ну что, хватит ему гулять, пожалуй, а?

Уве-Йорген нажал спуск, и гильзы звонко запрыгали справа от него, автомат привычно повело влево, и крики боли и ужаса наполнили узкую трубу туннеля.

На полсекунды позже ударили еще два автомата.

Уве-Йорген сменил третий магазин, когда ответный огонь смолк.

Противник бежал. Коридор гудел от топота ног.

Рыцарь встал и пошел. Он шел в атаку. Преследовал противника.

Он шел, пока не наткнулся на первое тело. Нагнулся, дотронулся до него и почувствовал, что пальцы повлажнели.

Он остановился. Постоял. Повернул назад. Пришел к своим.

– Теперь можно идти. Здесь свое дело мы сделали.

Его соратники поднялись с пола. Георгий закинул автомат за спину. Питек держал свой в руке.

– Куда теперь, Рыцарь?

– В гости к Хранителям.

– Ты не боишься засады снаружи? – спросил Питек.

Георгий ответил за Уве-Йоргена:

– Когда бегут так, как они, останавливаются только к вечеру.

Они, поколебавшись, ступили на упругое, еще теплое. Идти было трудно. Местами тела лежали друг на друге. Здесь трудно было промахнуться. Наверное, рикошеты тоже достигали цели. Сколько их тут? Десятка два? Больше?

Мир вам, люди планеты. Братья, как сказал бы Иеромонах Никодим. Мы прилетели спасти вас. И спасаем. Извините, если что не так...

Они выбрались из корабля. Засады не было. Уве-Йорген все же приказал идти по одному, с автоматами на изготовку. Так добрались до катера. Противник, видимо, даже не наткнулся на машину. А может, и заметили, но решили сперва одержать победу, а затем уже заняться трофеями.

Спокойно, без суеты трое уселись в катер. Закусили тем, что лежало в холодильнике. Потом Рыцарь проговорил:

– Ну, начнем второе действие.

И включил стартер.

– Это и есть столица? Приличный городок. Молодец, штурман. Ну-ка, пристегнитесь как следует!

– Что ты хочешь сделать?

– Доложить о нашем прибытии.

Обернувшись, он проверил взглядом, хорошо ли выполнено его приказание, выключил автопилот и положил руки на пульт.

– Занавес, – произнес он, усмехнувшись.

Набирая скорость, катер круто пошел на снижение.

Стартово-посадочные моторы ревели.

– Держитесь крепче! – посоветовал пилот.

Он круто положил машину в вираж. Короткие крылья дрожали. Спутникам Рыцаря показалось, что плоскости вот-вот отлетят. Но, видимо, пилот хорошо чувствовал, каким запасом прочности обладала машина.

Они неслись над городом, катя перед собой волну грохота. Крыши проносились в нескольких метрах под ними. От мелькания могла закружиться голова. Спутники Рыцаря невольно зажмурились: даже Питеку сделалось не по себе. Уве-Йорген смотрел вперед. Он усмехнулся, перебрал пальцы, машина рванулась вверх.

– Штурман! Где центр?

Георгий открыл глаза.

– Чуть правее. Площадь, два больших строения...

– Иду на посадку!

Он уравновесил машину над самым грунтом. Грохот заполнял площадь. Люди в панике бежали.

Уве-Йорген выключил мотор.

– За мной!

Они выбрались наружу.

– Теперь – как я учил!
Оба спутника встали позади пилота, автоматы – на груди, руки на автоматах.
– Шагом – марш!
Средний подъезд дома Хранителей был прямо перед ними.
Маршируя, они пересекли площадь и поднялись на крыльцо.
В вестибюле было много людей. Уже знакомый Питеку чиновник заспешил к ним.
– Что вам...
Уве-Йорген кратко приказал:
– Молчать!
Чиновник умолк.
Уве-Йорген приказал:
– К Главному Хранителю! Живо!
Чиновник попятился:
– Это невозможно! Изложите ваше дело, и я...
Уве-Йорген, не снимая автомата с груди, только задрав ствол, выпустил очередь. Штука-турка посыпалась на пол.
– Вопросы есть? – спросил пилот.
Чиновник молчал.
– К Хранителю, живо! Ну, долго мне ждать?
– Но... его нет!
– Веди!
– Но его действительно нет! Он в Сосуде!
– Я тебя самого загоню в сосуд, – сказал пилот. – И ты там останешься, покуда тебя не выплеснут вместе с дерьмом. Ну?!
– Пожалуйста, – тихо проговорил чиновник. Переведя взгляд на Питека, он лишь укоризненно покачал головой. – Я отведу вас.
– Если ты еще будешь болтать...
Чиновник повернулся и торопливо пошел.
Трое зашагали за ним, четко ступая в ногу. Уве-Йорген любил театр и знал – или полагал, что знал, – какие сцены нравятся людям.
Трое зашагали в ногу по бесконечному коридору. Остановились перед железной дверью.
– Открыть!
Чиновник послушно отворил. Руки его подрагивали.
– Вперед – марш!
Лестница. Площадка, перегороженная решеткой.
– Вперед, ты!
– Сейчас, сейчас... Одну минутку...
Чиновник возился. Потом повернул лицо к пилоту, вымученно улыбаясь:
– Надо разрядить. Иначе...
– Быстрее!
– Да-да, сию секунду...
Наконец решетка поднялась.
– Вперед!
Снова коридор. Снова железная дверь.
– Открыть!
Дверь распахнулась. За нею был кабинет.
Уве-Йорген взглянул на Питека:
– Тут?
– Да.

Они вошли, громко, четко стуча каблуками.

Здесь по-прежнему был стол, а у стены – пульт. Компьютер работал; никого не было.

– Где он?

Чиновник развел руками.

– Я же говорил вам: его нет...

– Когда будет?

– Кто может знать это?

– Ладно. Веди к другому Хранителю.

– Они сейчас все вместе... там, в Сосуде.

– По ту сторону улицы, – подсказал Питек.

– Веди туда.

Чиновник покачал головой.

– Туда вам не пройти.

– Даже с этим? – Пилот похлопал по прикладу автомата.

– С чем бы то ни было, – ответил чиновник, чуть улыбнувшись.

Уве-Йорген едва не скрипнул зубами: вся постановка оказалась ненужной, премьера сорвалась: преимущество внезапности было утеряно.

Однако бороться надо до последнего.

Уве-Йорген уселся в кресло.

– Будем ждать. Ты тоже. Сядь вон туда.

Чиновник послушно уселся.

В молчании потекли минуты. Белый спокойный свет лился в окна. Милое солнышко, звезда Даль, затаилась, как представлялось Уве-Йоргену, перед командой: «В атаку – вперед!»

Раскапывать руины Иеромонаху понравилось. Работа была спокойная, интересная. То одно найдешь, то другое. Он раскопал все-таки вход в тот домик. Стал выкидывать землю изнутри. Повозился изрядно. Время от времени вылезал, отирал пот со лба – день был, как обычно, жарким, – поглядывал, где девица, не сбежала ли. Нет, всегда была поблизости. Тихая, смутная немного. Скучает, понимал Никодим. Так и должно. Пара ему нравилась. Она – молодая, пригожая. Он – солидный, надежный. Совет да любовь.

В свой час позвала обедать. Поели. Никодим пробовал заговаривать. Хотелось поговорить о жизни – как она ее понимает. Девица отмалчивалась. Хотя ей, молодой, и негоже было молчать, когда спрашивают старшие.

Отдохнув, Никодим полез копать дальше – все равно ничего другого не придумать. Вырыл шкатулку с кристаллами, попала еще фотография, залитая пластиком, сохранная. Была она вделана в крышку той шкатулки изнутри. Фотография была скорбная. Люди стояли у надгробной плиты. Вокруг – деревья с длинными иглами, здешние. Схоронили, верно, давно: плита уже влегла в землю.

Кто-то из здешних представился, стало быть. Имя есть на плите. Как же его звали? Все равно, конечно, – но любопытно.

Снимок был небольшой, плита смотрелась наискось, прочитать было трудно. Однако зрение у Иеромонаха было отменное, не испорченное чтением смолоду. Он прищурился, повертел снимок и прочел все-таки. Одолел.

Ганс Пер Кристиансен – вот что было написано на плите. И дальше – несколько строк, помельче, уже и вовсе неразлично.

Иеромонах задумался. Кристиансен. И имя не казалось чужим. Упоминалось вроде бы не раз. Если тот самый Кристиансен, понятно. Ну-ка, дай Бог памяти...

И вспомнил.

– Анна! – Он высунулся из траншеи, оперся ладонями о землю, вымахнул весь. – Анна, подойди-ка. Такое дело вышло, что идти надо. Капитана найти срочно...

Было так грустно, что хотелось плакать. Чего-то было жалко. Может быть, несбывшихся, непонятных каких-то надежд? Она не понимала, и оттого становилось еще грустнее.

Сначала показалось – полюбила. Хотелось полюбить, и тут пришел человек – не такой, как все, интересный, уверенный, внимательный. Полюбила, была готова на все. А он почему-то медлил. Может быть, пренебрег, а может быть, и не хотел этого от нее. Или просто был нерешительным. Такое не прощается.

Конечно, молодым его назвать трудно, и она подметила взгляды товарищей, ребят и девушек. Но она думала и поступала по-своему. Так ей казалось.

И если бы он показал, что любит ее по-настоящему, она бы привязалась к нему, наверное, всерьез и надолго. Навсегда ли – этого сказать, конечно, никто не может, но надолго.

Но – он не показал.

Он забывал о ней за своими делами. Конечно, у всякого есть свои дела. Так должно быть. Но забывать нельзя. Внимание должно быть всегда. Подойти с цветком хотя бы. Посидеть, поговорить. Рассказать, как любишь. Какими бы ни были дела – вырваться, чтобы было ясно: дела делами, но важнее, чем она, на свете ничего нет и быть не может.

Такого от него не дожидаться – она теперь ясно понимала.

Конечно, если бы она любила – примирилась бы. Но – теперь стало совершенно ясно – не любила. И интерес стал проходить. Потому что увидела: иногда он не знает, что делать, сомневается, колеблется. А ей надо было так верить в человека, чтобы по его первому слову кинуться очертя голову.

Всегда все знают лишь люди недалекие; ей, по молодости лет, это было еще неизвестно.

Нет, не ее судьба.

Сказать ему – и уйти.

И опять, когда нужно, – его нет. Оставил ее и улетел.

Нет, она права, безусловно. Хорошо, что вовремя поняла все.

Он, конечно, будет переживать. Но ничем ему не поможешь.

Скоро ли он там?

Терпение стало иссякать. И тут как раз позвал ее Никодим.

Иеромонах знал направление, и они быстро собрались и пошли налегке. Ходить оба умели. Шли как будто неспешно, но ходко.

Пахота под второй урожай была закончена, и поля, быстро покрывшиеся зеленым ковриком всходов, были пустыни. Но на лугах начинался сенокос.

Иеромонах с девушкой шли не останавливаясь, пока не пришла пора передохнуть. Устроились в тени. Анна откинулась на спину и словно задремала. А Никодим сидел подле кромки луга и, шурясь, любовался тем, как дружно взблескивали косы при каждом замахе. Сидеть было чуть влажно: дождик прошел недавно. Но и приятно.

Никодиму было грустно.

Войны не были для него новостью. Монастырь его стоял у большой военной дороги. Езживали по ней тевтоны, поляки, свеи. Потом они отступали, за ними шли русские.

Горели курные избы, вытаптывались поля, незрелые колосья вминались в прах.

И сейчас, когда начиналась война здесь, – а что она начнется, у Иеромонаха было точное чутье, – он жалел эти поля и этих людей, которым суждено было больше всех терпеть от каждой войны, а затем своим потом снова поднимать жизнь, чтобы опять лишиться всего через несколько лет или месяцев.

Но пока не пришла война – коси, раз пора настала.

Никодим подошел к косцам и попросил, чтобы ему тоже дали.

Косу для него нашли. Он подогнал ее по росту, встал в ряд со всеми и, плавно занося косу и резко проводя ее вперед, пошел не отставая. Такое умение было у него в крови, и ничто не могло заставить Иеромонаха забыть движения, утратить чувство ритма.

До пояса обнаженный, блестящий от пота, он косил вместе со всеми, глубоко, до отказа вдыхая ни с чем не сравнимый запах летнего луга и только что срезанной травы, на которой быстро высыхали капли.

Но тут он услышал песню.

Над дорогой, что плавной дугой огибала луг, вставала пыль, и песня неслась из этой пыли. В ней что-то взблескивало временами, и наметанным взглядом Иеромонах определил: оружие.

Он попрощался с косарями и побежал туда, где на краю луга уснула Анна и где он оставил свой автомат. Никодим разбудил девушку и закинул оружие за спину.

– Пойдем-ка, девонька.

Она послушно поднялась.

Толпа приближалась, приближались песня и шум, и грохот, и можно уже стало различить Капитана, что шел впереди.

Глава двадцатая

Глухо стучали копыта, телега поскрипывала. Почти не трясло: видимо, дорогу старались содержать в порядке. Жаль, что высокие борта не позволяли разглядеть ничего по сторонам.

Часа через три остановились.

– Будем перепрыгать, – пояснил один из стражей.

– Хорошо бы сойти, – нерешительно проговорил Шувалов. Сойти ему надо было.

– Слезай. Отсюда все равно не убежишь.

Откинули борт. Шувалов с удовольствием сделал несколько шагов, огляделся.

Вокруг была степь. Ровная, чуть изгибающаяся дорога уходила к горизонту. По соседству стоял небольшой домик, рядом конюшня. Ничего интересного.

А вот вдоль дороги...

Любопытно.

Вдоль дороги возвышались, тоже уходя к горизонту, высокие башни из толстых балок. Не башни, вернее, а сквозные конструкции. Шувалов подумал, что они похожи на опоры линий электропередачи высокого напряжения, какие существовали в древности, когда еще не были найдены практически целесообразные способы передачи энергии без проводов. Он видел подобные изображения в книгах по истории техники. Не деревянные, конечно, и к тому же на картинках между башнями были натянуты плавно провисавшие провода. Здесь, возможно, их еще не успели натянуть.

Очевидно, об этом ему и говорил Хранитель Уровня. Линия, по которой в столицу будет поступать выработанная солнечными батареями энергия. Они рассчитывают закончить работу ко времени, когда иссякнет запас топлива их силовой установки. Чтобы ни на миг не прерывал своей деятельности компьютер, чтобы общество и впредь развивалось по заранее разработанной программе...

Шувалов пожал плечами. В конце концов, можно представить и такую форму общества. Тем более что и сами они понимают: она носит временный характер – до тех пор, пока не накопятся силы для перехода на следующий этап...

Но не будет времени, чтобы совершить переход. Чтобы закончить линию, чтобы ввести в действие солнечные батареи. Не будет времени ни на что...

Звезда Даль!

Он взглянул на нее, прикрывая глаза ладонью. Солнце – звезда Даль – находилось на полпути между зенитом и горизонтом. Шувалов хмуро смотрел на нее и незаметно для самого себя укоризненно покачивал головой.

Потом он перевел глаза на своих непрошенных спутников. Люди выпрягли лошадей и собрались перед установленным на штативе плоским ящиком со стеклянной крышкой. Точно такой ящик Шувалов заметил во внутреннем дворе дома Хранителей, и к нему тогда тоже собирались люди. Примерно в этот час. Ритуал?

Шувалов подошел поближе. Никто не обратил на него внимания. Все смотрели в стекло – сосредоточенно, напряженно. Шувалов остановился за спинами глядевших. Стекло оказалось туманным, похожим на экран, но никакого изображения на нем не было. Стекло вообще не светилось, хотя после увиденного у Хранителей компьютера Шувалов не очень удивился бы, окажись здесь – ну, если не тривизор, то какой-то из его предшественников.

Он задумчиво почесал щеку. Надо проанализировать с самого начала. Что делали люди перед тем, как начали смотреть в ящик? Установили его. Шувалов видел, как это делалось: люди очень старались установить коробку строго определенным образом – сориентировав по сторонам света. Обычно устройства устанавливаются таким образом, когда они служат для приема или передачи – ну, скажем, электромагнитных волн... Если бы здесь происходил прием, то на экране что-нибудь да показалось бы – иначе не было смысла так упорно смотреть на стекло. Может быть, конечно, изображение еще появится – подождем... А если это не прием – тогда что? Передача?

Передача – чего? Нужен прежде всего источник энергии. Тут его нет. Если бы он находился в самом ящике, это прежде всего означало бы, что технический уровень их культуры намного выше предполагаемого. Далее, в таком случае на ящике должны были оказаться хотя бы самые примитивные органы управления этим источником. Их нет. Но может ли идти передача какой-то информации без затрат энергии? Не может. Значит, и вариант с передачей отпал?

Еще нет, продолжал размышлять Шувалов. Пока ясно лишь, что источника энергии здесь не имеется. Но ведь информацию можно передать, пользуясь и чужой энергией. Скажем, отражая солнечный свет зеркалом. Если бы стенка ящика была зеркальной и если бы он был установлен так, чтобы улавливать и отражать лучи звезды Даль, то...

Но зеркала не было, и установлен ящик был совсем иначе. Тильная его стенка, в которой виднелось какое-то углубление, была направлена... куда именно? Шувалов попытался сориентироваться. Да, пожалуй, можно было сказать, что ящик направлен задней стенкой в ту сторону, откуда Шувалов и все остальные только что прибыли. Нет, пожалуй, чуть севернее... Примерно туда, где находился безлюдный город, где приземлились Шувалов и капитан и где Шувалова схватили. Ну а зачем, собственно?

Шувалов задумчиво поглядывал то на экран, то на людей, он видел их лица плохо, потому что стоял сзади и мог разглядывать главным образом затылки. Он смотрел на толстую шею стоявшего перед ним. Она была красной, и крупная капля пота медленно катилась по ней. Шувалов повел плечами: сейчас было уже вовсе не жарко... Он отошел в сторону, чтобы лучше видеть лица. Они были напряжены, словно люди выполняли в этот миг работу, требовавшую черт знает какой энергии...

Энергии? Постой, кто сказал, что здесь нет источника энергии? Искусственного – нет, это правда. Но если речь идет о естественном?

И вдруг что-то забрезжило в памяти. Смутно, смутно... Как будто о чем-то таком слышал. Или видел... Или читал... Одним словом, было где-то когда-то что-то...

Жаль, что память стала уже не той.

Нет, видеть он определенно не видел.

Читал? Уж не в той ли самой книге по истории техники?

Шувалов напряг память. Нет, в той книге ничего подобного наверняка не было.

И все же то была именно книга: не запись, не кристалл, а книга.

Книг он, как и все его современники, видел в жизни считаное количество. И если память не совсем еще вышла из строя, можно будет, наверное, назвать каждую из них. Попробуем!

Прежде всего, конечно, книга Кристиансена, с изложением его теории. Незаслуженно забытая, книга эта провалялась где попало много десятилетий, да нет, кажется, столетий – пока ее, совершенно случайно, не прочитал он, Шувалов. Теория Кристиансена стала исходным пунктом новой теории, носящей теперь имя Кристиансена – Шувалова.

Не все было в той книжке разумно, не все логично. Например, высказав совершенно правильно (как оказалось впоследствии) мысль о том, что процессы, происходящие в звездах, можно регулировать при помощи относительно ничтожных энергий, Кристиансен тут же нагородил всякой чуши, предположив, что источником такой энергии может стать, в частности, одно из полей, генерируемых человеком, – то самое, благодаря которому осуществляются, скажем, телепатические процессы.

Насчет телепатии – ладно, она давно нашла применение в практике и так далее. Но что касается воздействия на звезды...

Он, Шувалов, тоже нашел способ воздействия при помощи небольших энергий. На его принципе основана и установка Аверова. Однако энергетика человека тут ни при чем.

А вот Кристиансен предполагал...

И даже, кажется, разработал что-то такое...

И тут Шувалов с трудом удержался от восклицания.

Он вспомнил.

Действительно, Кристиансен сконструировал крайне несложное устройство, которое должно было концентрировать поле, генерированное отдельными людьми, и, модулируя им поток энергии от какого-либо источника, направлять в сторону светила. Он полагал, что именно такая модуляция помогает установить контакт с сопостранством, в котором, как известно, и распространяются психоволны.

Шувалов пожал плечами.

Конечно, для времен Кристиансена уже сама мысль о контакте с сопостранством была великолепной. Но если даже предположить, что таким путем ему удалось бы добиться чего-либо подобного... каким был бы результат? Ведь и он, Шувалов, пришел к выводу об использовании сопостранства, когда возможность проникновения в него стала фактом: в сопостранство надо сбрасывать энергию, буквально перекачать туда опасную звезду и таким способом избавиться от нее. Допустим, Кристиансен мог добиться того же; но ведь это никоим образом не дало бы ему возможности плавно регулировать процессы, происходящие в звезде. Он мог бы только совершенно уничтожить ее – так же, как может это Шувалов. Способ, надо сказать без ложной скромности, удобный, не приносящий никому вреда: сопостранство, судя по известным сегодня данным, моложе нашего, оно заполнено, как и наше, в основном водородом, плотность которого, правда, несколько больше, так что в моменты сопостранственного перехода корабля «Зонд» какая-то часть свободного водорода оттуда переходила в наше пространство, а не наоборот. В небесных телах там сконцентрировано значительно меньше вещества, чем у нас, в сопостранстве пока еще мало звезд, и мы, перебрасывая туда свои закапризничавшие светила, не причиняем никому ни малейших неудобств. Разве что атомам водорода...

И снова Шувалов запнулся.

Водород, водород...

Отчего происходят вспышки Сверхновых первого типа? Того, к которому отнесли бы и Даль, если бы ей позволили вспыхнуть: старых звезд с массой несколько больше солнечной.

По существующим представлениям, вспышка их происходит из-за стремительного падения вещества звезды к ее центру. Оно происходит потому, что выгорает водород – основное звездное топливо.

Но если...

Если бы была возможность, по мере выгорания, пополнять количество этого топлива...

То взрыва бы не произошло?

И поскольку при контакте с сопространством происходит перемещение водорода оттуда, а не туда...

И если место этого контакта находится не вне звезды, а в ее пределах...

То взрыва не произойдет!

Не об этом ли думал Кристиансен?

Итак, источник энергии находится где-то на планете. Допустим, в доме Хранителей. Или недалеко от их силовой станции. Да, скорее всего, именно там.

Там же имеется какое-то приемное устройство, собирающее, концентрирующее слабые психоволны, посылаемые такими вот ящиками, которым все люди планеты ежедневно, в определенные часы, отдают свою энергию. Этими волнами модулируется направленный на звезду луч. Вот и весь секрет!

Нет, не весь. Тут есть и еще одно обстоятельство.

Отдавая свою энергию, люди должны четко сознавать, что и зачем делают. Это ведь энергия мысли, и частота и мощность, излучаемая каждым человеком, зависит от предмета мысли и важности ее и ее результата.

Люди должны знать...

Если они, вот эти самые люди, не знают – все рассуждение Шувалова ошибочно.

А вот если знают...

Если знают!

Он потряс головой, приходя в себя. Его спутники как раз кончили глядеть в экран и теперь, переводя дыхание и утирая пот, разбирали установку.

– Скажите... что вы только что делали?

– Смотрели на солнце, конечно; что же еще?

– Зачем?

– Так нужно. Все так делают.

– Но зачем? Зачем?

Страж пожал плечами. Ответил другой:

– Смотреть надо, чтобы с солнцем никогда ничего не случилось. Никакой беды.

– И давно вы так делаете?

– Так делалось всегда.

Шувалов закрыл глаза. Мысли роились в голове.

Значит, об этом и говорил Хранитель?

Несомненно, они воздействуют на светило и таким образом держат его в повиновении.

Но в таком случае... опасности нет!

В таком случае звезда может существовать еще тысячи – миллионы лет и не причинит никому ни малейшего вреда!

Она будет существовать до тех пор, пока на планете живут люди и пока они смотрят на нее – каждый день, все разом, определенным образом. И пока на планете есть электростанция.

А он тогда, в городе, крикнул Питеку...

Питек, конечно, уже передал все капитану, экипажу.

Произойдет непоправимое.

Мы уничтожим звезду. Вместо того чтобы оставить ее в покое, мы уничтожим звезду. Убьем цивилизацию. Человечество. Если даже удастся эвакуировать или загнать в подземелья какую-то часть его, пусть даже всех – все равно этого человечества, этой культуры больше не будет. Чем же это не геноцид?

И виновен он – Шувалов.

Исправить ошибку любой ценой! Любой ценой!

Он подбежал к тому стражу, который объяснил ему, зачем люди смотрят на звезду.

– Слушайте! Я понял! Я теперь все понял!

– Это хорошо, – ответил страж. – Значит, ты понял и то, что лошади уже запряжены и тебе пора лезть в телегу.

– Постойте! Мы должны немедленно вернуться! Возвратиться в столицу! Я понял!

– Тогда ты умнее нас. Потому что мы этого не понимаем. Наоборот, нам побыстрее надо ехать туда, где Горячие пески. Каждого из нас там ждет работа.

– Но послушайте! Страшная угроза...

– Знаешь что, твои угрозы всем уже надоели. Хранители сказали, что нам нечего бояться. Как ты думаешь, кому мы верим больше? Да ты сядешь добром, или...

Шувалов непроизвольно оглянулся. Бежать, бежать в столицу!

Его схватили под руки. Он сопротивлялся. Ударил раз, другой, кричал. Но его втащили. Подняли борт. И лошади пошли рысью.

Наконец-то слышались шаги – прозвучали за той дверью, из которой и должен был появиться Хранитель; как объяснил чиновник, за дверью начинался ход, соединявший дом Хранителей с Сосудом. Уве-Йорген сделал знак. Питек и Георгий вскочили и стали по обе стороны двери, вплотную к стене. Щелкнул замок, вошел Хранитель – и сразу же Георгий захлопнул за ним дверь, и оба соратника Уве-Йоргена заслонили ее собою, как он учил – широко расставив для устойчивости ноги, положив руки на оружие. Сам Уве-Йорген продолжал сидеть; он глядел на Хранителя, снисходительно улыбаясь. Хранитель усмехнулся, подошел к столу и сел на свое место, словно в посетителях не было ничего необычайного. Чиновник стоял потупив глаза. Хранитель сказал ему:

– Вы можете идти.

Чиновник поднял глаза на Уве-Йоргена. Тот колебался лишь мгновение.

– Да, – разрешил он. – Но без шуток!

И прикоснулся пальцем к автомату. Чиновник поклонился. Он не вышел, а беззвучно вытек в дверь – ту, что вела в коридор. Слышно было, как он побежал.

– Теперь поговорим, – сказал Уве-Йорген. – Разговор будет серьезным. Ваша электростанция в моих руках. И если сейчас ваш вычислитель еще работает, то лишь потому, что позволяем мы. Ваше войско, – он презрительно усмехнулся, – разгромлено. Иными словами, условия сейчас диктуем мы. Я.

Хранитель кивнул с таким выражением, словно ему сказали, что на улице стоит хорошая погода.

– А что именно вы диктуете? – спросил он. – Но прежде скажите, пожалуйста: вы тоже ученый – как тот ваш сотоварищ, с которым я уже разговаривал?

– Нет, – сказал Уве-Йорген. – Я солдат, если это слово доступно вашему пониманию. Я привык выполнять свой долг до конца, как бы ни было трудно. И все, что я сказал и буду говорить, – не пустые слова. Наши требования таковы. Поскольку и вам, и нам угрожает опасность...

Хранитель кивнул снова.

– Опасность действительно существует, – сказал он, не дав Рыцарю продолжить. – И только поэтому я сейчас разговариваю с вами – с людьми, пролившими кровь, то есть виновными в самом серьезном преступлении.

– Зачем же было преследовать нас? – возразил Уве-Йорген. – Да и вообще – не пытайтесь выглядеть ангелами, я все равно не вижу ваших крыльев. А вот у нас они есть!

– Мы не ангелы. Тем не менее...

– Я все-таки хочу сказать. Вы начали преследовать нас. Вы выселили людей из города, близ которого впервые приземлился наш катер. Вы задержали и куда-то отправили нашего товарища. Разве этого мало, чтобы оправдать кровь?

Хранитель нахмурился.

– Ничто не оправдывает крови. И я могу ответить на все ваши вопросы и сделаю это. Теперь слушайте меня. Да, опасность действительно существует. Но вы о ней ничего не знаете. Что касается ваших опасений, то они необоснованны, ученому я мог бы доказать это, если бы он потрудился внимательно выслушать; вам я просто говорю, что это так и есть. На более подробные объяснения у нас нет времени. Слушайте дальше. В руках у вас нет ничего, кроме этого вот оружия. К станции вам больше не подойти: и туннель, и все помещения уже заполнены газом, вредным для вашего здоровья. Мы сделали это по той же причине, по которой старались удалить вас от старого корабля и которую вы угадали лишь частично. Да, установка дает энергию для нашего компьютера, но это не главное: основное в том, что она питает установку, регулирующую наше солнце. Следы показывают, что вы побывали возле нее, но, видимо, не поняли ее назначения.

Уве-Йорген с сомнением покачал головой.

– Мы сообразили бы, – сказал он, – если бы поблизости оказалась хоть какая-нибудь антенна. Такая установка не может работать без антенны, насколько понимает любой из нас.

Хранитель усмехнулся.

– Антенна... И тем не менее она существует. Разумеется, мы не могли привезти ее с Земли, но она есть. Лес! Лес служит антенной, к каждому дереву подводится нужная частота от установки! Неужели вы, находясь там, не поняли, что лес этот вырос не сам – он посажен! Но впоследствии была сделана ошибка: мы решили построить там город и слишком поздно спохватились, что близость города опасна для леса, как бы мы ни старались внушить каждому мысль о неприкосновенности каждого дерева в нем. Какое строительство может обойтись без топора? Но если этому лесу нанесен ущерб, нарушается регулирование светила, возникает угроза для всей планеты. Вас слишком мало, чтобы противостоять нам, но достаточно, чтобы нам помочь. Опасность сейчас заключается в том, что люди вышли из леса – из другого, настоящего – и идут сюда. Наверное, они знают о найденном старом корабле. И если не удастся остановить и успокоить сейчас, они – часть их – наверняка бросятся к нашему лесу. Мы можем остановить их силой. Но это значит – жертвы. А нам дорог каждый. Мы не хотим жертв. Мы их боимся. – Он опустил веки. – Давным-давно, через десятилетие или два после высадки прилетевших с Земли основателей нашего мира, часть их, возмущенная трудностями жизни здесь, еще храня память об уровне жизни на Земле, решила использовать ограниченную энергию, которой мы обладали тогда и обладаем сейчас, не для регулирования солнца и работы Сосуда и компьютера, но для создания удобств жизни. Однако большинство воспротивилось этому: такой путь привел бы колонию к гибели из-за того самого взрыва звезды, которым вы так напуганы. Пролилась кровь. И немало. То же может повториться сейчас, если люди из леса войдут в город. Надо остановить их на дороге и уговорить вернуться восвояси. Их время еще не настало. Почему мы прибегаем к вашей помощи? Потому что, как нам сообщили, возглавляют их тоже ваши люди. Думаю, что со своими людьми вы договоритесь без кровопролития. Вы согласны?

Уве-Йорген ухмыльнулся.

– Я всегда говорил, что дипломатия – не моя стихия, – ответил он. – Но мне всегда нравились четко сформулированные приказы. Мы отправляемся, чтобы остановить их. Я несведущ в науках, но думаю, что желания взорваться вместе с планетой у вас не больше, чем у нас. Я правильно понял?

Хранитель улыбнулся в свою очередь.

– Сильные обычно думают, что они и умнее слабых, и лучше знают, что им, слабым, нужно. Земля сильна, очень сильна... Ну, отправляйтесь, и да пребудет с вами красота.

Большой катер с ревом пронесся над толпой. Уве-Йорген шел на бреющем полете. Губы его кривились в усмешке. Внизу лошади взвивались на дыбы. Кто-то махал руками, непонятно – от ужаса или в знак приветствия.

Промчавшись над людьми, катер приземлился метрах в двухстах впереди, прямо на дороге. Трое вышли из него и медленно зашагали навстречу колонне. Уве-Йорген поднес к губам усилитель.

– Стоять! – крикнул он.

Его голос громом прокатился над лугами.

Колонна продолжала двигаться. Кто-то впереди размахивал руками и что-то кричал. Но слов разобрать было невозможно.

– Питек! – сказал Рыцарь. – Твои глаза зорче: посмотри, есть ли там наши?

– В такой пыли не разобрать, – сказал Питек после паузы. – Но их много, понимаешь? А нас трое. Позволят ли они, чтобы мы их уговаривали?

– Боюсь, – ответил Рыцарь, – что какое-то устрашение все же понадобится... Я так и думал, что наших тут не будет. По моим соображениям, капитан сейчас должен быть уже на пути к кораблю, к Аверову и Руке. Иначе...

Он посмотрел на часы, сдвинул брови.

– Иначе наши ребята на борту, не получив новой информации, не задумываясь выйдут в атаку на это светило. Хотя, оказывается, это вовсе не нужно. Думаю, капитан решил хотя бы отложить атаку. Конечно, если бы он был здесь, мы договорились бы сразу. А так...

– Я думаю, – сказал Георгий, – что главное все же остановить их. Как сказал тот Хранитель, самое плохое будет, если они войдут в город. Значит, они не должны войти.

– Мы пролили тут уже немало крови, – хмуро сказал Уве-Йорген. – Я уже начинаю жалеть об этом. Прибавим шаг, ребята. Попробуем все же договориться...

– А если один выстрел? – сказал Георгий. – Для предупреждения. Для острастки...

Ему сейчас казалось, что он снова защищает узкий проход и вся персидская армия наступает на него. Как и тогда, врагов было много. Но на этот раз в руках воина было совсем другое оружие, и он умел владеть им.

– Ну, дай один предупредительный... – разрешил Уве-Йорген.

Он забыл, что имеет дело все-таки не с настоящим солдатом. Настоящий знал бы, что предупредительные выстрелы дают в воздух. Поверх голов. Георгий не знал этого. И нажал спуск.

– Это же наши, Монах! Смотри: Рыцарь, Георгий... Постой! Что они... Никодим!

Монах не ответил. Он оседал, прижимая ладонь к животу. Сквозь пальцы сочилась кровь.

Капитан опустился рядом с ним. Схватил выпавший из рук Иеромонаха автомат. Прицелился. Медленно опустил оружие. Подбежала Анна, склонилась над раненым. Капитан встал и стоял неподвижно, опустив руку с автоматом. Кровь стекала, капли ее закутывались в теплую оболочку пыли. Лесные люди подошли, но остановились в нескольких шагах, не приближаясь более, и смотрели с ужасом. По дороге торопливо приближались трое – с посеревшими лицами, но оружие они еще держали в руках. Анна возилась, перевязывая. Уве-Йорген опустился рядом с ней, чтобы помочь. Девушка непроизвольно отстранилась. Рыцарь даже не заметил этого. Монах открыл глаза, глубоко, с трудом вздохнул.

– Ульдемир, возьми в кармане... есть интересное. Ах, ребята, где брат ваш Авель?..

Потом он зашептал что-то уже не для них, и капитан едва разобрал часто повторявшееся «Господи, помилуй...».

– Что будем делать, капитан? – спросил Уве-Йорген.

– Почему же, Рыцарь, ты не спросил этого раньше? Почему не спросил я? Любой из нас? Спасители!.. Горсть тупоумных избавителей... Зачем им понадобилось вытаскивать меня из реки? А ты, зачем ты попал в будущее, Уве-Йорген? Почему не остался лежать там, где тебя сбили?

– Да, – сказал пилот. – Согласен. Но разве дело в нашем прошлом, разве дело в том, что когда-то мы воевали друг против друга? Да, мы пришли, мы хотели навязать этим людям свое понимание вещей, которое им оказалось совершенно ни к чему, потому что у них есть свое понимание, и оно вернее нашего, потому что это их планета, а не наша, это их звезда, а не наше светило. Но разве мы принесли это из своего прошлого? А те, кто возглавил всю нашу команду, самые современные из землян, – разве они прочитали ситуацию иначе? Я никогда не прошу себе Никодима, хотя и не я стрелял в него; я стрелял в других, их кровь пролита. Моя вина. Но и твоя тоже, и любого из нас: если приходишь, чтобы спасти, нельзя вести себя словно ты завоеватель!

– Это ты говоришь, Уве-Йорген?

– Ты полагаешь, я мало думал над своей жизнью? Над той, настоящей, в моем времени – оно же и твое, Ульдемир... Вы тогда победили, поэтому у вас оказалось меньше поводов для раздумий; размышлять и делать выводы – удел побежденных. И сейчас я понимаю одно: надо спасать то, что еще можно спасти.

– Что еще можно спасти?

– Планету, Ульдемир. Этих людей, пусть они сейчас и не любят нас, да и вряд ли полюбят после этого. Я теперь знаю, в чем дело, я говорил с Хранителем и могу сказать уверенно: если этому человечеству и грозит что-то, то только мы. Мы – вот единственный источник угрозы. Наш корабль на орбите. Наша установка на нем. Наш приказ – твой приказ, Ульдемир, – который вступит в силу вот уже через несколько минут. Вот если мы сейчас не сможем предотвратить этого – тогда я действительно пожалею о том, что не остался лежать в обломках моего самолета. Слушай, капитан. Ты ведешь этих людей на столицу. Это больше не нужно. Мне объяснили почему, и я обещал остановить вас. Я не хотел, чтобы это получилось так. Но сейчас скажи им: пусть возвращаются в лес.

– В лес, где под землей лежит убитый город...

– Скажи: им все объяснят. Скажи: никому не нужно, чтобы умирали и другие города. Ты знаешь, капитан: я говорю только то, что знаю. Сделай то, что я говорю.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Потом Ульдемир протянул руку, и Уве-Йорген пожал ее.

Капитан повернулся к окружавшей их толпе.

– Друзья! – сказал он громко. – Хранители прислали сюда моих товарищей, чтобы мы выслушали их, потому что Хранителям вы сейчас могли бы и не верить; они просят вас вернуться в лес, чтобы они сами могли прийти к вам и объяснить, почему до сих пор не позволяют вам жить так, как вы хотите, и рассказать, что и почему постигло тот город, что лежит в лесу в развалинах. Это ваш мир, друзья, и вы сами будете решать, что, как и когда делать. Но не надо сейчас идти в город, потому что...

Он опустил голову, поглядел на недвижимое тело Никодима.

– ...Потому что уже пролита кровь – и путь она будет последней! От нас с вами зависит: пусть она будет последней!

Он умолк и стоял, переводя взгляд с одного человека на другого. Но люди больше не смотрели на него. Они смотрели на тело Монаха. Смотрели и медленно отступали. Медленно и неудержимо.

Стоявшая на коленях возле Никодима Анна встала.

– Прощай, Ульдемир, – сказала она.

– Анна! – сказал он. – Нуш! Ты...

– Я – с ними. Там моя жизнь.

– Ты... навсегда?

Она странно улыбнулась.

– Не знаю, Ульдемир. Может быть, потом... когда-нибудь... Но сейчас не пытайся удержать меня. Прощай, Ульдемир.

Она уходила. Капитан сделал шаг к ней. Уве-Йорген положил руку на его плечо.

– Приказ, капитан. Твой приказ. И катер готов.

– Летим!

– Если позволишь, мы пока останемся здесь. Проследим, чтобы все кончилось мирно. И похороним Никодима. Он был хороший парень. Мне жаль.

Капитан колебался лишь секунду. Он смотрел вслед уходящим людям, почти уже невидимым из-за пыли. Потом побежал туда, где стоял катер.

Оставшиеся на земле проводили глазами взвившуюся машину. На дороге валялось немало брошенных уходившими предметов; среди них отыскиались две лопаты. Трое подняли тело Никодима, отнесли в сторону от дороги и принялись рыть могилу.

– Гроба нет, – сказал Уве-Йорген. – Что же, это война. Очень маленькая война, но очень большая беда. Как ты думаешь, Георгий?

Спартиот молчал, стиснув челюсти. Потом проговорил:

– Мне больше нельзя жить среди людей.

– Это война, – повторил Рыцарь, – и бывает, что попадают в своих. Но пусть этого больше никогда не будет.

– Мне нельзя больше жить среди людей, – повторил Георгий.

– Тьфу! – сплюнул Уве-Йорген. – Ничего себе солдаты были в ваше время... Ладно, старший здесь – я, так что слушай мою команду. Вслед за отступавшими – шагом марш. Ульдемир пришел из леса, значит его катер где-то там. Девушка знает где. Маленький, но втроем мы как-нибудь разместимся. Приходит время сказать этой гостеприимной планете последнее «прости».

– Ты думаешь, – сказал Питек, – капитан догонит, если Рука уже начал атаку? Время ведь истекло.

– Капитан хорошо летает, – сказал Рыцарь, – в пространстве – не хуже нас. На малых высотах у него, конечно, не то, но в данном случае это не имеет значения.

– А если не догонит? – спросил Питек, в упор глядя на Рыцаря.

Уве-Йорген понял.

– А если не догонит, – сказал он, – мы вернемся сюда. И что бы ни ожидало этих людей, то же самое будет ожидать и нас. Согласны? Тогда шагом – марш!

Аверов вошел в пост управления. Он выглядел слегка встревоженным.

– В чем дело, Рука?

Гибкая Рука поднял на него глаза.

– Срок истекает, – сказал он, кивнув в сторону главного хронометра. – Займите свое место по стартовому расписанию и готовьтесь работать с установкой.

– Погодите, инженер. Я понимаю, что вестей нет, но думаю...

– Думать больше не надо, – сказал Рука. – Надо делать.

Аверов сказал умоляюще:

– Только не торопитесь, ради всего святого! Все ведь может оказаться ненужным. И приведет к гибели стольких людей...

– Разве люди бессмертны? – спросил Рука.

Аверов с досадой махнул рукой.

– Нет, конечно. И все же...

– Разве каждый из них не должен умереть?
– Ты смеешься надо мной, Рука? Что за глупые вопросы!
– Постой. Что же волнует тебя? То, что так они умерли бы в разное время, а теперь умрут все вместе? Это?

– Ну как ты не понимаешь! Одно дело, когда умирает кто-то, но в живых всегда остается больше. И совсем другое – когда умрут сразу все...

– Но ведь рано или поздно все умерли бы!

– О, ты совсем не понимаешь меня...

– Да, не понимаю, доктор. Ты говорил, что мой народ умер, и народ Георгия, и капитана. И еще один народ умрет. Что же в этом нового? Зато твой народ останется. Ты должен радоваться, доктор.

– Рука... Что же ты намерен делать?

– То, что должен. Выполнить приказ. Сейчас я уведу корабль с орбиты. Будем удаляться от звезды. Потом уравновесимся. Я поверну корабль. И мы пойдем в атаку. Ты включишь установку, или же это сделает компьютер. Звезда начнет гаснуть. И Земля будет спасена.

Аверов подумал. Сжал губы.

– Хорошо. Наверное, ты прав. Время действовать. Но после окончания воздействия мы вернемся сюда, чтобы забрать наших с планеты. А может быть, и не только наших. Непременно. Иначе... иначе я сейчас же выведу установку из строя. Сожгу эмиттер!

– Да, – согласился Рука. – Мы вернемся.

Он помнил, что, выполняя порученное, корабль может погибнуть и сам. Пусть: жить все равно будет больше незачем.

Включив минимальную тягу, Рука увел корабль с орбиты, чтобы набрать необходимую для разгона дистанцию. Автоматы вели машину. Гибкая Рука курил. Он медленно, с удовольствием выпускал дым, тянувшийся полосой, как Млечный Путь.

Катер взвился так стремительно, словно он и сам понимал, как нужно нам спешить и почему нужно.

Сейчас нельзя было смотреть на хронометр. Надо было сохранять спокойствие. Иначе можно было в два счета испугаться, и уж тогда стрелка наверняка обогнала бы меня, а мне нужно было, чтобы получилось наоборот.

Есть хорошее средство против мыслей о будущем. Это – воспоминания. И пока перегрузки втискивали меня в кресло и все более редкий воздух свистел за бортом, я думал о прошлом и поворачивал его и так и этак. Всякое прошлое. И давнее, и совсем свежее. И лучшее, что было в нем, и худшее. Вероятно, я не был уверен, что у меня еще когда-нибудь появится возможность вспоминать.

И я думал, используя последние минуты перед выходом на нужный курс.

Анна ушла, и я понимал, что не уйти она не могла. Наверное, то, что совершилось сколько-то столетий назад совсем в иной точке пространства, должно было повториться – и повторилось сейчас и здесь.

Я вспоминал и понимал, что в памяти моей обе они, Нуш и Анна, стали уже путаться. Они срослись вместе, и иногда трудно было сказать, что же происходило в той жизни, а что – в этой.

Когда она сказала мне: «Я всегда чувствовала себя королевой»? А я еще ответил: «Хочу ворваться в ваше королевство завоевателем...»

Кажется, тогда: с ней мы долго были на «вы», а с Анной сразу стали на «ты», по обычаю этой планеты.

А когда она сказала: «Все будет, будет – только не сегодня»?

Это, пожалуй, уже теперь. Точно. Теперь.

А что толку? Что толку в том – когда именно?

Все равно это ничем не закончилось. И не могло.

И не надо, думал я довольно-таки тоскливо. С такой тоской думает, наверное, какая-нибудь верная собачка – черный пудель, скажем, – в черную ночь, когда песик не видит даже кончика своего хвоста с такой приятной кисточкой; с черной собачьей тоской, одним словом.

Так я думал, пока еще оставалось время. Но вот его больше не стало: пришла пора выходить на связь.

Я включил рацию и стал вызывать корабль.

Никто не отвечал.

Я снова послал вызов.

И опять никто не ответил, и я уже знал, что не ответят, потому что сделать это теперь было некому. Рука сидит за ходовым пультом, Аверов же, где бы он ни был, уж во всяком случае, не дежурит на связи. Нет, мне не удастся окликнуть их на расстоянии. Только догнать. Догнать, схватить за плечо и сказать: «Стоп, ребята!»

Прошло еще десять минут – и катер наконец вышел на орбиту корабля. Именно в ту ее точку, где должен был сейчас находиться корабль. Но его там больше не было.

Я даже не стал смотреть на хронометр: стрелка выиграла у меня дистанцию.

Но я подумал, что корабль ушел недалеко. На малых дистанциях у меня была фора: корабль разгонялся куда медленнее катера, особенно если учесть, что за пультом сидел не пилот, и значит, машину ведут автоматы, не нарушающие инструкций. Однако, если я и сейчас упущу время, помочь будет больше нечем. Катер был чистым спринтером, и на долгое преследование на максимальной тяге у него просто не хватило бы энергии.

Терять мне было нечего. Нужно было рисковать.

И я страшно разозлился на все на свете. На Анну, на себя, на проклятую звезду с ее планетой, на Шувалова, который не смог толком поговорить с Хранителем, на Руку, который не мог обождать еще хотя бы полчаса...

Можно было включать локатор: я примерно представлял путь корабля и знал, что сейчас планета уже не будет затенять его. И в самом деле, я поймал его почти сразу. Он оказался дальше, чем я надеялся. Жать следовало вовсю. И можно было успеть, а можно было и не успеть, никто не дал бы гарантии.

И я еще больше разозлился на всех – кроме детей.

Кроме тех, кто остался там, в лесном поселении. Кто с таким страстным интересом лазил по моему катеру, и залезал в него, и хватался за разные принадлежности, и жужжал, и просил меня покатасть их. Хотя, помнится, нет, покатасть не просили. Но мне все равно очень хотелось покатасть их. Или хоть просто увидеть. Глядеть на них и знать, что будущему их ничто не грозит: они будут жить, а уж как – об этом они подумают сами.

Я мог сейчас не долететь до корабля, мог рассыпаться на куски на ходу. Но не мог не драться до последнего за детей. За всех детей – и этой планеты, и Земли, и за всех, сколько бы их ни было во Вселенной.

И я сказал катеру:

– А ну-ка давай нажмем, Миша...

Так я называл его, когда мы были наедине.

И мы с ним дали.

Планета осталась далеко внизу. Она уменьшалась стремительно, и уж, конечно, ни при каком увеличении на ней не различить было ни ребятишек, ни Анну, которая меня не любила, но не делалась от этого хуже и еще должна была найти в жизни свое, настоящее – а для этого ей надо было жить; нельзя было различить и людей Уровня, и людей из Леса, и Хранителей, и моих товарищей, которые, как и я сам, наверное, не были виноваты в том, что родились тогда,

когда родились, и думали так, как их учили, а не иначе. Не было видно никого, но я знал, что все они там.

Планета осталась справа внизу, корабль успел уйти далеко вперед, и я даже не знал, настигаю ли его или так и буду догонять, пока не кончится топливо. Планета глядела на меня уже другим полушарием, и все люди, что находились на ней, если и смотрели сейчас вверх, то видели другую часть Галактики – ту, где меня не было. Но мне казалось, что они смотрят именно на меня, и машут, и желают мне успеха.

Я выжимал из техники все, что можно и чего нельзя было, машина работала на расплав, катер дрожал от перенапряжения, и я дрожал тоже, и знал, что если мы не спасем этих людей, всех, сколько бы их ни было, сто тысяч, миллион или десять миллионов, – если мы не спасем их, то это будет моя вина, потому что, значит, я не сделал всего, что можно и нужно было сделать.

И я никогда не услышу больше приглушенный голос, говорящий:

– Знаешь, я, кажется... счастлива.

И звонкие голоса детей.

Но на такой конец я не был согласен.

Все было на пределе. Миша предостерегающе гудел, как будто укорял меня в неосторожности и жестоком к нему, катеру, отношении. И я сказал ему:

– Нет, я не сторож брату моему. Но я ему защитник. И брату моему, и сыну моему, и моей любви. Потому что иначе я недостоин ни брата, ни сына, ни любви. Так что не будем жалеть себя; в тот миг, когда мы пожалеем себя, мы лишимся права на уважение. А я не хочу этого...

А больше я не сказал ничего, потому что далеко-далеко по курсу мы с ним увидели огни корабля и нам показалось, что жизнь еще впереди.

Книга вторая

Тогда придите, и рассудим

Глава первая

...потом створки съехали со звуком, с каким прозрачная волна набегает на белый раскаленный песок пляжа, когда солнце поет и нет сил шевельнуться, даже открыть глаза, когда сам ты стал и солнцем, и песком, и морем, и Вселенной, истекающей бездумным счастьем бытия. Холодный служебный свет, отсеченный дверью, остался в коридоре, куда только что вышла женщина, держа в руке что-то мерцающее и невесомое, как лучи звезд, – то, в чем она сколько-то времени назад вошла сюда, ко мне, неожиданная, словно принесенная на руках моего желания и тоски. Тоски по ней? Не знаю; сейчас я могу уверенно сказать – да! Но еще за мгновение до того мне представлялось другое лицо и другие линии; теперь они не то чтобы исчезли, но как-то совместились с новыми, растворились в них, а имя, столько раз произносившееся мною в моем двойном одиночестве, временно-пространственном, – имя это оказалось и в том и в другом измерении так же далеко, как и сама планета звезды Даль.

Женщина ушла, но осталась здесь, и перед моими закрытыми глазами все еще стоял ее силуэт в прямоугольнике раздвинутых створок, а телом еще ощущалось ее тепло, а обонянием – запах, светлый запах весеннего рассвета, а слухом – невесомое ее дыхание и какие-то слова, те, что не оседают в словарях, но, словно молнии, рождаются и гаснут, блеснув единожды и ослепительно, слова, не выражающие мыслей, – мысль есть лишь отражение жизни, – но сами бывшие жизнью, естественные, как шелест лесов и плеск воды; а зрением все еще воспринимался тяжелый блеск в ее глазах, казавшийся отсветом древних костров, у которых сидели трое: Она, Он и Любовь. Хотя на самом деле то был, наверное, отблеск шкал репитеров на переборке моей каюты, но в те мгновения я не стал бы глядеть на них, даже покажи они конец света... Она ушла, но все мои чувства крепко держали ее, все до единого, потому что любое из них непременно для счастья. И память тела, и другая память тоже, со странной точностью вновь повторявшая кадр за кадром: как раскатились неожиданно створки, хотя я был здесь, а створки отзывались только на мой шифр; как вошла Она. Именно так воспринял я ее в тот миг: Она – хотя мне были прекрасно известны ее имя и должность и место по любому из корабельных расписаний, точно так же, как мне известно (и должно быть известно) все о каждом, кто только есть на борту. Не могу сказать, что я встал навстречу ей; меня подняло и толкнуло, и опустило на колени, и заставило поцеловать край того, мерцающего, что было надето на ней. Не было удивления: удивляются мелочам, перед стихией преклоняются безмолвно; и не было ни одного разумного слова, как не бывает их в оркестре, когда исполняется великая музыка... Память показывала и дальше; можно, вероятно, найти слова, какими все это опишется точно – но неверно. Человек может выражать одними и теми же словами проклятие и молитву – здесь была молитва.

Минуло время, и она ушла, вот только что, все так же безмолвно, но между нами не осталось неясного. Я лежал опустошенный, но не пустой, потому что из меня словно выскребли все низкое, унылое и дрянное, что только во мне было, и вместо этого наполнили меня чем-то, с чем можно жить тысячи лет, не унывая. И мне стало казаться вдруг, что все на свете просто (и наша экспедиция в том числе), что мы благополучно долетим, Архимеды наши и Михайлы Васильевичи, и прочие быстрые разумом Невтоны совершат все, что им полагается, выяснят при помощи своей белой, черной и пестрой в крапинку магии то, что следует, а затем чему положено гореть – зажжется, а чему потухнуть – погаснет, и мы отчалим в обратный путь, таща за собой длинный хвост впечатлений. А когда вернемся на Землю, планета перестанет казаться

мне чужой, потому что там, где двое вместе, возникает и все прочее, что нужно в жизни. А на финише...

Я дремал, наверное, или грезил; зуммер вызова проник в сознание не сразу. В другое время я мысленно (и даже не только) проклял бы – кто там сейчас стоит вахту? Да, Уве-Йорген, доблестный рыцарь истребительной авиации; значит, я проклял бы Уве-Йоргена, и всю его вахту, и весь личный состав, включая ученых и астрооператоров, и весь рейс, и всю Землю, а также и доступную и недоступную нам вселенную, все, что есть, и все, чего нет: не люблю, когда меня будят. Но на этот раз я был полон доброты, и мне захотелось излить ее на кого-нибудь еще, пусть и на Рыцаря. Так что, дотянувшись до кнопки, я произнес по возможности миролюбиво:

– Капитан Ульдемир.

– Капитан. – Голос Уве-Йоргена прозвучал отвлеченно-бесстрастно, как и всегда на службе. – С приятным пробуждением, капитан. Доброе утро.

– Что у вас там?

Досада, вероятно, все же оставила след в моем голосе, судя по чуть удивленному:

– Вы приказали поднять вас, капитан, когда приблизимся к точке выхода.

Как, уже? А я рассчитывал, что вся ночь впереди. Кануло куда-то время... И тотчас же другая мысль: бедная, каково ей сейчас, не выспавшись – за пульт...

– У меня все, капитан, – молвил Уве-Йорген, устав, как видно, дожидаться ответа.

– Сейчас буду. Работайте по расписанию. Все.

И я собрался было пожаловаться самому себе, что вот опять приходится подниматься ни свет ни заря, в моем-то серьезном возрасте, – но тут же вспомнил, что отныне, с этой ночи, я молод, моложе молодых. И вскочил быстро, словно каждая пружинка во мне была снова заведена до отказа.

Где-то, где-то (впрочем, расстояния – фикция в этом мире, и нет ничего, что было бы слишком далеко от нас) серебряные птицы вспорхнули и летучие рыбы ринулись в полет, стройные, на антигравтяге, с головками автоматического наведения на свет, на тепло, звук и запах – на всякое дыхание жизни. Там, куда они устремлялись, мгновенно грянули беззвучные вихри в тесных недрах стратегических машин, двойные и тройные параллельные цепи не подвели, все было вмиг подсчитано, взвешено и решено – и серебряные рыбы поднялись навстречу, и взвились клекочущие птицы, антигравы автоматического наведения. Мгновенным был диалог безошибающих неживых умов; и птицы клевали рыб, а рыбы в клочья разрывали птиц с той и с другой стороны, и одна часть сгорела и рассыпалась и упала, а другая часть прорвалась в ту и иную стороны. И у птиц раскрылись люки, а боеголовки летучих рыб разделились, как разлетается в стороны осиный рой. Эти сделали свое дело сразу, но и те, что упали, не долетев, тоже совершили свое, только секундами позже. Потому что антизаряд бомбы ли, головки ли может лишь считанные секунды существовать в отключении от мощных стационарных энергетических установок, питающих магнитное поле, свернутое коконом и предохраняющее несколько килограммов антиметалла – в два хороших кулака величиной – от соприкосновения с корпусом бомбы или головки, сделанным из обычного сплава. Ровно столько времени, сколько нужно, чтобы долететь до цели, магнитный кокон продолжает жить, питаясь от аккумулятора, а затем – аннигиляция, взрыв. Каждый такой заряд стоил, сколько стоит построить город, и энергии потреблял, сколько ее потребляет город с его заводами, подземками, рекламными, утюгами и ночниками. Безопасность требует жертв – но, видно, уже не под силу стало истекать соками, питая безопасность, и – где-то, где-то! – люди – а скорее даже созданные ими особо доверенные машины – решили, что риск – дешевле, иначе – тупик, потому что можно зарядить АВ-бомбу, а разрядить уже нельзя, ее можно лишь взорвать, но вывести заряды в космос и взорвать на безопасном расстоянии от планеты тоже нельзя, ибо путь каждого заряда

строго рассчитан, и расстояние, какое он может пройти, слишком мало, чтобы взрывы не отразились на всем, что существует на планете. Не додумались разоружиться, пока речь еще шла об идиллических термоядерных зарядах, которые разрядить было – раз плюнуть, а теперь это стало все равно что выстрелить самому себе в висок – так лучше уж в противника! И белые пламена вспыхнули, как если бы множество вселенных вновь рождалось из темного, вневременного и внепостижимого протовещества. Нет, они вспыхнули ярче, чем множество вселенных. Ничто не могло уцелеть и не уцелело. Так это было на планете Шакум, обращавшейся вокруг солнца, что воспринимается на Земле лишь как слабенькая радиозвездочка в созвездии Паруса.

Но нет ничего в этом мире, что было бы далеко от нас.

И вот разговор, что произошел одновременно (при всей относительности этого понятия) совсем в другом пространстве, но не весьма далеко от гибнувшей планеты, откуда она была видна как бы вся сразу, как плоский лист, а видно было также и многое другое.

– Фермер! – сказал Мастер, невесело, как всегда, усмехаясь. – Вот и опять. Неужели все зря и мы с тобой бессильны?

Фермер чуть повернул лик, сосредоточенный и грустный, на котором плясали белые блики.

– Мы снова что-то упустили.

Мастер встал рядом с Фермером и стал смотреть туда же, и на его лице тоже заиграли белые блики, словно от рождавшихся миров – но этот мир не рождался, он гибнул на глазах. Они молчали, пока не угасла последняя запоздалая вспышка, которой могло и не быть, ибо все свершилось уже: уничтожение было гарантировано надежно. Лишь тогда Мастер заговорил вновь:

– Мне все же не верилось. Хотя в глубине души я, наверное, ждал этого. Я не смог помешать.

– Ты не посылал туда эмиссаров?

– Четырежды, в разное время. Все четверо либо жестоко убиты, либо умерли в заточении. Я здесь сжимал кулаки, но ничего не мог поделать. Очень жаль, что, посылая эмиссара, мы не вправе помочь ему ничем, кроме советов. Но иначе его раскрыли бы там сразу. А никто не любит вмешательства со стороны. Перемены должны приходить изнутри – или как бы изнутри...

– Может быть, не надо было посылать их поодиночке? Те же четверо, если бы послать их разом...

– Как будто я не знаю этого, Фермер! Но где мне взять столько эмиссаров? А с группой еще сложнее: она не может быть случайной кучкой малознакомых людей. Наши требования высоки.

– Для такой нужды я мог бы отпустить даже кого-нибудь с моей Фермы.

– Разве у них мало работы? Или вокруг недостаточно миров, требующих наших усилий? Где-то наших людей всегда недостает. И в результате – вот...

– Может быть, этот мир и не стоил таких сокрушений. Слишком глубоко распространилась там зараза. А у меня есть правило: больное дерево должно сгореть, – сурово отозвался Фермер, но в голове его слышалась усталость, какая возникает не от трудов, но от неудач. – Сорную траву выжигают, и больной сук тоже отсекают и предают пламени. Так. Но мне жаль. И того, что случилось, и того, что еще может произойти где-нибудь в другом месте. Еще не весь сорный лес выгорел.

– Ходят слухи о твоей доброте, Фермер, – с той же едва заметной усмешкой проговорил Мастер.

– Доброта и добро – не всегда одно и то же, – возразил Фермер. – Но мне жаль, повторяю. Ведь там проросло и доброе, однако не успело. Слишком много было тени, а росткам добра нужен свет. И Тепло.

Снова они помолчали.

– Какая вспышка Холода! – нарушил тишину Мастер. – Будут серьезные последствия: изменения начались сразу же. Перезаконие.

– Фундаментальное?

– Вглядишься, и ты увидишь.

Фермер вгляделся в то, что было перед ними.

– Волна не кажется мне очень мощной. И скорость распространения умеренная.

– Но это незатухающая волна. Не локальная вспышка Перезакония: идет перестройка структуры пространства. Чтобы погасить волну, нужна мощная вспышка Тепла.

– Жаль, что его нельзя доставить извне. А здесь у тебя нет нужных источников?

– Одиночных сколько угодно, – сказал Мастер, – но они не помогут: слишком силен Холод. Нужен самое малое планетарный источник. Лучше, если их будет два. А если один, то превышающий мощностью источник Холода. Источник, который высвободит Тепло разом, подобно взрыву, – так же, как это произошло только что с холодом. Но ведь тут погибла целая планета, что же сможем противопоставить мы? Чтобы целая планета воскресла, разве что. Кроме того, нужный нам источник должен находиться недалеко, в том же пространстве, и ввести его в действие следует быстро. Планеты твоей Фермы излучают Тепло непрерывным потоком, но не дают мгновенных мощных импульсов. Однако, если мы не остановим волну, Перезаконие распространится слишком широко, и тем тяжелее окажутся последствия.

– Если бы они знали, – сумрачно проговорил Фермер, – что, убивая друг друга, они не просто преступают свою же мораль, но и влияют на развитие Вселенной...

– Но на этой стадии они еще не мыслят категориями Вселенной – чересчур много мелочей отвлекают их. И подсказать им трудно, а значит – надо найти возможность повлиять на их чувства помимо рассудка.

– На несчастной планете каждый успел понять, что всему конец. И ужас оказался безмерным и породил столь мощный всплеск Холода.

– Что могут понять люди на другой планете, – вслух задумался Фермер, – так же внезапно и одновременно, чтобы сразу возникло преобладающее количество Тепла? Ты можешь представить?

– Обожди, Фермер. Постой. По-моему, в качестве источника можно использовать Семнадцатую.

– Там холодно, Мастер.

– Именно потому. Если источник Холода, что сковывает каждого жителя планеты, независимо от того, ощущает человек эту скованность или нет, – если этот источник внезапно и явно для всех исчезнет, вспышка Счастья будет чрезвычайно мощной.

– Ты думаешь, этот источник можно так просто устранить? Мне кажется, плод еще зелен.

– Я тоже так думал, Фермер. Но теперь, когда возникло Перезаконие, обстановка меняется. Природа словно хочет помочь нам. Смотри. Вот они. Вот волна. Ее структура, как видишь, достаточно сложна. Волна многослойна. Она будет наплывать на планеты постепенно. Волна регрессивна. Перезаконие ведет к упрощению вещества. И первыми начнут исчезать атомы наиболее сложных элементов. Исчезать не потихоньку, как ты понимаешь. И люди успеют заметить это. Встревожиться. Начнут искать выход. И тут-то и понадобится некто, кто не только укажет, где лежит этот выход, но и подскажет, как им воспользоваться. Процесс поисков выхода может начаться на одной планете, но должен переброситься и на другую, охватить обе населенные планеты, связанные давней враждой.

– Связанные враждой... Твоя извечная любовь к парадоксам, знаю. И для осуществления плана тебе нужен эмиссар.

– Лучше два. А если бы группа – это было бы чудесно.

– Сами они не смогут повернуть события?

– Те люди? Нет. Те, кто мог, давно вымерли или обессилели, потеряв надежду. Ожидать, что там возникнут новые? Но их образ жизни не способствует этому. Там все как будто бы благополучно. И внешне выглядит, словно все довольны. Когда возникает угроза, неожиданная, страшная, всеобщая, – может родиться лишь паника. Тут-то и нужен эмиссар. Пусть это будет даже слепой эмиссар: сейчас нам рука нужнее мозга. Человек или группа людей, которые окажутся в полном моем распоряжении. Люди, обреченные на... Ну неужели в окрестной Вселенной именно сейчас не возникнет ни одной нужной мне ситуации?

После этих слов Мастера наступили безмолвие и неподвижность, исполненные, однако, неощутимых процессов.

– Вглядишься, Фермер, – сказал после паузы Мастер. – Я сейчас стягиваю на себя вероятные ситуации. Взгляни в четвертое пространство.

– Только что там ничего не было.

– Нет, они уже были там. Чей-то кораблик, утлый, примитивный челнок, на котором кто-то отважился пуститься в океан, еще не изведав ужаса бурь. Видишь – они поднимаются из глубины. Хотят выйти в третье пространство.

– Вижу. Там люди. Кто-нибудь из твоих?

– Разве мои станут пользоваться такими кораблями?

– Значит, просто люди из цивилизации ниже среднего уровня. И ты думаешь, они смогут сразу тебе пригодиться? Я не знал за тобой торопливости, Мастер. Сколько времени ты обычно готовишь эмиссара?

– Сейчас крайняя ситуация. В любом случае придется слать неподготовленного. И для этого, я думаю, ничего лучшего нам не найти. Потому что люди, пускающиеся в такой скорлупе из пространства в пространство, должны чего-то стоить! Ну хоть один, хоть двое из них...

– Пусть так. Но уверен ли ты, что они окажутся в твоём распоряжении?

– Стоит им возникнуть в третьем пространстве, как Перезаконие захлестнет их. Вспышка – и все. Не может быть, чтобы на их корабле не использовались сверхтяжелые металлы.

Фермер покачал головой.

– Спасать одну дичающую цивилизацию при помощи другой, еще полудикой... Воистину, ты мастер – мастер парадоксов.

– Полудикая цивилизация – так ли это плохо? Эти люди не стесняются в чувствах. Посмотри, посмотри на них, Фермер: каков заряд тепла!

– Обычное следствие облегчения: оказавшись вновь в своем естественном пространстве, люди радуются.

– Нет, Фермер, на сей раз ты не прав. Тепла куда больше, да и оттенок его иной. Позволь мне вслушаться... – Он не разрешение спрашивал, они были равноправны и независимы друг от друга: Фермер этой группы цивилизаций одного уровня и Мастер – эмиссар цивилизации высшей, наблюдатель и соратник. И вовсе они не враждовали, как думают порой те, кто что-то слышал о них, – просто мир они видят каждый по-своему, и это закономерно и естественно. Мастеру не нужно было разрешение, но такова была форма вежливости. Он вслушался в то, чего не услышал бы ни один человек, стой он рядом. Фермер последовал его примеру, и вскоре оба они переглянулись радостно и тревожно.

– Там твой человек, Мастер! Откуда? Ты ведь говорил...

– Да, мой. Прекрасно! Это удача. Великолепный человек, я послал его временным наблюдателем по группе маленьких островных цивилизаций низшего и ниже среднего уровня. И вот он возвращается. Постой...

– Теперь совсем хорошо видно, – сказал Фермер.

– Знаешь, я, пожалуй, ошибся: им сейчас не грозит ничто. Но это не так уж важно: своего человека я смогу использовать в любом случае. Попрошу, и мне не откажут.

– Им больше не грозит взрыв?

– Посмотри, каким облаком Тепла окружены они! Тепло нейтрализует действие холодной волны вокруг их корабля. И они спокойно пролетят. Пусть летят с миром. Я сейчас вызову моего эмиссара, дальше им придется обойтись без него.

Мастер сосредоточился. Потом улыбка его погасла.

– Ты обеспокоен? – спросил Фермер.

– Оказывается, это не так просто. Там два источника Тепла. Два человека. И один из них – мой эмиссар. Забрать его сейчас – значит погасить Тепло и обречь их...

– Понимаю, Мастер. Но зато, если послать их вдвоем...

– Ты прав, Фермер, ты прав...

– Трогательно, – сказал Фермер, улыбаясь. – И прекрасно. Порадуемся за них, Мастер, и за весь мир, как полагается в таких случаях. Это хороший обычай. Но почему ты загрустил?

– Это – иное, Фермер. Только мое. Разве мы с тобой – не люди и не имеем права...

– Не надо более, Мастер, – я понял. Что делать? Но может быть, в таком случае не надо посылать...

– Разве ты, Фермер, не посылаешь в опасность тех, кого любишь? Но довольно об этом. Что же мне делать с ними? Пока они оба там, корабль неуязвим и я не могу распоряжаться этими людьми. Стоит мне отозвать эмиссара, как они взорвутся. Тогда со всеми остальными будет много возни...

– Я помогу тебе, Мастер. Как-нибудь справимся.

– Благодарю тебя. Будем наготове. Это произойдет сейчас.

Выход прошел нормально. Капитан Ульдемир, откинувшись на спинку кресла и смахнув ладонью пот со лба (все же никак нельзя было приучить себя не волноваться в узловые моменты рейса, как капитан ни старался), проговорил в микрофон обычные слова благодарности экипажу – за то, что каждый на своем месте выполнил свой долг. Слова были обычными, а вот интонация – не очень: чувство переполняло Ульдемира, и часть его невольно перелилась в речь, так что каждый на корабле почувствовал это – а капитану хотелось лишь, чтобы его чувство ощутила Астролида (странные имена давали людям в новую эпоху; Ульдемиру они казались чересчур красивыми, но сейчас ничто не было бы для него чересчур красивым), – почувствовала и поняла, как он благодарен ей и полон ею, и только что даже не свой долг выполнял за пультом, но служил ей, и поэтому все прошло так хорошо, без обычных и почти неизбежных маленьких заминок, несовпадений, случающихся у машины, а у людей и подавно.

В соседнем кресле Уве-Йорген ухмыльнулся. Он явно припрятал камешек за пазухой.

– Короткую память раньше называли девичьей, капитан, – сказал он, не отворачивая горбоносого лица. – Не следует ли нам отныне именовать ее капитанской?

Ульдемир с минуту раздумывал. Но обижаться не хотелось. Со стороны все кажется другим. Короткая память? Ерунда. Если человек годами остается одиноким, то вовсе не потому, что у него хорошая память и он не в силах забыть кого-то. «Тут не память, милый мой Рыцарь, – подумал он. – Тут судьба. А на судьбу, как и на начальство, не жалуются, даже когда есть повод. Я же могу только благодарить ее».

– Уве, – сказал он. – Насчет памяти мы подискутируем в свое время и в своем месте, хотя мысль твоя, несомненно, глубока и интересна. А сейчас – не пригласишь ли всех в салон?

– Вышли мы так гладко, что, право же, стоит отметить, – охотно согласился Уве-Йорген: солдаты падки на зрелища и угощения. – И глоток чего-нибудь нам не помешает.

– Приходи и ты, – сказал Ульдемир. – Пространство такое спокойное – хоть автоматы выключай.

Уве-Йорген шевельнул уголками губ, свидетельствуя, что шутку об автоматах понял именно как шутку.

– Есть присутствовать в салоне.

– Иди. Я чуть позже.

Ульдемир остался один. Зачем? Сейчас он ее увидит. Увидит впервые – так. Раньше, как члена экипажа, женщину с нынешней Земли, и поэтому отдаленную и непонятную, он видел ее много раз. Каждый день полета. Сейчас все стало иначе. И ему было немного страшно, потому что он знал – и не знал, как взглянет она на него, как отнесется ко всему, что случилось; может быть, для нее ничего особенного и не произошло, и, возможно, стало даже хуже, чем было раньше; кто может понять женщину до конца, кроме другой женщины? Волнение охватило капитана, и захотелось немного побыть одному, чтобы собраться с духом.

Как это у нее получилось? Просто вошла. Перед тем не было ничего: ни слова, ни движения, ни взгляда. Ни вчера и никогда раньше. Да и сам он старался не очень смотреть на нее: капитан выше всех, в сложном уравнении экипажа он вынесен за скобки, и слабости – не его привилегия. И все же вчера вечером, готовясь ко сну в своей каюте, он вдруг четко понял, что ждет ее, как если бы просил о свидании и получил согласие. И не успел он еще удивиться неожиданной определенности и уверенности своего желания, как створки двери разъехались – и вошла она...

На этом он оборвал воспоминания. Перед тем как выйти из ходовой рубки, еще раз оглядел экраны, приборы. Все было в наилучшем порядке. Шесть главных реакторов ровно дышали. В космосе стоял магнитный, гравитационный, радиационный штиль. Прекрасно. И от этого благополучия то, что сейчас предстояло, показалось ему еще прекраснее.

Он вошел в салон, где уже собрались все. И с необычной для себя сентиментальностью капитан подумал вдруг, как дороги ему эти люди, все вместе и каждый в отдельности. И те, с кем он уже летал в первую экспедицию, к звезде Даль, и четверо ученых – все люди новые, но очень славные, – и Астролида, новый член экипажа, заменивший во второй экспедиции Иеромонаха, чьим останкам суждено было покоиться в тучной почве планеты Даль-2.

Кстати, перед отлетом оттуда экипаж решил перенести прах в другое место: не пристало их товарищу лежать у большой дороги. Однако останков не нашли. Никто так и не понял, кому и зачем они понадобились. Друзья погрузили, поклонились пустой могиле и улетели.

Да, Астролида... Впервые увидев ее, Ульдемир почему-то вспомнил Анну, хотя ничего общего между двумя женщинами не было. Вспомнил так четко, как если бы она лишь секунду назад стояла перед его глазами. А ведь он даже не мог точно сказать, когда и где видел ее в последний раз. Кажется, когда она убежала вместе со всеми в лес – после стрельбы на дороге... Во всяком случае, когда они покидали планету, Анны среди провожавших не было.

Наверное, повзрослела, и Ульдемир больше не был ей нужен. Ульдемир – это была романтика, пришелец извне, загадка, тайна. А потом ей стало нужно что-то проще и прочнее. Кто осудит?

Не Ульдемир.

Астролиду он встретил сдержанно. Он был против женщин в рейсе. То было не суеверие, хотя и без него, наверное, не обошлось: капитан как-никак родился в двадцатом веке, когда где знание, а где – суеверие было еще не вполне ясно и порою одно принимали за другое. Капитан был против женщин на борту из трезвого расчета. Мужики сами по себе – нормальный народ. Так думал Ульдемир. Но стоит появиться женщине – и инстинкты начинают подавлять рассудок. Так люди устроены. Природа.

Но Астролида была еще и современной женщиной. А их Ульдемир все же побаивался. Тут был не двадцатый век и не планета Даль-2. Насколько он мог судить по временам своего пребывания на нынешней Земле, современная женщина, скажем, могла появиться перед вами почти или даже совсем обнаженной. Ничего не скажешь, это было красиво: себя они держали в порядке. Но не дай бог сделать из этого какой-то далеко идущий вывод – если, допустим, вы пришли в гости и хозяйка приняла вас таким образом; в Ульдемировы времена такие выводы не заставили бы себя ждать. А тут невежа вмиг бы оказался на полу, и никто даже не помог бы ему подняться. Женщины просто стали богинями, а богиням неведомы ни страх, ни стеснение, богиня и нагая остается богиней. И в то же время от словечка, казавшегося капитану по нормам его времени ну совершенно невинным, такие и в книгах печатали (в газетах, правда, избегали), женщина могла прийти в неистовство или поссориться очень надолго. Однако корабль есть корабль, рейс есть рейс, и – полагал капитан Ульдемир – слова в рейсе порой вылетают не совсем те, что на приеме.

Вот почему он встретил Астролиду настороженно. Но постепенно привык. Никаких номеров она не выкидывала. На мужиков обращала не больше внимания, чем требовала дружеская вежливость. Питек, с его непосредственностью, разбежался было – и круто оказался завернут. А работала она хорошо, без скидок. Это Ульдемир понял с первых тренировок. И покорился. Потом она даже стала ему нравиться. Не более того. И то – издали. Может быть, потому что не его тип красоты представляла она, хотя красивой была несомненно. И потому еще, конечно, что дистанцию, разделявшую их на корабле, ни он, ни она сокращать были не вправе.

Так он думал. И думал еще и тогда, когда вдруг в тот вечер понял, что без нее – не может. Это обрушилось на него словно из засады, так что он лишь зубами скрипнул – из злости на самого себя, на бессилие, на невозможность приказать себе самому: «Отставить!»

Потом случилось то, что случилось.

И теперь, войдя в салон и оглядев каждого по очереди, он, стараясь не спешить, добрался взглядом и до того места, где следовало быть ей.

Это было как обнаженный провод. Словно у него вдруг искры посыпались из глаз. Ее не было.

Ульдемир почувствовал, как охватил его ужас. Небывалое для него состояние.

Она не сочла нужным прийти. Не хотела видеть его. Избегала. То, что было, – ошибка. Причуда. Насмешка. Пустяк.

Мир почернел. В душе сделалось зябко. Холодно. Морозно. Вместо той радости, что наполняла ее только что, – мороз.

Всего на несколько мгновений. Но этого хватило...

Капитан забыл, что женщинам свойственно опаздывать. А уж богиням – тем более.

Но тут она вошла наконец. И он посмотрел на нее, чтобы сразу все понять.

Люди весело разговаривали. Уве разливал по бокалам пенящийся сок. А они смотрели друг на друга. Секунду. Вторую.

Потом взгляд ее словно ушел куда-то. То ли в сторону от капитана, то ли – сквозь него.

Лицо женщины странно напряглось.

Ульдемир оглянулся: нет, позади него никто не стоял, да и некому было – все на глазах. А ведь именно таким было ее выражение, словно кто-то подкрался к тебе сзади, размахнулся – ножом или камнем, – и она увидела это и хочет крикнуть и взмахнуть рукой – и не может: сковали оцепенение и страх.

Он нерешительно улыбнулся, не понимая, что же ему сейчас: то ли окликнуть ее, то ли обидеться?

Он не успел ни того ни другого. Уве-Йорген раздавал бокалы, другие брали их со стола сами. Астролида вдруг снова увидела Ульдемира: он явственно ощутил прикосновение ее взгляда. И хотел было улыбнуться: уголки рта поползли в стороны.

– Ульдемир! – сказала она громко. Именно «Ульдемир», а не «капитан», – и все умолкли и повернули головы к ней: так напряженно и сильно прозвучал ее голос. – Не бойся! Все будет хорошо!

Ни удивиться, ни рассердиться, ни ответить больше не осталось времени. Потому что чем-то неопределимым в своем существе капитан вдруг почувствовал, понял, постиг: плохо. Очень плохо. Ох, как же плохо, страшно, невыносимо, небывало...

Вообще стараются корабли зря не перетяжелять. Но обойтись без тяжелых металлов не удалось и на этой машине. Экраны главных, ходовых ее реакторов были из свинца. А малый, бытовой реактор работал по старинке, на обогащенном уране. Без лишних сложностей. Свинца вдруг не стало. И урана тоже. Как если бы их никогда не существовало в природе.

Но ничто не исчезает без следа. Каждый атом урана распался. И каждый атом свинца – тоже. На те, что полегче.

А при этом, как известно, выделяется энергия. И немалая.

Существовал только что корабль. В нем были люди. У людей – мысли, надежды, планы, ожидания, чувства. Любовь.

И вот – нет уже ничего. Вспыхнуло – и погасло. Словно светлячок мигнул, пролетая. Или искорка. И вроде бы даже ничто не изменилось в окружавшем их неуютном мире.

Только кварки разлетелись в разные стороны. Жили в одном атоме – и вот летят, один к галактике в Андромеде, другой к Магеллановым облакам. Но кварки родства не помнят.

Суета сует. И всяческая суета.

Впрочем, все это присказка.

Глава вторая

Круглый, бесконечно уходящий туннель мерцал, переливался, светился радужно, радостно. И надо было идти, торопиться, потому что непонятное, но прекрасное, небывалое ожидало впереди, кто-то был там, родной до боли, до слезного колотья в глазах, и зовущие голоса, неопознаваемые, но уверенно родные, накладывались один на другой, перебивая, обнимая. «Иди, – манили, – иди, иди...»

И он шел, спеша настичь их, познать, слиться воедино, исчезнуть, раствориться в счастье. Не надо было больше прилагать никаких усилий для движения: его уже несло что-то, все быстрее, стремительнее, так что кружилась голова, в ушах звенело. Он лишь протягивал руки с безмолвной просьбой: не уходите, обождите, возьмите меня! И его, как бы услышав, утешали: возьмем, ты наш, возьмем, ты только торопись, не отставай...

Потом другие голоса стали вторгаться, перебивая эти, родные. Новые голоса были чужими, но тоже дружескими, не страшными; однако что-то не привлекало в них, что-то не хотело с ними согласиться. Два их было, два голоса, и они твердили – четко, доступно – одно и то же: «Вставай. Вставай. Соберись. Заставь себя. Вставай. Мы держим тебя. Мы с тобой. Вставай. Не бойся. Все будет хорошо. Вставай!»

Их не хотелось слушать, эти резкие голоса, не хотелось с ними соглашаться; они требовали усилия, напряжения, изменения, а к первым голосам его несло по мерцающему туннелю легко, без затраты сил, без отвлечения. И все же он невольно вслушивался, потому что где-то трепыхалось воспоминание, смутное представление о том, что всю жизнь он только и делал, что собирался с силами, напрягался и вставал, и было в этом что-то хорошее и нужное. И

он невольно прислушивался к тем, другим голосам, настойчивым, неотвязным; и стоило ему вслушаться, как они начинали звучать сильнее, а те, первые, ласковые – ослабевали; и все сильнее становилась сначала смутная догадка, а потом и уверенность, что надо, необходимо что-то сделать самому, какое-то усилие – громадное, величайшее – и ответить другим голосам, и совершить то, чего они от него требовали, и оказаться рядом, не слиться, нет, а именно встать рядом, оставаясь самим собой. Кем-то он ведь был. Он не знал, не помнил сейчас – кем, и от этого становилось страшно; но кем-то он точно был, и теперь стало вдруг очень нужно вспомнить – кем же. А для этого имелся только один способ: сделать то, чего от него хотели. Встать.

Он уже хотел было, не очень хорошо, впрочем, соображая, как же и куда он встанет, если и так идет по туннелю, легко, невесомо идет... Вдруг что-то необычайное обрушилось на него, лишая свободы его движения, стискивая его, прижимая к чему-то. Пронзительная боль вспыхнула. Голоса гремели, усилившись необычайно: «Встань и иди!» Теперь налившая его тяжесть ясно показала, что он лежит, занимая определенное положение в пространстве. Лежит в туннеле? Но мерцавшие стены размывались, раздвигались, исчезали неразличимо, а другой свет возникал, бил сквозь закрытые, как оказалось, веки – сильный, белый, безжалостный, неровный, пятнистый какой-то, свет извне, свет мира. Когда-то уже было так. Когда родился?... И он, свет этот, хотя и по-своему, не голосом, диктовал, приказывал: «Встань. Встань. Иди».

Тогда он медленно, словно штангу поднимая всеми силами, открыл глаза.

То, что он увидел, было рядом, на расстоянии метров до двух; дальше все расплывалось, раскачивалось, перемежалось, словно разные краски были брошены в воду одновременно и медленно распространялись в ней, перемешиваясь. Тут рядом был человек – один человек; и какое-то ощущение недавнего, сиюминутного присутствия второго, но этого другого уже не было видно – он удалился, наверное, то ли совсем, то ли за пределы двухметрового четко очерченного круга видимости. Тот человек, что находился здесь, стоял рядом и сверху вниз смотрел на лежащего, а тот на стоящего – снизу вверх; встретился глазами и снова закрыл свои, потому что смотреть вверх было утомительно. Закрыл лишь на миг, правда: что-то толкнуло изнутри и приказало: «Открой». Он послушно открыл. Стоявший по-прежнему глядел на него, чуть улыбаясь – не насмешливо, а доброжелательно и удовлетворенно, как смотрит мастер на заверченный свой труд. На этот раз лежащий, обходя встречный взгляд, прикоснулся глазами к чужому лицу – худому, четкому, немолодому, но полному сил и воли, так что определение «старый» тут никак не подошло бы. Слова быстро возвращались в память, и теперь лежавший знал, что такое «молодой», что – «старый», и многие другие слова и их значение.

– Сядь, – сказал стоявший сильный человек. – Ты можешь. Достанет сил. Не прислушивайся к сомнениям. Сядь. Ты забыл немного, как это делается. Но вспомни. Сядь...

Забыл, и в самом деле. И невероятная, припечатывающая его к ложу сила тоже мешала. Он хотел было попросить, чтобы тяжесть убрали. Но вдруг как-то сразу понял, что тяжесть эта – он сам, его тело, плоть и кровь, мускулы и кости. А как только лежавший понял, что это – тело, так сразу вспомнил и как действуют им, как садятся и даже, пожалуй, как встают. Он захотел сесть – и вдруг на самом деле приподнялся, и сел, и, уже непроизвольно, улыбнулся чуть виновато, словно смущаясь своей слабости.

– Хорошо, – сказал стоявший. – У тебя все хорошо. Кто ты?

– Я? – Вопрос немного удивил его, тут все было вроде бы ясно. – Я – это я.

– Ну а ты – кто такой?

Да, правильно, был в этом вопросе некоторый смысл. Он ведь должен был кем-то быть, иначе все получалось слишком неопределенно.

– Вспомнил! Я – Ульдемир!

И сразу же все встало на свои места. Он рывком сбросил ноги на пол. Мир колыхнулся, но устоял. Ульдемир осмотрелся, нелегко, как чужую, поворачивая голову.

– Где я? Что было? И где... все?

Маленькая заминка произошла в сознании, когда возникал этот третий вопрос. Сначала получалось по-другому: где она? И лишь что-то непонятное заставило его сперва спросить обо всех.

Стоявший кивнул, как учитель, подтверждающий правильность ответа.

– Можешь звать меня Мастером.

Это было сейчас не так-то и важно для Ульдемира, и он только машинально кивнул.

– Что с нами случилось?

– Катастрофа.

Слово больно ужалило Ульдемира, вкус его был горько-соленым. Слово источало стыд и обиду. С ним не хотелось соглашаться.

– У нас все было в порядке!

– Вы ни в чем не виноваты.

– Пространство было чистым и спокойным!

– Да. То есть то в пространстве, что вы способны воспринимать.

Это могло показаться вызовом – или приглашением к вопросам. Но Ульдемир не стал отвлекаться.

– Корабль был совершенно исправен!

– Справедливо, Ульдемир.

– Что же произошло?

– То, что не зависело от вас. Так ли уж это важно? – Мастер подумал. – Некогда вы не знали о микробах. Воздух казался чистым. Но люди заболели. И гибли...

– Как нас спасли? Ведь вблизи никого не было.

– Это оказалось нелегко. Однако вот ты сидишь и говоришь со мной.

– Я. А другие?

– С ними тоже благополучно.

– Все живы?

Мастер помолчал, словно раздумывая.

– Ты увидишь.

– Я спрашиваю: все?

– Я ведь не знаю, сколько вас было.

Да, конечно: откуда ему знать? Кстати, а кто он вообще такой, этот Мастер? Откуда взялся? Что это за мир? Как они успели?.. Вопросы нахлынули вдруг, словно плотина рухнула под мягким и неодолимым напором. Но это – ладно, сейчас не это самое главное.

– Сколько нас было?

Он стал считать, вспоминая имена. Они выскакивали в памяти в нужном порядке, словно кто-то нажимал на клавиши. Уве-Йорген. Георгий. Рука. Питек. Астролида... Как-то получилось, что она назвалась тогда, когда подошла ее очередь по судовой роли, хотя она-то была в памяти все время; она, а не имя. Имя всплыло сейчас. Значит, пять. И четверо ученых. Девять? Так получалось. Но было в цифре какое-то несоответствие. Незавершенность. Ульдемир сосредоточился, но не вспомнил. Значит, все же девять.

– Девять человек.

– В таком случае все.

Ульдемир перевел дыхание.

– Все живы?

– Да. Хотя, – Мастер предварил новый вопрос, – увидеться вы сможете не сразу. Ты еще слаб, да и они тоже. Немного придите в себя. Тогда.

– Спасибо, Мастер.

– У нас говорят: тепла тебе.

– Вот как? Забавно... У вас, наверное, стоят холода?.. Тепла тебе, Мастер. Вы оказались рядом в самое время. Тепла тебе. Так где же мы? На корабле? Это ваш корабль? Я и правда еще не пришел в себя как следует: тебя вижу четко, а дальше какой-то туман. Откуда вы? Куда летите? Экспедиция? И... – Ульдемир вдруг запнулся. – Как можем мы понимать друг друга? Вы тоже – потомки Земли? Древних переселенцев? Конечно же! Ты – человек, как я, как все мы...

– Да, Ульдемир, все мы – люди. Потомки ли мы Земли? Вряд ли. Скорее можно было сказать наоборот... Но все мы – люди и поэтому понимаем друг друга.

– Но ты говоришь на языке Земли! Именно говоришь!

– А хочешь – поговорим по-русски?

– Откуда ты знаешь?

Мастер поглядел чуть насмешливо:

– У меня способности к языкам.

Это вдруг показалось смешным Ульдемиру, страшно смешным, ну просто до невозможности! Он захохотал – все сильнее, резче, громче, не мог уже остановиться, это истерика была, смехом исходил, исторгался из Ульдемира ужас, тяжесть, оупляющая непостижимость случившегося... Мастер ждал, глядя на него, пока Ульдемир не перестал наконец смеяться, утомившись.

– Можешь снова лечь. Набирайся сил. Потом, когда отдохнешь, проверь все.

– Что проверить?

– Себя самого.

– Опять смешно. Что мне в себе проверять? Биографию? Чистоту помыслов?

– Самого себя. Все ли хорошо и правильно. Все ли действует так, как надо.

– Э?..

– Ты полагаешь, что вот таким и был после взрыва? Целым и невредимым?

Ульдемир медленно поднял перед собой ладонь и долго, серьезно разглядывал ее. Потом поднял левую.

– Вот оно что... Да, понимаю. Был взрыв. Что же взорвалось?

– Всё.

– Корабль погиб?

– Излучение и пыль, вот что осталось от него. И от вас.

– Как же мы?.. Как вы?..

– Сейчас это не важно. Просто мы многое умеем.

– Вы доставите нас на Землю? Вам нечего бояться. Мы – мирная и великая цивилизация. И от контакта с нами вы только выиграете. Я не могу объяснить подробно, но поговори с нашими учеными. Они все расскажут. Ты назвался мастером. Значит, хорошо разбираешься в достоинствах нашей цивилизации. Нет, вам просто повезло, что вы встретили нас. Нам, конечно, тоже... Прости, я болтаю бессвязно – кружится голова...

– Лежи. Отдыхай. У нас будет, я надеюсь, время, чтобы поговорить о разных вещах. О Земле. О тебе. Обо всем, что может интересоваться тебя и меня.

– Лучше скажи – вас и нас. Ты ведь не одиночка, и я тоже.

– На это трудно ответить сразу.

– Знаешь, Мастер, мне правда лучше еще полежать.

– Хорошо. Я приду, когда будет нужно.

– Я позову тогда. Или приходи сам, когда захочешь.

– Когда понадобится. А ты отдохни, подкрепись. Можешь выйти, походить. Это полезно.

– Я не вижу, куда выйти, что вокруг... Туман.

- Увидишь, когда придет время.
- Мне постоянно чудятся в твоих словах какие-то загадки. Я не люблю загадок, Мастер.
- Никаких загадок. Все просто. Все очень просто. Но понять простоту порой бывает сложно. – На лице Мастера промелькнула вдруг озорная улыбка. – Помнишь, Ульдемир?

Но мы пощажены не будем,
Когда ее не утаим...

- Мастер! Ты... Это шутка! Нас спасли свои!
- Разве можно прерывать в таком месте, Ульдемир?

Она всего нужнее людям,
Но сложное – понятней им!

Ульдемир хотел сказать еще что-то. Но в тех пределах, в каких ему пока дано было видеть, уже никого не осталось, и он закрыл глаза, ощущая крайнюю усталость.

Он задремал. Но что-то не давало лежать спокойно. Ощущение какой-то недоговоренности. Недостаточности. Незавершенности. Он не мог понять, в чем причина, и тяжело переворачивался с боку на бок. Потом забылся. Наверное, что-то снилось ему. Но что – он потом так и не вспомнил. А жаль. Потому что снилось что-то хорошее. Это он понял, пробудившись в отличном настроении. Но стоило ему проснуться, как то самое ощущение незавершенности вновь овладело им, и никак не удавалось подавить это ощущение, отвязаться от него.

Чтобы отвлечься, Ульдемир начал знакомиться с окружающим его миром. Хотя бы в пределах того круга, что был очерчен для его восприятия. Кем и как очерчен, было непонятно, однако это уже вопрос другой. Ульдемир стал оглядываться и общупываться, и чем дальше, тем меньше, казалось ему, понимал хоть что-то в окружающем.

Все, что он видел и ощущал вокруг себя, было таким же, каким он привык видеть и ощущать с тех пор, как оказался на Земле новой эпохи. И ложе, и покрывала, или для него по старинке простыни, и одеяло, и белье на нем самом – все было вроде бы таким же, знакомым и даже не вовсе новым, а бывшим уже в употреблении. Так воспринималось оно взглядом. Но когда Ульдемир стал всматриваться повнимательнее, пробовать на ощупь, а порой даже и на зуб кое-что, ощущение повседневной знакомости исчезало, и возникало совсем другое: впечатление чуждости и даже какой-то враждебности. Простыни были – не полотно, не лен и не синтетика даже, какая была Ульдемиру знакома, они лишь казались ткаными, на самом деле то был лишь мелкий рельеф, как у клеенки, но в то же время они были мягкими, теплыми, хорошо дышали, как и все прочее белье, но все время казались чуть заряженными, так что порой возникало чувство, что они живые, и тепло их, как тепло другого человека, – это тепло жизни. Но это не радовало, а, напротив, немного пугало и было неприятным, как если бы все время кто-то присутствовал рядом и наблюдал за ним, а если Ульдемир ложился и накрывался, то не мог избавиться от чувства, что доставляет неудобства тем, на кого ложился и кем накрывался. Относилось это и к ложу, формой точно копировавшему корабельное, стоявшее у него в каюте (и боль на миг схватила сердце, когда он вспомнил о корабле), – но только формой, а сделано оно было тоже из непонятного материала, теплого и как бы живого; относилось это и к столику, что оказался вдруг в поле его зрения, и к стульям вокруг него. Одновременно со столом возникло вдруг и множество запахов, какие доносятся порой из хорошо налаженной кухни, и Ульдемир внезапно понял, что страшно голоден, и, махнув рукой на все остальное, уселся за стол, даже не подумав, что следовало бы, пожалуй, умыться. Впрочем, ощущение у него было такое, словно он только что из ванны, и потри кожу ладонью – она заскрипит.

Он так и сделал, кстати; потому что страшная мысль ударила вдруг его: а что, если и сам он – лишь видимость человека теперь, а на самом деле тоже какой-нибудь полимер или что там еще? Однако тут же от сердца отлегло: нет, человеком он был, человеком до кончиков ногтей, до последнего волоска на коже. И именно самим собой: маленький шрам на указательном пальце левой руки, след нарыва, оставшийся, помнится, с шестилетнего возраста, был тут как тут; не обнаружив поблизости зеркала, Ульдемир слегка прикоснулся пальцами к носу и нащупал знакомое искривление, память о юношеском увлечении боксом, и даже обиделся: те, кто латал его, могли бы заодно и это поправить, облагородить облик, он не стал бы предъявлять претензий. Латать – именно так он и подумал, это легко укладывалось в сознание, хотя если бы он всерьез задумался, то понял бы, что после атомного взрыва латать бывает нечего; впрочем, о характере взрыва он знал сейчас не больше, чем о его причинах.

На столе вкусно пахло жареное мясо, лежала зелень, свежий хлеб; еще более сильный и нужный аромат источала большая (как он привык) чашка черного кофе с лимоном. Лимон почему-то рассмешил и умилил его. Не просто кофе, а с лимоном, вот тебе! Что называется, знай наших, или – фирма не жалеет затрат!

Все укреплялось в мысли, что попали они все-таки к землянам, родным или, в крайнем случае, двоюродным (кофе с лимоном, ты смотри, а?). Ульдемир все же не сразу решился воткнуть в мясо вилку и прикоснуться ножом. Нелепая мысль, что оно тоже, как и простыни, живое, неожиданно смутила его, и, если бы жаркое вдруг взвизгнуло от боли и соскочило с тарелки, это, пожалуй, испугало бы капитана, но не удивило. Однако никто не визжал и не прыгал, и ощущение подлинности возникло и уже не оставляло его до последнего глотка кофе.

Еда утомила; он закрыл глаза и откинулся на спинку стула, но решил, что ложиться больше не будет, а просто отдохнет так, а потом сразу попытается найти выход из этой – из этого – из того, где он находился сейчас, безразлично, дом это, корабельная каюта или еще что-нибудь другое. И лишь постаравшись самостоятельно понять максимум возможного, потребовать приема у тех, кто командовал этим «чем-то», и всерьез договориться о быстрейшем, по возможности, возвращении на Землю и об установлении взаимовыгодных контактов между цивилизациями, находящимися, как ему казалось, примерно на одной и той же стадии развития (пусть эти и были, видимо, чуть впереди, но ведь и о возможностях нынешней Земли он знал далеко не все) и способными, следовательно, чем-то обогатить друг друга. Это была большая удача – встретиться с такой цивилизацией, и Ульдемир полагал, что она в значительной степени облегчит досаду Земли из-за неуспеха экспедиции и потери корабля и уменьшит его вину, которой он не мог не ощущать, хотя и не знал, в чем она могла заключаться; а может быть, и посодействует, в частности, решению тех энергетических проблем, ради которых корабль и вышел в пространство. Но прежде всего радовало его то, что спасены были все люди и, следовательно, самой большой и острой боли Земля не ощутит.

Об этом он медленно размышлял, пока не почувствовал, что сил у него стало вроде бы больше. Тогда он встал, огляделся в своем тесном круге, за пределами которого по-прежнему не различал ничего, и, не обнаружив нового, решил, что пойдет – ну хотя бы в направлении от ложа мимо стола – по прямой, пока не наткнется на какую-то преграду, переборку, а тогда двинется вдоль нее и рано или поздно обнаружит выход. Выхода не могло не быть. Мастер не говорил, что Ульдемир должен оставаться на месте, напротив, советовал прогуляться и оглядеться.

Ульдемир встал. Одежда висела на спинке другого стула так, как он сам вешал ее обычно, – его повседневная корабельная одежда. Она тоже была чужой, но к этому он уже начал привыкать. Ульдемир оделся, обулся, пошарил по карманам – там нашлось все, чему полагалось находиться, – и решительно двинулся вперед, намереваясь ничем больше не отвлекаться и не строить гипотез, пока не увидит чего-то нового, что даст материал для размышлений. Он сделал несколько шагов.

Он сделал всего несколько шагов, и вдруг все изменилось вокруг него, как если бы что-то рухнуло, растаяло; исчезла дымка, многоцветный туман, и стало видно далеко-далеко. И эта внезапная ясность оказалась столь неожиданной, что Ульдемир остановился, как если бы перед ним раскрылась бездна; остановился и стал смотреть, пытаясь понять, что же это было и как это следовало оценивать.

Это не могло быть кораблем. Не было ни малейшего признака того ощущения замкнутости пространства, какое не покидало его на своем корабле, так что капитан привык к этому ощущению, как к необходимой части жизни. Конечно, и на корабле были Сады памяти, но там всегда оставалось хотя бы чисто подсознательное ощущение ненастоящести и ограниченности этого квазипростора.

А сейчас он стоял на обширной открытой веранде, залитой золотистым светом, исходящим отовсюду и не дававшим теней. Дом – двухэтажный коттедж вполне земной и даже не современной, а давней архитектуры, с крутой высокой (капитан запрокинул голову, чтобы увидеть это) крышей, с балкончиками наверху и башенками – стоял на пригорке, и поросший яркой муравой луг убегал от него, пересеченный неширокой прозрачной, медленно струящейся речкой, окаймленной невысокими кустами, – убегал к кромке леса, видневшегося вдали и как бы заключающего луг с речкой и домом в раму. Хотя дом, как было сказано, и возвышался над лугом, но лес у горизонта был, казалось, выше, как если бы луг был дном то ли чаши, то ли блюда – и непонятно было, как речка в дальнейшем течении могла взбираться вверх. Впрочем, может быть, она и не взбиралась, а впадала в какое-то маленькое и невидимое отсюда озерцо. Выше было небо, густое, южное, цвета индиго, в котором привычный глаз искал необходимое для завершения и полной убедительности картины солнце – и не находил его, хотя свет был июньский, утренний, животворный. Был свет, и был запах, хмельной запах летнего утра, солнца и меда, и цветущей травы, и теплого тела. Ульдемир постоял, не моргая, боясь, что от малейшего движения век все это исчезнет и останется лишь непрозрачная дымка и двухметровый круг; наконец глаза, не вытерпев яркости, моргнули – все осталось, ничто не обмануло, не подвело. Прожужжала пчела, прошелестел ветерок, где-то перекликнулись птицы – жизнь журчала вокруг, ненавязчивая, себя не рекламирующая, занятая сама собой – жизнью, когда все происходит там, тогда и так, когда и где нужно, и никто не препятствует происходящему. Ульдемир стоял бездумно, беспроblemно, бестревожно, забыв дышать, пока легкие сами собой не заполнились до отказа воздухом и не выдохнули его чуть погодя. То был вздох не печали, но полноты чувств. Еще мгновение – и невозможно стало переносить эти чувства одному; другой человек понадобился, женщина, о которой говорило, пело, шелестело все вокруг. И – как будто дано было сегодня незамедлительно сбываться желаниям – послышались шаги на веранде, там, где она, изогнувшись, скрывалась за углом дома. Ульдемир повернулся, шагнул навстречу, заранее приподнимая руки; но то был Мастер, и руки опали.

Мастер подошел, остановился вплотную, положил руку на плечо Ульдемира, как бы обнимая – с высоты его роста это было легко. Странное, прокалывающее тепло от ладони пришедшего проникло в тело и растеклось по нему, уничтожая последние остатки слабости, неуверенности, боязни. Дружелюбием веяло от Мастера, и стало можно спросить его, словно старого знакомого:

– Что это за чудо, Мастер? Где мы? Что за планета?

– Это Ферма, – ответил Мастер, не уточняя остального. – Не вся Ферма, конечно, – она обширна, ее не охватишь взглядом; ты, во всяком случае, не сможешь. Но и это относится к ней.

– Райский угол... Мастер, я отдохнул и чувствую себя прекрасно. Спасибо... то есть тепла тебе, хотя тепла здесь, по-моему, достаточно, а я уж ожидал, что вокруг окажутся льды... Итак,

я в наилучшей форме, и пора мне, думаю, встретиться с моим экипажем. Если они чувствуют себя хоть вполтину так хорошо, как я.

– А если нет?

– Тогда – тем более. Мастер, что с ними?

– Не волнуйся. Им не хуже, чем тебе.

– Тогда, прошу тебя, не станем медлить. Но... – Ульдемир замялся, потом продолжал решительно: – Прежде чем увидеть всех, я хотел бы встретиться с... нею.

– С кем?

– С Астролидой. Ну, с женщиной. Не думай, – почему-то смутился он вдруг, – ничего такого. Просто она женщина и, может быть, хочет сказать мне что-то, что ей будет неудобно говорить при всех.

– Женщина? – казалось, Мастер не понимал его. – Извини, но я не уразумел до конца. Разве у вас была женщина в экипаже? Или ты увидел, успел заметить какую-то здесь?

– Мастер! – проговорил Ульдемир в гневном страхе. – Ты сказал мне, что спасены все!

– Нет. Этого я не знаю. Спасено девятéro, и я еще раз подтверждаю это.

– Ну?

– Это одни мужчины. Девять, включая тебя.

Ульдемир посмотрел на него, в первый миг не понимая еще. Но тут же сообразил – и руки задрожали, сердце стало раскачиваться, как колокол, и ноги перестали повиноваться.

Девять, считая и его. Но ведь он себя не считал! Девять – это без него. С ним – десять! Вот откуда то ощущение...

– И среди нас... не было женщины?

Мастер качнул головой.

– Почему так? Ну почему?..

Больше слов у Ульдемира не оказалось. И вообще ничего у него теперь не было. Потому что ничто не было нужно.

– Как же так? – смог он еще выговорить после паузы, так и не сумев понять, чем так провинился он перед жизнью, что она, уже первым ударом сбив его с ног, наносит лежащему и второй, чтобы добить окончательно. Рука Мастера крепко лежала на плече капитана; Ульдемир попытался было сбросить ее, но Мастер словно и не заметил движения.

– Ульдемир, а если бы недосчитались кого-нибудь из мужчин, разве ты горевал бы меньше?

Ульдемир по-мальчишески мотнул головой.

– Разве ты не понимаешь? Нам, мужчинам, полагается рисковать. Без этого нет полноты жизни. Такое в нас заложено. И если гибнет кто-то из нас, то, конечно, горько и обидно, но... это естественно, понимаешь? Прости, ты, похоже, думаешь, что ты старше меня (Мастер усмехнулся углом рта), но на деле я родился очень, очень давно, и, может быть, то, как я думаю, покажется тебе, всем вам старомодным – но весь мой экипаж мыслит так, потому что все мы родились во времена, когда мужчина был еще или по крайней мере мог быть мужчиной – хотя я застал эти времена уже на закате. И вот я или любой из нас восприняли бы гибель одного из нас как прискорбную закономерность. Но когда гибнет женщина, а мы остаемся в живых – девять здоровых мужчин...

– Ты объясняешь очень убедительно, – сказал Мастер, по-прежнему чуть усмехаясь. – Но ответь: ты любил ее? Очень?

Мальчик стесняется говорить о любви, уклоняясь то в замкнутость, то в цинизм: цена любви ему еще неизвестна. Но мужчина говорит о ней, когда нужно, хотя молчит, когда в признаниях нет нужды. И Ульдемир ответил:

– Да.

– Но ведь ты любил и раньше, верно? Только не отвечай чем-нибудь вроде того, что ты и вчера обедал или что каждая новая любовь сильнее, потому что те уже в прошлом, эта же – настоящая. Скажи кратко.

– Любил. И если бы не она, то не знал бы истинной цены любви. Но говорить об этом я не хочу больше. Это мое дело. Ты спас меня. Но лучше бы – ее. Вот и все. – Ульдемир не знал, что сейчас лучше: остаться одному со своей болью или попытаться растворить ее в общении с друзьями. – Но остальных-то я могу видеть?

– Несомненно. Однако прости меня – именно сейчас у меня возникла потребность говорить о любви, и именно с тобой. Поверь мне: это не бессмысленная прихоть.

– Не вижу смысла.

– А в чем ты вообще видишь смысл? Ты, младенец в огромном мире... Не тебе знать, в чем какой смысл сокрыт. Скажи мне: что гнетет тебя? Потеря женщины? Или – потеря любви?

– Одно и то же.

– О, дитя!.. Любовь – это часть тебя. Женщина – сама по себе, она – иное существо. Ты сам признался, что любил и раньше. Следовательно, объекты любви могут меняться. А чувство в тебе остается. Слушай. Та женщина исчезла. Сожалею. Но ее больше нет. И тут я бессилен. А вот дать тебе иную любовь – это задача не кажется мне неразрешимой.

– Пустое, Мастер. Не знаю, какие парадоксы ты еще сочинишь, но меня ими не убедить. Я не хочу другой любви. Пусть Астролиды нет – я буду любить ее всю жизнь все равно. В памяти она жива. Нам не привыкать к тому, что самое дорогое находится далеко от нас и в пространстве, и во времени. И пусть у нас с ней было очень немного – в нем содержалось столько всего, что хватит на остаток жизни. Спасибо за сочувствие. Но мы привыкли справляться с горем сами.

– А это вовсе не сочувствие, Ульдемир. Я корыстен. И совсем не предлагаю свою помощь задаром. Альтруизм – не мой грех.

– А если я не нуждаюсь в помощи?

– Еще как нуждаешься! Потому что, видишь ли, мне нужен ты. И не для того, чтобы проводить с тобою время: у меня вечно не хватает времени, хотя я и не скован им так, как ты и все вы. Ты нужен мне для серьезных дел. Но без моей помощи тебе их не выполнить. А моя помощь и будет заключаться в том, чтобы дать тебе всю ту силу, какая вообще может в тебе возникнуть. А значит – дать тебе и любовь, потому что человек, вооруженный любовью, сильнее вдвое, а может быть, и втрое.

– Не знаю, что у тебя за дела, Мастер. Но у нас достаточно своих. Я уже говорил: только доставьте нас на Землю...

– Готов. Любого, кто захочет. Но только после того, как все вы сделаете то, о чем я попрошу.

– Тебе не кажется, что пользоваться нашей зависимостью недостойно?

– Нет. Зависимость – слишком мягкое слово, да и неточное. Вас уже не было, понимаешь? Вы исчезли. Но я вернул вас – потому что вы мне нужны.

– Я вижу, ты гуманист, Мастер...

– А ты гуманен – к рыжим муравьям? Но остерегайся судить, не зная всех обстоятельств. Тебе рано в судьи, человек с Земли; хорошо, если вы доросли до того, чтобы быть свидетелями. Ты ведь больше не полагаешь, что ты и твои спутники остались живыми после взрыва? (Ульдемир невольно провел рукой по бедрам, проверяя.) Нет, Ульдемир, с позиции вашего уровня знаний вас просто больше не было. Но уже в твоё время занимались реанимацией; примитив, конечно, но все же – движение в нужном направлении. А вас мне пришлось рекомбинировать по оттиску пространственной памяти: след ведь остается и в пространстве, а не только на мокром песке. Можешь считать, что я создал вас заново – и вправе делать с вами все, что хочу. Но я предпочитаю не приказывать, а просить. И предлагаю тебе условия договора. Ты сделаешь

то, что поручу, честно отдавая все силы. И пока ты будешь занят этим, останешься подчиненным мне. И станешь пользоваться тем, что я тебе дам. И если я захочу, чтобы ты полюбил, – полюбишь...

– Нет.

– Какая самоуверенность! Ну а потом в благодарность за сделанное я отправлю тебя на Землю. Тебя и любого, кто захочет.

– Захотят все.

– Значит, и отправлю всех.

– Жестоко, Мастер, и несправедливо. Но ты не хочешь нашей благодарности, хочешь, чтобы мы отработали свое спасение, – будь по-твоему. Договор так договор. Не прикажешь ли расписаться кровью?

– Достаточно слова.

– Но с оговоркой. Может быть, тебе это не совсем понятно, но у нас, у каждого, есть представление о такой вещи, как мораль. И если твое поручение связано с нарушением морали...

«Черт меня возьми, – подумал вдруг Ульдемир. – Да это просто идиотизм какой-то. Погиб корабль. Астролида погибла, а я тут изъясняюсь с этим сумасшедшим, да еще какими-то дурацкими словами».

– Мора-а-аль, – протяжно произнес Мастер, непонятно – с иронией или просто уважение прозвучало в его голосе. – Ну а какова же твоя мораль? К примеру, что она велит делать с падающим? Поддержать? Или подтолкнуть?

Это Ульдемир знал давно: не всякого падающего следует вытаскивать. Иного и на самом деле стоит подтолкнуть, потом присыпать землей, а для верности еще и вогнать осиновый кол.

– Смотри кто падает.

– И решать будешь ты. Нет-нет, я понимаю: ты будешь исходить не только из своих симпатий. Ты станешь оправдываться – ну, хотя бы интересами общества. А ты уверен, что всегда правильно их понимаешь? Есть у тебя абсолютные критерии того, что – добро и что – зло?

– Абсолютных не бывает.

– Ошибаешься. Они есть. Но если бы даже было по-твоему – на каждом новом уровне знания люди поднимают свои относительные критерии все выше. А значит, и сама мораль становится выше и совершеннее. Но поскольку она при этом неизбежно изменяется, то на каком-то этапе новые критерии могут оказаться противоположными твоей морали, и ты решишь, что они поэтому вредны и носителя их надо толкнуть, чтобы он упал...

– К чему этот разговор, Мастер?

– А мне интересно, что ты за человек, что за люди все вы. Погоди, не начинай излагать мне основы твоего мировоззрения: они тут известны. Но ведь прочитанное или услышанное каждый понимает по-своему, и мораль каждой эпохи есть лишь средняя величина множества личных моралей. И вот меня интересует: кто ты таков, что можешь и чего не можешь, насколько можно тебе верить и насколько – нельзя?

– Мне трудно ответить.

– И не надо, Ульдемир. Судят по поступкам. Вот я и дам тебе возможность совершать поступки, а потом ты придешь, и мы рассудим.

– Да почему именно я? Прилетайте на Землю. Там...

– Захотим ли мы посетить Землю – вопрос иной, и сейчас мы об этом говорить не станем. Пока речь – о тебе. О твоих поступках. Ты скорбишь о женщине – это поступок. Ты отказываешься от другой любви: продолжение первого поступка. Возникает определенное впечатление о тебе, как о человеке, способном хранить верность – или, во всяком случае, стремиться к этому. Даже вопреки здравому смыслу. Потому что если бы ты задумался, то понял бы: от любви отказаться невозможно, любовь – не акт воли. Пока ее нет, отказываться не от чего. Когда есть, отказываться поздно. Отказаться можно от проявлений любви – это другое дело, и,

по сути, мы говорим именно об этом. Но подойдем к нашей теме иначе. А если я скажу тебе, Ульдемир: сделай то, что я попрошу, – и в награду я верну тебе ту женщину, о которой ты тоскуешь! И если то, о чем я попрошу, не будет совпадать с твоей моралью, полностью или частично – как велико должно быть это расхождение, чтобы ты отказался? Способен ли ты вообще отказаться? Или – способен ли согласиться?

Ульдемир уперся в Мастера взглядом.

– Она жива?

– Жива, не жива – понятия относительные, как ты можешь судить на собственном опыте...

Но Ульдемир успел уже, пусть на мгновение, отчаянно, исступленно поверить: жива! Или – может оказаться живой...

– Хватит отвлеченных рассуждений! Говори, чего ты ждешь от меня. И я отвечу.

– Скажу, когда придет время. – Казалось, Мастеру доставляла немалое удовольствие эта беседа, в которой он, как большой черный кот, то выпускал когти, то втягивал их и касался мышцы гладкой лапой. – А теперь рассмотрим еще одну возможность. Астролида возникнет. И окажется, что ты-то ее любишь, а она тебя – нет. И все, что случилось ночью в твоей каюте («Черт, откуда он все знает?» – мелькнуло), было лишь миражом – просто почудилось ей и исчезло. И она пройдет мимо, лишь по-дружески кивнув тебе. Стоит ли в таком случае возвращать ее?

– Да, – почти беззвучно проговорил Ульдемир.

– Но тебе будет куда больнее. Ведь сейчас она целиком твоя. А тогда – если она окажется не одна...

– Все равно, Мастер: если есть хоть малейший шанс...

– Как же так? Объясни.

Ульдемиру вдруг показалось, что очень многое зависит от того, что он сейчас ответит.

– Потому, Мастер... Как объяснить тебе? Если в любви любишь самого себя – тогда, конечно, не надо. Но если любишь другого, значит любишь самое его существование, как бы он сам ни относился к тебе. Пусть она будет, Мастер!

– Романтик! – усмехнулся Мастер беззлобно и даже как бы сочувственно. – Ну что же, для первого знакомства мы поговорили достаточно.

– Нет, погоди, нельзя же так! Ты обещаешь?

– Обещать – не в моих правилах, Ульдемир. Ничего сверх того, что необходимо, а необходимое входит в договор. – Голос его был холоден и деловит. – Поговорим теперь о деле, от которого зависит, весьма возможно, и все остальное.

– Я готов, – сказал Ульдемир, напрягая мускулы, как если бы действовать предстояло немедленно: бежать куда-то, настигать, бить кулаками... – Что надо сделать?

– Этого-то я и не знаю.

– Опять шутки?

– Будь почтительнее, Ульдемир. Я говорю правду. Я знаю, чего надо добиться, но не знаю как. Это ты увидишь на месте, а вернее – решишь на месте. Ты станешь поступать так, как подскажут тебе обстановка и эта твоя мораль – потому что больше тебе не с кем будет посоветоваться.

– А мой экипаж? Разве эти люди не пойдут со мной?

– Они, возможно, там будут.

– Значит, найдется с кем посоветоваться.

– Они будут, но ты можешь и не опознать их там.

Ульдемир недоверчиво усмехнулся.

– А когда ты глянешь в зеркало на самого себя, ты не узнаешь и себя тоже. Ты будешь совсем другим человеком, как и они. Другое имя, внешность, знания, функции. Другое обще-

ство, другая планета. И только в глубине сознания ты будешь помнить, что, кроме всего прочего, ты еще и капитан Ульдемир. И капитан будет выходить на сцену лишь в критические секунды. А в остальном каждый из вас станет частью той жизни, с ощущением, что та жизнь для вас – единственная и настоящая. Иначе нельзя.

– И все же я не понимаю одного.

– Постараюсь ответить.

– Зачем тебе я? Если бы ты посылал меня туда, где я – или мы – были бы единственными людьми, тогда понятно. Но если там, куда я должен попасть, существует общество, человечество...

– Все это там есть.

– Так почему же ты не поручишь это одному из них? На твои условия согласились бы многие. Разве там нет никого, потерявшего любимую? Или претерпевшего еще что-то такое, после чего трудно жить?

– Застигнутых бедой людей можно найти везде. Остановка не за этим. Но попытаюсь объяснить тебе, почему я действую так, а не иначе. Чтобы заставить человека оттуда сделать то, что мне нужно, мне пришлось бы принудить его видеть мир, в котором он живет, совсем иначе. Так, как видим его мы отсюда.

– Ну и что же?

– Ему было бы очень тяжело, Ульдемир. И он перестал бы быть тем, кто мне нужен. Вот хотя бы ты: жаждешь вернуться на Землю, хотя по нашим меркам она весьма далека от идеала даже и сегодня, мало того... Но это в другой раз. Ты хочешь вернуться на Землю, потому что она – твоя, какой бы она ни выглядела для стороннего взгляда. И ты согласен выполнить мое поручение именно ради того, чтобы я потом отправил тебя на Землю. Тут все в порядке. Ну а тот человек? Что я предложу ему? Ведь мне именно и нужно, чтобы его мир не остался таким, к которому этот человек привык, но чтобы этот его мир изменился! Изменился – потому что от этого зависит очень многое за пределами их мирка... Мне нечем будет наградить этого человека, Ульдемир, то, что я смогу дать ему, – ничтожно по сравнению с тем, что он сам у себя отнимет...

– И потому ты предоставляешь совершить это мне.

– Не пугайся: ты не совершишь ничего, что шло бы во вред тем людям – подавляющему их большинству, во всяком случае. Меня останавливает не то, как отразились бы на этом человеке результаты его дел – они будут благотворны, – но то, что станет происходить в нем, пока он будет делать нужное мне дело, выступит один против всего мира – его родного мира... А тебя тут выручит именно то, что ты – Ульдемир с далекой Земли. – Мастер помолчал. – И еще одно. Сделать то, что мне нужно, способен не всякий. Ты – годишься. Именно сейчас. Не знаю, может быть, некоторое время назад ты совершенно не подошел бы... Да, вот важное обстоятельство. Тебе может показаться, что ты там будешь кем-то вроде актера, будешь играть роль. Но если там придется гибнуть – это будет всерьез, Ульдемир. И не надо полагаться на то, что кто-то из нас сможет в нужный миг оказаться поблизости и повторить то, что мы уже однажды сделали. Это будет жизнь, Ульдемир, вместе с ее оборотной стороной... ну вот, что еще тебе неясно?

– Ты посылаешь нас надолго?

– Не знаю. Когда ты вернешься, будет зависеть от тебя самого. Но если все затянется, ты, скорее всего, не вернешься совсем. Во всяком случае, если пользоваться твоим исчислением, счет времени пойдет не на годы, Ульдемир. На недели и, возможно, даже на дни.

Они помолчали минуту-другую.

– Ты веришь в судьбу, Мастер?

– Смотря как понимать это слово. Я верю, что Фермер правильно ведет свои дела. И стараюсь поступать так же.

– Кто он, Фермер?
– Человек, – улыбнулся Мастер, – которому я передам от тебя привет.
– Когда мне выходить? И куда? Будет корабль?
– Ты поймешь, когда и как. Будь внутренне готов. Ну вот мы и составили первое представление друг о друге; очень рад буду увидаться с тобой еще. – Это прозвучало искренне. – Живи, Ульдемир, не уставай жить. – Он повернулся и стремительно зашагал по веранде, обогнул угол дома – и шаги его сразу стихли.

Ульдемир еще немного постоял на том же месте. Да, интересно складываются события, ничего не скажешь... Он медленно, как ходят люди, погруженные в раздумья, приблизился к положому крыльцу и стал спускаться вниз – туда, где расстился луг с зеленой муравой.

Помедлил на нижней ступеньке крыльца, прежде чем коснуться ногой травы. Зажмурившись, глубоко вздохнул, втягивая запах...

Глава третья

...втягивая запах, тончайший, сложный запах, в котором смешивались: тихий, настойчивый, чем-то схожий с плесенью – бактерицидного пластика, из которого было все: пол, потолок, стены, мебель; и резковатый, тревожный – так пахли холодные бело-голубые нити освещения, не создававшие уюта, а, напротив, вызывавшие ощущение открытости и неприютности; и душистый, сильный, но не затмевавший остальных аромат цветов, огромных, ярких, какими не бывают цветы в природе – зато эти никогда не надо было менять, а сила запаха автоматически или же вручную регулировалась; и наконец, эманация уже стоявшего на столе завтрака, в свою очередь составная, ежедневно менявшаяся в зависимости от тонуса человека, которому завтрак предназначался. Забавно было каждое утро угадывать, что же окажется на столе на этот раз; сначала он ошибался два раза из трех, теперь в лучшем случае раз из десяти: годы не проходят зря. В старости он наверняка будет угадывать сто раз из ста; а когда однажды ошибется, это будет означать, что организм его вышел на последнюю прямую, ведущую к концу, и необратимые изменения начались. Опекун заметит это раньше, чем сам человек, и естественно: Опекун все замечает раньше и своевременно принимает решения, человек давно перестал жить на ощупь, а также отвлекаться для решения разных мелких проблем, вроде меню сегодняшнего завтрака, цикла утренних упражнений, одежды и прочего. И все же что-то было в этом ежедневном угадывании, какой-то темный азарт, род развлечения. Жаль, что Опекун ни разу не поддался, не включился в игру, не уступил искушению выкинуть на стол что-нибудь такое, что и представить нельзя было бы: скажем, в разгаре лета – что-нибудь из зимнего репертуара, с повышенным содержанием жиров, предположим, или иной, зимней гаммой витаминов. Что ж, тем лучше для него, Опекуна; иначе автоматический постоянный контроль тут же сработал бы, и крамольные блоки немедленно подверглись замене. Однако сколько ни вспоминай, такого не происходило, не слыхано было о таком, и единственное, что грозило Опекуну, – это когда подопечный, чье сознание не могло подвергаться столь точному программированию и скрупулезному контролю, как схемы Опекуна, выходил из режима и чем-нибудь тяжелым, или острым, или тем и другим вместе принимался крушить датчики и провода и таким способом ненадолго лишал Опекуна возможности выполнять свою задачу. Самому Опекуну это не вредило, его схемы находились, понятно, в Центре, а не здесь, до них было не добраться: они были смонтированы, вместе с Инженером, Политиком и Полководцем, в каких-то, по слухам, подземных цитаделях, в глубине многокилометровых шахт, рядом с которыми располагались, опять-таки по слухам, убежища для Неизвестных; о том, где все это располагалось, можно было лишь делать догадки, и то про себя: следовало постоянно помнить о Враге, что был всегда начеку. Да, итак, разрегулировавшийся опекаемый, обычно человек невысокого уровня, ученый седьмого-восьмого разряда, художник или инженер столь же скромного пошиба, мог нанести такой

легко устранимый вред сетям Опекуна; тогда ремонту подвергался уже сам ученый, художник или инженер (с политиками такого не случалось, помнится, еще никогда), его увозили ненадолго, возвращался он умиротворенным, и больше уже с ним ничего такого не происходило. Подобные инциденты, впрочем, не считались чем-то постыдным и никак не влияли на положение человека в обществе и на отношение общества к нему; знали ведь, что винить в происшедшем можно было разве что природу, создавшую человека несовершенным, не как город с продольно-поперечной, логичной планировкой, какие строились по заранее точно разработанным проектам, а как город из тех, что возникали стихийно, без проектов, без единой мысли о перспективе, разрастаясь протяженно во времени и напоминая клубок из обрывков нитей, где иная улица могла дважды пересечь самое себя и выводила в конце концов к собственному началу. Таким был человек, и порой в сложную планировку его сознания приходилось вносить рациональные упрощения, разрушая паутину переулков и прокладывая вместо них широкую магистраль от Возможности к Желанию, а никак не наоборот. Все это было правильно, рационально, да иначе и быть не могло – так всю жизнь полагал Форам Ро, да и сейчас он тоже так считал.

Впрочем, Форам Ро о таких вещах думал крайне редко: к его работе они отношения не имели, а ко внерабочей жизни – тем менее. Не хочет Опекун ввязываться в игру – его дело... Глубоко вдохнув и выдохнув, Форам вовремя вскочил с постели: еще минута-другая, и лежать стало бы неудобно, неуютно, постель заерзала бы под ним: никогда не следует перележивать, этак и бока пролежишь, ха, не больной же ты, – а если задержишься и еще на минутку, включатся медицинские датчики, вмиг прочешут тебя, и, скорее всего, ты окажешься симулянтом, потому что – кто же болеет в наше время, это надо неизвестно какую жизнь вести, чтобы в твоём организме, при котором неусыпно бдит Опекун, что-то вдруг разладилось до такой даже степени.

Через несколько минут Форам уже стоял на упругом коврике в углу, лицом к экрану. На экране вспыхнуло «17», иными словами, зарядка по семнадцатой программе полагалась сегодня Фораме, не по шестнадцатой и никак не по восемнадцатой. Затем на экране возник крепенький индивид и стал командовать, одновременно приседая, поворачиваясь, подпрыгивая, взмахивая руками. Зазвучали команды, музыка – и неслышным было тихое шипение добавочного кислорода: дозировка его в воздухе в это время изменялась. Потом индивид аннигилировал, экран показал стадион и дорожку, двенадцать парней в мгновенном томлении предстарта; автомат рявкнул – понеслись; одновременно коврик под ногами Форамы дрогнул и побежал назад, бесконечно возникая перед ним из-под пола и скрываясь позади, и он помчался по нему что было сил – вперед, вперед! – а коврик бежал так, что Форам все время оставался на месте, не приближаясь к экрану ни на сантиметр. Пролетел десяток секунд: сотка – явление скоротечное. Те, на экране, достигли финиша чуть раньше, чем Форам, но и он выложился, и возникшие на экране цифры – показанное им время – его вполне устроили: ничуть не хуже, чем вчера. Пошли упражнения на расслабление, крепенький парень снова возник, профессионально поигрывая бицепсами. Щелк – экран погас, конец зарядке. Пританцовывая, Форам вбежал в душевую – вода со свистом хлестнула, едва он показался на пороге. Он вертелся под душем, пока вода не выключилась. Ай-о! Хорошо. Он распахнул шкафчик. Что там на сегодня? Легкое: тонкие серые брюки, белая рубашка, галстук в красных тонах, носки под цвет, бесшумные пластиковые сандалии, почти невесомая куртка со всеми полагающимися знаками и эмблемами. Это нам идет, мар Форам. В этом мы смотримся. Серое и красное, да еще с белым – наша гамма.

– Спасибо, Опекун! – крикнул он весело и в меру громко. Никто не ответил, конечно, но это вовсе не значило, что его не услышали. Все слышится, все учитывается. И прекрасно: ты уверен, что ни одно твоё движение, физическое и душевное, не пропадет зря. Только так и можно.

Завтрак он и в самом деле угадал, и это еще улучшило и без того светлое настроение. День начался с высокой ноты – вот и хорошо, вот и ладно, славно, пусть и до самого вечера так. Вечером – может быть, все дело как раз в том, что вечером они встретятся с Мин Аликой. «Любовь, – замурлыкал он под нос, а тело на миг напряглось в сладких предвкушениях. – Любовь, любовь – любовь...» Недаром сегодня среда, шестой день недели.

Вот именно среда. И вечер занят, следовательно – игры он не увидит. Той игры, что назначена на вечер. Значит, надо посмотреть ее сейчас. За завтраком. Хотя бы последнюю четверть. Форама дал команду на экране, на возникший вопрос – набрал шифр. С большим трудом выбил он для себя право опережающего просмотра игр. Если бы он не работал в этом институте, да еще на магистральном направлении, локоть бы ему дали, а не разрешение. Вот сейчас он и посмотрит еще не сыгранную (официально) игру. Чуда в этом, понятно, никакого: уровень эмоций всех людей, интересующихся игрой, известен, подсчитан и учтен заранее, в зависимости от него запланирован и результат игры: такой, чтобы большая часть эмотов осталась довольной, чтобы настроение их еще поднялось; а те эмоты, что стоят за проигравших, пусть понесут ущерб в зависимости от их количества: если их много – разрыв в счете будет небольшим и игра почти равной; если мало – произойдет разгром. Однако количество эмотов на каждой стороне тоже не создается само собой: в случае нужды о команде сразу выбрасывают такую информацию, какая сразу же или привлекает новых сторонников, или, наоборот, отталкивает кого-то из старых. Содержание же этой информации, в свою очередь, зависит от пристрастий кого-то из Неизвестных да и от сегодняшнего настроения общества вообще, а настроение... Одним словом, сложная это работа, в результате которой команды выходят на круг и играют – раз, другой, пятый, пока не получается такой дубль, в котором нужный счет выглядит наиболее правдоподобно. Только тогда объявляется день, в какой игра будет сыграна, и эмоты начинают нетерпеливо поглядывать на свои экраны. А кто обладает разрешением – дай свой шифр и смотри игру хоть за неделю. Смотри, но – помалкивай. Потому что строго запрещены две вещи: играть в то и делиться известным тебе результатом с кем-нибудь другим; официально принято считать, что игра происходит именно тогда, когда ее показывают населению. И если тебя поймают – шифр прощай навеки, и стыда не оберешься, и надолго (если не навсегда) останешься с репутацией человека ненадежного.

А Форама – человек надежный. Мар Форама Ро, ученый шестой величины только, но зато работающий в институте нулевой степени молчания, да еще и в лаборатории нулевой степени, где ненадежным не место.

Он жевал и смотрел на экран. Нет, если уж везет, то во всем. После двух четвертей было уже шесть – два, вели Тигроеды, Красноухие проигрывали, туда им и дорога, пусть и всю жизнь продувают, пусть у них копыя узлом завязываются, пусть их киперу с начала и до конца каждой четверти кольцо кажется жабой, чтобы он от кольца шарахался в страхе, только каждую десятую часть перехватывает, не то ему от своих будет и вовсе не спастись, заколотят, и придется Красноухим на каждую игру выходить с новым кипером, только к ним ведь и не пойдет никто, ни за какие коврижки, дураков нет. Седьмое кольцо! Ай-о! Нет, ну это просто блеск!

А теперь – все. Время.

– Спасибо, Опекун!

Даже неудобно, до чего ликующе получилось. Но игрушка-то какая была! Прямо хоть смотри вечером еще раз, вместе с Мин Аликой. А что, почему бы и нет? Эшамма наххай, как говорят проклятые враги на их гнусной планете, клин им в членоразделение!

Пора. Форама распахнул узкую дверцу в стене. Кабина была уже под током, на белом матовом диске красный сектор все уменьшался. Сюда опаздывать не рекомендуется. Путь кабины рассчитан не по минутам – по секундам: и вниз с яруса, и по боковому руслу; и к магистрали она подойдет в тот самый миг, когда с нею поравняется свободное место в бесконечной череде плывущих мимо кабинок, и она точно займет гнездо, и опять-таки в нужную секунду

окажется у перегрузки на поперечную магистраль, сработает автоматика, кабинку мягко перетолкнет с ленты на ленту, и поплывет она дальше – и Форама вылезет из нее в нужную секунду прямо в своей рабочей комнате. А не успеешь сесть дома, минута истечет – и ток вырубится, добираться тогда как знаешь, опоздание не меньше чем на час. Это в нулевую-то лабораторию! С ума сойти!

Впрочем, с Форамой такого не случилось. И не случится.

Сектор превратился в узкую иглу. Резко грянул напоминающий звонок. Это для разгильдяев. А Форама уже – вот он, готов. «Пожалуйста, – пригласил он себя. – Пожалуйста, садитесь, капитан Ульдемир!»

Кто?

Нет, черт его знает, откуда возникло в голове такое сочетание звуков. Ульдемир? Капитан?

Мар Форама Ро, вот кто он, ученый шестой величины, две совы на воротнике – еще не змеи, конечно, но уж и никакие не дятлы. В его возрасте две совы – неплохо, очень даже. Учитывая, что все – сам, своей головой, никто не тащил и не подталкивал, в автоматику Отбора и Продвижения никто не вмешивался и коэффициентов снисходительности не вводил. Да: мар Форама. Не просто Форама – это только для друзей, – а именно мар Форама. И никак иначе.

Он устроился поудобнее. Дверца защелкнулась. Езды тридцать семь минут. За это время настроимся на работу. Игра – в сторону, словно ее и не было, и Мин Алики – словно и не будет; тем более что и она сейчас думает не о тебе, Форама, она – художница девятой величины, три кисточки на воротнике или на груди, если наряд без воротничка (женщины всегда что-нибудь придумают!), три кисточки. До лавровых листочков ей еще пахать и пахать, не говоря уже о ветках, а до хотя бы одного венка на воротнике ей и за всю жизнь не добраться. Но она честно пашет и до самого вечера думать о тебе, мар Форама, а для нее просто Форама, Фо, Фа или Рама (смотря по настроению), не станет. И только так оно должно, и только так может быть. Во всем нужен порядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.